

Дятлов В. В.
V. V. Dyatlov

**РОЛЬ СОВЕТСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ВООРУЖЕННОМ КОНФЛИКТЕ
НА РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ**

THE ROLE OF SOVIET ARTILLERY IN THE BATTLES OF KHALKHIN GOL

Дятлов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник Михайловской военной артиллерийской академии (Россия, Санкт-Петербург); 195009, Санкт-Петербург, ул. Комсомола, д. 22. E-mail: V.milbach@yandex.ru.

Mr. Vladimir V. Dyatlov – PhD in History, Associate Professor, Head of Mikhailovskaya Military Artillery Academy (Russia, Saint Petersburg); 195009, Saint Petersburg, 22, Komsomol Str. E-mail: V.milbach@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены основные события вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол. Дана характеристика событиям, которым вскоре будет отмечено семьдесят пять лет. На основе ряда источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот, исследуются вопросы о составе артиллерии противоборствующих сторон, недостатки в боевом применении советской артиллерии, особенности ведения контрбатарейной борьбы, потери сторон в артиллерии. Выводы содержат авторскую оценку применения советской артиллерии в вооруженном конфликте.

Summary. The paper describes the main events of the battles of Khalkhin-Gol, soon to turn 75. Drawing on a number of sources (some of which are being introduced into scientific literature for the first time) we investigate such issues as: the composition of artillery forces on both sides, discernible shortcomings in the tactical employment of Soviet artillery (particularly in what concerns counter-battery fire), and artillery losses on both sides. Our conclusions go as far as the estimation of the tactical employment of Soviet artillery in this armed conflict.

Ключевые слова: территория Монголии, особый стрелковый корпус, артиллерия, японо-баргутские войска, мотоброневая бригада, взаимодействие родов войск, артиллерийская подготовка, огневое поражение противника, артиллерийская группа поддержки пехоты.

Key words: territory of Mongolia, specialized infantry corps, artillery, Japan-Barga troops, mechanized brigade, arms coordination, artillery preparation fire, fire damage to the enemy, fire support base, infantry support

УДК 94

Во второй половине 1930-х гг. экспансивные действия японского милитаризма в Китае принудили советское военно-политическое руководство принять ряд мер превентивного характера по обеспечению своих границ и границ Монгольской народной республики. В сентябре 1937 г. на территории Монголии был развернут 57-й особый стрелковый корпус (57 ОК) – подвижное ударное соединение, явно не рассчитанное на ведение позиционных боевых действий.

В соответствии со «Сведениями о боевом и численном составе корпуса» на 11 октября 1937 г. артиллерия соединений и частей насчитывала 516 орудий (37-мм пушек – 36, 45-мм пушек – 392, 76-мм пушек – 72, 122-мм гаубиц – 16) (см. прим. 1, Оп.1, Д.138, Л.12). Корпусной артиллерии, артиллерийских подразделений управления и связи, артиллерийской разведки в корпусе не было. Управление артиллерией возлагалось на начальника артиллерии корпуса полковника (позже – комбрига) Ф.Г. Корзина и возглавляемый им артиллерийский отдел корпуса, в котором по штату числилось всего 4 человека.

В мае 1939 г. вспыхнул вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол. События в нача-

ле вооруженного конфликта показали, что в приграничных боях артиллерия корпуса была способна противостоять атакам кавалерии и пехоты противника и наносить им поражение. В конце мая в боях у реки участвовало 28 советских орудий, у японцев имелось 18 орудий. Достаточно высокую эффективность показала батарея советских самоходных орудий СУ-12. В отдельные периоды боевых действий именно артиллерия буквально спасала положение советских войск. Так произошло 28 мая при отражении атаки японо-баргутских войск на мост через Халхин-Гол, возведенный советскими саперами.

Артиллерия стала огневым щитом в ходе напряженных боев в начале июля 1939 г., когда стрелковые и танковые части буквально таяли в непрерывных боях днем и ночью. В докладе о боевых действиях Г.К. Жуков отмечал напряженность этих боев: «149 сп понес большие потери в людях и материальной части. По количеству людей он представлял из себя только полнокровную роту» (см. прим. 1, Оп.1, Д.2, Л.22). Противник был вынужден признать эффективность поддержки артиллерией советских частей на правом берегу реки, которых им так и не удалось сбросить в Халхин-Гол. В приказе командира 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта М. Комацубара № 123 от 9 июля 1939 г. было указано следующее: «Противник, находящийся на правом берегу реки Халхин-Гол, почти уничтожен решительным наступлением и его остатки составляют незначительную часть, но артиллерия, находящаяся на высотах правого берега, все еще продолжает развивать активность» (см. прим. 2, Оп.2, Д.491 Л.136). Тем самым генерал Комацубара признавал, что именно огонь советской артиллерии не позволил его частям выполнить поставленную задачу по окружению и уничтожению советских частей. Для борьбы с советской артиллерией противник подтянул в район конфликта дальнобойную артиллерию – 3-ю бригаду полевой артиллерии (1-й и 7-й полки тяжелой артиллереи).

Боевые действия против соединений японской Квантунской армии вскрыли недостатки в организации управления артиллерией корпуса, который 19 июля был преобразован в 1-ю армейскую группу (1 АГ) (см. прим. 3). Начальник артиллерии армейской группы комбриг Ф.Г. Корзин в одном из боевых донесений оценивал подготовленность подчиненных органов управления в начале вооруженного конфликта следующим образом: «Подготовка артиллерийских штабов оставляет желать много лучшего. Большинство штабов состояло из случайно набранных лиц, в ряде случаев к штабной работе не способных» (см. прим. 4, Оп. 1, Д.5, Л.3).

Как свидетельствуют документы, «борьба с артиллерией противника велась в условиях отсутствия корректировочной авиации... и отсутствия карт крупного масштаба» [1, 519], попытки применить радиосвязь показали, «что командиры не овладели работой на радиостанциях» [1, 518].

Отсутствие централизации в управлении огнем артиллерии, должного взаимодействия артиллерии с другими родами войск с целью решения единых задач в интересах боя (особенно в мае-июле 1939 г.) были отмечены в докладе командующему фронтовой группой командарму 2-го ранга Г.М. Штерну: «Артиллерия увлекается больше стрельбой и главным образом дуэльной, без всякой преднамеренной подготовки к боевым действиям наземных войск. Товарищ Жуков отдал очень жесткий приказ об экономии и запрещении всяких артиллерийских стрельб без санкции начальника артиллерии» (см. прим. 2, Оп.2, Д.491, Л.10).

Недостатком в действиях советских войск являлось отсутствие эффективного взаимодействия артиллерии с пехотой и танками, что отразилось на потерях наступающих советских войск. После огневого налета артиллерии пехота со значительным опозданием переходила в атаку, что давало противнику возможность подготовиться к ее отражению. Присутствующий в районе конфликта начальник артиллерии РККА Н.Н. Воронов лично вынужден был отправляться в боевые порядки стрелковых войск и организовывать повторную атаку после дополнительного огневого налета по противнику [2, 126]. Слабо взаимодействовали войска в сражении на горе Баин-Цаган, занятой противником после форсирования Халхин-Гола в ночь со 2 на 3 июля 1939 г. Атаки советских мотоброневых

и танковой бригады на перешедшего к обороне противника осуществлялись не одновременно, без поддержки пехоты и почти без поддержки артиллерией. В результате 3 июля наступающие потеряли 77 танков и 37 бронемашин (около 60 % бронееквивалента, участвующих в атаках).

Недостатки во взаимодействии артиллерии с танковыми частями (подразделениями) имели место и в ходе августовского наступления советских войск. Так, 23 августа 1939 г. танковая рота старшего лейтенанта Хлопова после совершения обходного маневра вступила в бой с подразделениями 602 сп, приняв их за противника, ответным огнем батареи ПТО 5 танков роты Хлопова были подбиты и 2 сожжены.

В июле 1939 г. на Халхин-Голе получили боевое крещение советские 82-мм минометы (всего 58 единиц), которые первоначально применялись неэффективно. В 82-й стрелковой дивизии материальная часть и боеприпасы к минометам попросту передавались в артиллерийские подразделения [3, 103-104], так как командиры минометных подразделений этой недавно развернутой до штатов военного времени дивизии попросту не умели с ними обращаться.

К августовскому наступлению советских войск состав артиллерии 1 АГ был существенно увеличен. Дивизионная артиллерия и артиллерия усиления насчитывали 208 орудий. В целом советская группировка войск по силам и средствам превосходила войска 6-й армии генерала О. Рипо. Общее превосходство в артиллерии было также на стороне войск Красной армии: 542 орудия и миномета, против 337 японских.

В наступательной операции, начало которой было спланировано на 20 августа 1939 г., на артиллерию были возложены основные задачи по огневому поражению противника. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью – 1,5 часа. Артиллерийская поддержка и сопровождение наступающих войск не планировались. Это говорит о недостатке в планировании огневого поражения противника в наступлении.

В ходе наступательных боев возникали ситуации, когда низкий уровень профессиональной подготовки некоторых командиров ставил под угрозу выполнение боевой задачи. Так, 23 августа 1939 г. при штурме высоты «Палец» северной группой войск «советская пехота находилась в 100–150 метрах от японских позиций; поэтому решено было пристреливать каждое орудие в отдельности. В процессе пристрелки выяснилось, что некоторые командиры батарей 82-го гаубичного артиллерийского полка не умеют вести пристрелку с большим смещением. Поэтому начальник артиллерии северной группы полковник М.Д. Дмитриев вынужден был сам заниматься пристрелкой. Из-за этого последняя затянулась на два часа» [1, 528].

Недостатки в организации управления пришлось компенсировать количеством артиллерийских стволов, а также значительным расходом боеприпасов. Последнее, наряду с влиянием других факторов, приводило к перебоям в снабжении боеприпасами. При подведении итогов боевых действий отмечалось: «Снабжение войск осуществлялось без всякого плана. Работники тыла не знали расхода боеприпасов, поэтому и не знали, сколько нужно подвезти их. В частях органы снабжения организованы не были.

Только к концу боевых действий дело с артиллерийским снабжением улучшилось» [1, 534].

В ходе вооруженного конфликта советская артиллерия получила опыт ведения контр-батареинной борьбы. Необходимо отметить, что авиационная разведка штабом корпуса использовалась малоэффективно, хотя силы и средства для этого имелись. На 27 мая 1939 г. самолётный парк советской группировки в Монголии насчитывал 206 боевых самолетов, в том числе самолетов-разведчиков – 17 (8 %), которые в боевых действиях практически не участвовали. Следует отметить, японские ВВС «к началу конфликта насчитывали предположительно 52 самолета» (см. прим. 1, Оп.1, Д.2, Л.84-88), из которых 18 (более 34 %) были разведывательными и участвовали в боевых действиях. Для разведки целей и корректирования огня артиллерии японские войска активно использовали воздушные средства разведки, в том числе и аэростат наблюдения. Немаловажным достоинством японской авиации, в отличие от советской, являлось наличие средств радиосвязи, что значительно повышало эффективность разведки и возможности корректирования огня. Только в период с 23 по 25 июля 1939 г., по оценке командира 23-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта М. Комацубара, японской артиллерией было уничтожено 24 советских орудия, в том числе калибра 107 мм и крупнее – 15, подавлено 10 орудий, в том числе калибра 107 мм и крупнее – 9 [4, 1103-1106].

Отечественные архивные документы свидетельствуют, что в эти дни отмечалась «усиленная работа корректировочной авиации противника» (см. прим. 4, Оп.1, Д.4, Л.2) и в советских сводках фигурируют данные о выведенных в этот период из строя орудиях: 107-мм пушек – 1, 122-мм гаубиц – 8, 152-мм гаубиц – 4 (см. прим. 4, Оп.1, Д.5, Л.31).

Советские войска стали использовать технические средства артиллерийской разведки только в конце июля, когда в район боевых действий прибыл 185-й артиллерийский полк Резерва Главного Командования. Полк имел в своем составе дивизион артиллерийской инструментальной разведки: батарею звукометрической разведки, батарею фотограмметрической разведки, топогеодезическую батарею. Очевидно, имеющиеся возможности этих средств были ограничены и не были должным образом оценены штабом 1 АГ. Будущий маршал артиллерии Н.Н. Воронов отмечал: «Снова подтвердилось важное значение артиллерийской разведки, хотя она у нас была еще на невысоком уровне, нуждалась в техническом оснащении» [2, 131].

Начальник штаба артиллерии 1 АГ майор Моренков докладывал начальнику штаба группы комбригу Богданову о результатах разведки артиллерии противника: «По данным звукоразведки и наблюдения установлено следующее наличие артиллерии противника: 8-10 батарей калибра 75-120 мм, предполагается дивизионный артполк ... Кроме того, у противника установлено до трех 105-мм дальнобойных батарей... Помимо полевой артиллерии противник имеет на фронте выявленные три зенитные батареи калибр 75-мм... По количеству орудий мы превосходим противника в 3-4 раза» (см. прим. 4, Оп. 1, Д.5, Л.13).

Представляют интерес особенности ведения контрбатарейной борьбы. Советская артиллерия была укомплектована модернизированными образцами, разработанными накануне первой мировой войны. Далекое не все их характеристики превосходили японские аналоги. В ходе боёв были выявлены технические недостатки некоторых образцов артиллерийского вооружения, это – 107-мм пушки образца 1910/30 гг., 122-мм гаубицы образца 1910/30 гг. и 152-мм гаубицы образца 1909/1930 гг., дальность стрельбы которых не позволяла поражать цели в глубине обороны противника.

Войска ощущали потребность в дальнобойной артиллерии. «Мы обнаружили у японцев важные цели вне досягаемости огня наших орудий. С большим трудом удалось получить одну 4-орудийную батарею 122-мм пушек с дальностью стрельбы порядка 20 км», – вспоминал впоследствии Главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов [2, 125]. Планирование контрбатарейной борьбы осуществлялось следующим образом. Недостаток дальнобойной артиллерии вынудил командование отойти от требований Боевого

устава артиллерии и Правил стрельбы. Вместо уставного порядка определения площади обстрела, занимаемой батареей противника, её, независимо от дальности стрельбы, принимали равной 4 га. При этом значительно сокращалось потребное количество снарядов и артиллерии, подавление японской артиллерии в ходе августовских боёв было достаточно эффективным, в результате чего противник почти не вел огня по советским войскам. Успешные действия артиллерии привели к выводу, что существующие Правила стрельбы давали завышенные нормы расхода боеприпасов для подавления батарей, следовательно, их необходимо было пересмотреть.

Дискуссионным является вопрос о потерях советской артиллерии в ходе вооруженного конфликта. В докладе командующего 1 АГ комкора Г.К. Жукова «О кампании 1939 г. в районе р. Халхин-Гол» указана цифра потерь – 96 орудий (подбито – 66 ор., отправлено в ремонт – 8 ор., утеряно – 22 ор.) (см. прим. 1, Оп. 1, Д. 2, Л.48). Архивный документ «Сведения о потерях материальной части за период боев с 1 июля по 6 августа 1939 г.» свидетельствует, что потери советской полевой артиллерии составили 64 орудия: противотанковых 45-мм пушек – 12, 76-мм пушек – 16, 107-мм пушек – 4, 122-мм гаубиц – 26, 152-мм гаубиц – 6 (см. прим. 4, Оп. 1, Д.4, Л. 21). Из сводок о боевых действиях частей и соединений за период с 6 по 26 августа следует, что советская артиллерия за этот период потеряла еще 37 артиллерийских систем. Причем 60 % от данного количества потерянных орудий составили 122-мм гаубицы обр. 1909/30 г. и 152-мм гаубицы обр. 1910/30 г., которые вышли из строя в результате поломок, вызванных интенсивным их применением в период наступательных действий советских войск 21-26 августа (см. прим. 4, Оп. 1, Д.4, Л. 21). Таким образом, общие потери советской артиллерии в ходе вооруженного конфликта составили не менее 101-го орудия. Часть этих орудий была восстановлена ремонтными органами в полевых условиях.

В боях получило свое дальнейшее развитие планирование артиллерийско-авиационной подготовки, но действия пехоты и артиллерии на период артиллерийской подготовки увязывались плохо. Боевым уставом артиллерии предусматривались периоды поддержки пехоты и танков и сопровождение их при бое в глубине. Фактически эти периоды не планировались, что отрицательно сказалось на ходе боевых действий. Стрелковые и танковые части понесли излишние потери и не выполнили своей задачи в назначенный промежуток времени.

Группировка артиллерии в боях у р. Халхин-Гол в основном соответствовала требованиям Боевого устава артиллерии, часть II, 1937 г. В стрелковых дивизиях по числу стрелковых полков создавались группы ПП (поддержки пехоты), а в масштабе групп войск – группы ДД (дальнего действия). Боевые действия подтвердили правильность и целесообразность такого распределения артиллерии для поддержки пехоты артиллерийским огнем, однако ярко выраженного массирования артиллерии на важнейшем направлении не наблюдалось.

Снабжение боеприпасами в начале вооруженного конфликта было достаточно проблематичным, но улучшилось к концу боевых действий. В результате к началу августовского наступления советские войска были полностью обеспечены всеми видами снабжения.

В тяжёлых боях советская артиллерия продемонстрировала превосходство над японской артиллерией. Достаточно сказать, что основные потери японские войска понесли именно от огня артиллерии. Об этом свидетельствует «Сводка о результатах боевой работы артиллерии за период с 27 мая по 28 августа 1939 г. р. Халхын Гол» (см. прим. 4, Оп. 1, Д.4, Л. 17), в которой начальник артиллерии 1 АГ комбриг Ф.Г. Корзин отмечал, что за период боёв по неполным и приближенным данным частей огнём нашей артиллерии: уничтожено малокалиберных орудий – 69, 75-мм орудий – 55, 105-мм орудий – 6, зенитных орудий – 3, миномётов – 49, пулемётов – 117; подавлено артиллерийских батарей – 47, миномётных батарей – 21, пулемётных батарей – 30; подбито танков – 40, бронемашин – 29; разрушено наблюдательных пунктов – 21, блиндажей – 55; взорвано складов с горючим – 2, складов с боеприпасами – 2.

Трофеями советских войск стали следующие артиллерийские системы противника: орудия калибров 105-150 мм – 31, орудия калибров 70-77 мм – 92, минометы калибров 83-150 мм – 18, противотанковые пушки калибра 37 мм – 55 (см. прим. 5).

В то же время прослеживается возрастание роли артиллерии, как основного средства поражения: в русско-японской войне (1904-1905 гг.) потери японских войск от огня русской артиллерии составляли до 23 %, в вооруженном конфликте у озера Хасан (1938 г.) – до 37 %, а в конфликте на реке Халхин-Гол они возросли до 53 % от общих потерь [5].

В целом артиллерией был получен богатый опыт боевого применения в труднодоступной местности, артиллерийские командиры и штабы приобрели опыт планирования артиллерийской подготовки, организации взаимодействия с другими родами войск, организации борьбы с артиллерией противника. Ввиду ряда причин, не все вскрытые в ходе вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол недостатки в применении артиллерии удалось устранить к началу войны с фашистской Германией.

ЛИТЕРАТУРА

1. История отечественной артиллерии. Т. III. Артиллерия Советской Армии до Великой Отечественной войны (октябрь 1917 - июнь 1941 гг.). Кн. 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 - июнь 1941 г.) / под ред. К. Казакова. – М.-Л., 1964.
2. Воронов, Н. Н. На службе военной / Н. Н. Воронов. – М.: Воениздат, 1963. – 200 с.
3. Неволин, П. А. Герои Халхин-Гола / П. А. Неволин. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1976. – 168 с.
4. Соох, А. D. Nomonhan: Japan Against Russia, 1939 / Э. Д. Соох. – California, 1985. – 1253 pp.
5. Drea, E. J. Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939. – Kansas. 1981. – P. 48.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 32113.
2. Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 25871.
3. Советские войска, принимавшие участие в вооруженном конфликте были объединены в 1-ю армейскую группу 19 июля 1939 г. (командующий группой – комдив, с 31 июля 1939 г. – комкор Г.К. Жуков).
4. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИ-МАИВиВС) Ф. 58.
5. Подсчитано автором по документу «Сведения о трофеях, захваченных советско-монгольскими войсками в ходе боев в мае-сентябре 1939 года». (РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 6. Л. 5-10).

Кулинич Н. Г.
N. G. Kulinich

**«ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО» В БЫТОВОМ ПОВЕДЕНИИ ГОРОЖАН
СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920–1930-е ГОДЫ**

**“VESTIGES OF THE PAST” IN EVERYDAY LIFE BEHAVIOR OF URBAN RESIDENTS
IN SOVIET RUSSIA’S FAR EASTERN REGION (1920s – 1930s)**

Кулинич Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск). E-mail: kulinich_n_g@mail.ru

Ms. Natalia G. Kulinich – PhD in History, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Cultural Studies, the Pacific State University (Russia, Khabarovsk). E-mail: kulinich_n_g@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные формы девиантного поведения регионального городского населения: наркомания, проституция, хулиганство, пьянство. Советская власть объявила их «пережитками прошлого». Однако советская действительность не только не уничтожила причины, вызывающие девиантное поведение, но и создала новые.

Summary. The paper considers the most common forms of deviant behavior of regional urban populations: substance abuse, prostitution, alcohol abuse. The Soviet authorities declared them to be the “vestiges of the past”. However, the Soviet system proved unable to get rid of factors causing such negative behaviors, moreover, it gave rise to new ones.

Ключевые слова: горожане, бытовое поведение, наркомания, проституция, пьянство.

Key words: urban dwellers, everyday life behavior, substance abuse, prostitution, alcohol abuse.

УДК 947:008(571.6)

В 1920–1930-е гг. была поставлена задача формирования нового советского человека. В этих условиях традиционные модели бытового поведения городских низов (пьянство, преступность, наркомания, проституция), не соответствовавшие идеализированной модели советского гражданина, объявлялись «пережитками прошлого». Идеологи правящей коммунистической партии полагали, что с исчезновением вызывавших их социальных причин, с ростом материального благосостояния, исчезнут и сами формы девиантного поведения. В «Материалах к перспективному плану развития народного хозяйства и культуры Дальневосточного края на пятилетие: 1927/28–1931/32 гг.» утверждалось: «Несомненно, что рост материального состояния населения края даст понижение процента преступности, во всяком случае, нельзя рассчитывать на повышение его». Однако власть беспокоило наличие целого ряда «социально-опасных аномалий, присущих в особенности этому краю: все виды наркомании, особенно опиокурение и морфинизм, китайские притоны-банковки и прочее, приобретающие в некоторых случаях угрожающий характер»[4, 138]. Распространению наркомании способствовала близость границ с Китаем. Во всех дальневосточных городах, где имелись китайские слободки, в любое время дня и ночи легко можно было купить кокаин, морфий и опиум. Даже в краевом центре (г. Хабаровск) на Плюснинке опиумных притонов было «несчетное множество»[1; 7]. Основными потребителями наркотиков являлись выходцы из Китая, поэтому особых мер по борьбе с распространением наркомании дальневосточные власти не вели [4, 139]. Снижение уровня наркомании напрямую связывалось с сокращением доли китайцев в составе городского населения.

Кулинич Н. Г.

«ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО» В БЫТОВОМ ПОВЕДЕНИИ ГОРОЖАН СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920–1930-е ГОДЫ

Еще одним «пережитком прошлого» в бытовом поведении горожан была объявлена проституция, являвшаяся весьма распространенным явлением в дальневосточных городах в дореволюционный период. Сначала роль «жриц любви» здесь выполняли каторжанки, пробывавшиеся «жалованьем по таксе от офицеров и чиновников» и сожительствующие «с чернью в кабаках и притонах» [2, 25]. В отличие от центральных районов страны, где в годы революции и гражданской войны наблюдался заметный спад проституции, на Дальнем Востоке в условиях иностранной интервенции продажная любовь переживала период «буйного расцвета». Особый размах это явление получило в портовом городе Владивостоке. Газета «Красное знамя» писала: «Трудно определить размеры проституции в нашем городе, но несомненно, что в таком большом портовом городе, как Владивосток, проституция всегда имеет спрос и количество проституток довольно большое...» [3]. Распространению проституции способствовали два фактора: существенное преобладание мужчин в составе городского населения и высокий уровень женской безработицы, особенно среди вдов и молодых девиц. Элеонора Прей, работавшая во Владивостокском отделении Американского Красного Креста, писала: «Слишком много девушек... идет на улицу, и когда их вынуждает голод, как это происходит теперь сплошь и рядом, то кто решится их упрекать?» [9, 380]. Уровень проституции в отдельных дальневосточных городах в значительной степени определялся количеством китайцев-мужчин в составе населения (90 % из них составляли одиночки). Только на территории знаменитой Миллионки – китайского квартала Владивостока – санитарный врач Владивостока Порватов насчитал более 300 публичных домов, недоступных для европейцев [3]. Их содержателями были китайские подданные, а проститутками – китайки и безработные россиянки – «женщины с бесцветными глазами, продававшие тело свое за уколы морфия» [7]. Борьба с проституцией велась силами органов милиции путем искоренения сводничества и притонсодержательства (см. прим. 1). При этом постоянно подчеркивалось, что советская власть борется «с проституцией, но не с проститутками» [3]. Перед уголовным розыском и венерическими диспансерами была поставлена задача выявить общее число проституток, определив их социальный облик. Борьба с этим «пережитком» осуществлялась по двум основным направлениям: во-первых, путем «устранения причин, толкающих женщину на занятие проституцией», во-вторых, «по линии устранения самого спроса на проституцию». С этой целью была организована кампания «по разъяснению рабочим массам и, особенно, молодежи вреда проституции и недопустимости оскорбительного отношения к женщине, как к товару, которое создается проституцией» [1]. После принятия постановления ЦИК и СНК РСФСР (1929 г.) «О мерах по борьбе с проституцией» началось насильственное уничтожение института продажной любви [6, 262]. В ходе проводившейся в 1933 г. паспортизации городского населения Далькрайком ВКП(б) потребовал «решительно очистить города от ... притонсодержателей, деклассированного элемента и проституток» как «непаспортизированного элемента» (см. прим. 2). Но полностью изжить институт продажной любви в 1930-е гг. не удалось. Проституция имела место даже в молодых городах, строившихся как «социалистические». Так, например, в Комсомольске-на-Амуре в 1936 г. за «связь с проститутками» были исключены из рядов ВКП(б) коммунисты Соколов и Ларычев (см. прим. 3).

Злостным «пережитком прошлого» было объявлено хулиганство. Наиболее склонны к хулиганским действиям были жители губернских дальневосточных городов (18,9 % случаев нарушения общественного порядка) (см. прим. 4). Хулиганство распространялось преимущественно среди пролетарской молодежи. Отношение власти к девиантному поведению данной социальной группы первоначально было снисходительным. Но после убийства С.М. Кирова (декабрь 1934 г.) случаи хулиганства стали оцениваться с классовых позиций. «Комсомольская правда» (1935 г.) опубликовала статью под хлестким заголовком «Хулиган - враг трудящихся», в которой утверждалось, что хулиганство имеет «классовую сущность», «хулиган – союзник и пособник классовых врагов», вдохновляемый и организуемый «классово чуждыми элементами» [8].

Наиболее склонной к пьянству оказалась пролетарская среда. В выступлениях на IX Дальневосточной партконференции (1929 г.) говорилось: «Большой процент пьянства падает на рабочих». Причина этого виделась в том, что «они культурно неразвиты, и потому что иногда некуда пойти» в свободное время [11, 148]. Бюро Далькрайкома ВКП(б) (1928 г.) потребовало: ограничить количество водки в винных магазинах, расположенных в рабочих районах, прерывать торговлю спиртным во время обеденного перерыва, ограничить норму продажи водки в рабочих районах на одного покупателя 5 бутылками (см. прим. 9). Но эти меры далеко не всегда были действенны. Ограничение торговли и закрытие винных магазинов привело к тому, что рабочие «стали пить одеколон с пивом» и выпили «всю парфюмерию» [11, 167].

Склонность дальневосточников к пьянству усугублялась крайне тяжелыми жилищно-бытовыми условиями. Скученность, антисанитария, отсутствие даже минимальных возможностей организации индивидуального быта – все это вызывало естественное раздражение и порождало тягу к спиртному. В 1930-е гг., в условиях массового пополнения дальневосточного городского населения за счет молодых мигрантов из центральных районов страны, тяга к пьянству многократно усиливалась чувством одиночества, оторванности от родных, насильственным «самозакреплением» в регионе. Выступавшие на расширенном пленуме Комсомольского горсовета (1936 г.) рабочие говорили, что в Комсомольске не чувствуется заботы о трудящихся: «Квартиры неблагоустроены, грязно, душно, большая скученность, не ведется никакой массовой и культурной работы, имеют место частые случаи пьянок, драк и т.д. Милиция не следит за порядком, а иногда и сами милиционеры принимают участие в этих пьяных скандалах. В силу этого городские стройки нередко теряют ценных рабочих и служащих» (см. прим.10). Большинству вербованных рабочих и инженерно-технических работников удавалось только через суд уволиться после истечения срока контракта. Коммунистам для выезда за пределы ДВК на время отпуска или на учебу требовалось официальное разрешение вышестоящей парторганизации. Ответ далеко не всегда был положительным. Получив отказ в праве на выезд, некоторые члены партии не видели для себя другого выхода из ситуации, кроме пьянства. Так, например, инженер завода Дальэнергомаш Третьяков подал заявление начальнику цеха и в партком с просьбой отпустить его в отпуск. Ему отказали, и с этого времени он начал пьянствовать и перестал выходить на работу (см. прим. 11).

Дополнительным фактором, усиливавшим пьянство среди дальневосточников в 1930-е гг., стали высокие заработки в сочетании с безобразно организованным снабжением и неразвитой культурной инфраструктурой. Так, например, в Комсомольске-на-Амуре с населением почти 50,0 тыс. жителей в 1937 г. не было ни одного профессионального учебного заведения, функционировало всего два небольших неблагоустроенных клуба, а товарными фондами город был обеспечен только на 58,8 % от потребности (см. прим. 12). Значительная часть нерастраченных средств расходовалась на приобретение контрабандного спирта или самогона. На пленуме Комсомольского горсовета говорилось: «Всем нам не секрет, что в Комсомольске свирепствует отъявленное хулиганство, весь корень зла в том, что здесь рабочие материально обеспечены хорошо, а деньги расходовать им на культурные мероприятия негде, массовой борьбы с пьянством и хулиганством не ведется. Иногда и хороший честный рабочий попадает в эту яму, не зная, как провести свой досуг» (см. прим. 13).

Массовые репрессии и общая атмосфера подозрительности, сложившаяся в советском обществе, также способствовали росту пьянства. Став жертвой недоверия и подозрений в проступке или в связи с репрессированными, многие граждане впадали в отчаянье и прибегали к традиционному способу бегства от реальности – пьянству (см. прим. 14). Факт роста случаев злоупотребления спиртным среди коммунистов в 1937 г. был признан 1-й Николаевской-на-Амуре городской партконференцией, делегаты которой назвали пьянство одной из основных «болезней» парторганизации (см. прим. 15). Чтобы остановить распространение этого явления, в отношении партийцев в 1930-е гг. применялись самые строгие меры воздействия вплоть до исключения из рядов ВКП(б) (см. прим. 16).

Кулинич Н. Г.

«ПЕРЕЖИТКИ ПРОШЛОГО» В БЫТОВОМ ПОВЕДЕНИИ ГОРОЖАН СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920–1930-е ГОДЫ

Таким образом, советская действительность не только не уничтожила причины, вызывавшие негативные проявления бытового поведения, названные советской властью «пережитками прошлого», но и создала новые. В условиях дальневосточных городов особое распространение получили такие общепризнанные человеческие пороки, как пьянство, хулиганство, наркомания и проституция. Дальневосточная специфика проявлений этих моделей девиантного поведения определялась такими факторами, как социально-экономическая отсталость региона, недостаточная развитость социокультурной инфраструктуры, стремительный рост городского населения за счет мигрантов из центральных районов страны и сопредельных государств, главным образом Китая. Абсолютное большинство жителей городов, являвшихся дальневосточниками и горожанами в первом поколении, испытывали большие сложности в адаптации к городскому образу жизни, переживали чувство фрустрации, порожденное разрывом между ожиданиями и региональной действительностью, что усиливало их девиантные наклонности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурская правда. – 1926. – 8 апреля; 22 апреля; 2 июня; 23 июня; 24 июня.
2. Владивосток: штрихи к портрету / отв. ред. В. А. Дудко. – Владивосток, 1985. – 304 с.
3. Красное знамя. – 1925. – 30 апреля.
4. Материалы к перспективному плану развития народного хозяйства и культуры Дальневосточного края на пятилетие: 1927/28–1931/32 гг. – Хабаровск, 1927. – 189 с.
5. Рабочий путь. – 1927. – № 22. – С. 14-15.
6. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 т. / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – Т.1. От вооруженного восстания в Петербурге до второй сверхдержавы мира. – М., 1997. – 508 с.
7. Тихоокеанская звезда. – 1927. – 31 июля.
8. Ударник Комсомольска. – 1935. – 16 января; 30 января.
9. Элеонора Лорд Прей. Письма из Владивостока (1894–1930) / Эл. Лорд Прей; под ред. Бригитты Ингемансон; пер. с англ. А. А. Сапелкина. – Изд. 3-е, доп. и исправ. – Владивосток, 2011. – 464 с.
10. V пленум Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) 20-23 мая 1928 г. – Хабаровск, 1928. – 78 с.
11. IX Дальневосточная краевая партийная конференция (22 февраля – 1 марта 1929 г.). – Хабаровск, 1929. – 179 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) Ф.Р-58.Оп.1. Д.73.Л.16-16 об., 44 об.
2. ГАХК Ф.П-2.Оп.1. Д.20.Л.10-11; Д.84.Л.423-423 об.; Д. 410.Л.42-43; Д.588.Л. 28; Оп.6. Д.341. Л. 117–117об., 121–121об., 218–219.
3. ГАХК Ф.П-241.Д.5.Л. 20, 54, 121-123.
4. ГАХК Ф.Р-58.Оп.1. Д.72.Л.6-10 об.
5. Комсомольский-на-Амуре городской архив (КнАГА) Ф-2.Оп.13.Д.2.Л.40,42.
6. КнАГА Ф-2.Оп.13. Д.12.Л.7-8.
7. ГАХК Ф.Р-58.Оп.1.Д.44.Л.99об.; Д.72.Л.6-10.
8. ГАХК Ф.П-2.Оп.1. Д.20.Л.10-11; Д.84.Л.423-423 об.
9. ГАХК Ф.П-2. Д. 410.Л.42-43; Д.588.Л. 28; Оп.6. Д.341. Л. 117–117об., 121–121об., 218–219.
10. КнАГА Ф-2.Оп.13.Д.2.Л.40,42.
11. ГАХК Ф.П-144.Оп.1.Д.1.Л.23, 32об; Д.5.Л.85.
12. КнАГА Ф-8.Оп.2.Д.2.Л.16.
13. ГАХК Ф.П-125.Оп.1.Д.6.Л.100-110.
14. КнАГА Ф-2.Оп.13.Д.2.Л.40,42.
15. ГАХК Ф.П-1803.Оп.3.Д.10.Л.54.
16. Государственный архив Еврейской автономной области (ГАЕАО) Ф.П-15.Оп.1.Д.2.Л.15.

Лу Чуньюе
Lu Chunyue

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУ ПРОВИНЦИЕЙ ХЭЙЛУНЦЗЯН И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ РЕГИОНОМ РОССИИ

PREREQUISITES FOR THE DEVELOPMENT OF INVESTMENT ACTIVITIES BETWEEN CHINA'S HEILONGJIANG PROVINCE AND THE AMUR REGION OF RUSSIA

Лу Чуньюе – доцент Хэйхэского университета, аспирант Шаньдунского университета, аспирант Благовещенского государственного педагогического университета (Китай, Хэйхэ). E-mail: zoyalu@mail.ru.

Lu Chunyue – Associate Professor, Heihe University, post-graduate student of Shandong University, post-graduate student of Blagoveshensk State Pedagogical University (Heihe, China). E-mail: zoyalu@mail.ru.

Аннотация. Цели российской стратегии развития Дальневосточного региона и китайской стратегии возрождения старых промышленных баз схожи. Географическое положение и структура запасов природных ресурсов провинции Хэйлунцзян и Дальневосточного региона взаимодополняют друг друга, что является исключительно благоприятным условием для развития торгово-экономической деятельности.

Summary. Russian strategy for the development of its Far-Eastern territories is similar to Chinese strategy for the revival of old industrial facilities. Geographic location and natural resources of Heilongjiang province and Russia's Far East complement each other, thus providing a significant opportunity for the development of trade and economic relations.

Ключевые слова: инвестиции, условия, стратегия развития, Хэйлунцзян, Дальний Восток.

Key words: investment, prerequisites, development strategy, Heilongjiang, Far East.

УДК 94(5)

Провинция Хэйлунцзян является самым большим торговым партнером Дальневосточного региона России. В течение многих лет торговый оборот между провинцией Хэйлунцзян и Россией составляет 20 % валового торгового оборота между Китаем и Россией. В эти годы было подписано более 100 разнообразных соглашений в области торгово-экономического сотрудничества, что позволило провинции Хэйлунцзян стать важным «окном» в торговле с Россией. В основном тексте программы «Сотрудничество между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 годы)» имеется 65 проектов сотрудничества в 8 различных областях, 20 проектов направлены на провинцию Хэйлунцзян, 29 проектов имеют отношение к провинции Хэйлунцзян, что означает наличие обширных перспектив для развития.

Условия, обеспечивающие инвестиционную привлекательность Дальневосточного региона Российской Федерации следующие:

Богатые природные ресурсы. Дальневосточный регион России обладает богатыми запасами нефти, природного газа, угля и других энергоресурсов. Разведанные запасы нефти равны 9,6 млрд т, природного газа – 1,4 млрд кв. м, угля – 1,81 млрд т [9, 52-56]. По сравне-

нию с другими регионами России Дальний Восток имеет значительные запасы золота, серебра, меди, железа, алмазов, олова, вольфрама, а также других рудных и нерудных ископаемых. В этом регионе имеются богатые лесные, рыбные и водные ресурсы. Процент покрытия лесами составляет 40,7 %, общая площадь лесов равна 281 млн га, общие запасы леса – 20,4 млрд кв. м [9, 52-56]. Дальневосточный регион производит более 50 % рыболовной продукции России и 60 % морепродуктов [9, 52-56]. Природные ресурсы Дальнего Востока не только превратили данный регион в важнейшую базу природных ресурсов Российской Федерации, но и предоставили новые возможности для инвестирования предприятиями провинции Хэйлунцзян в освоение месторождений и переработку природных ресурсов, в лесную и рыбную промышленность.

Выгодное географическое положение. Провинция Хэйлунцзян и Дальний Восток России являются регионами, имеющими протяженную общую границу, общие железнодорожные, водные и автомобильные трассы, что создает уникальные условия для развития инвестиционной деятельности. Провинция Хэйлунцзян и Дальний Восток занимают важное место в Азиатско-Тихоокеанском и Северо-Восточном азиатском регионах, участвуют в экономическом сотрудничестве и являются важными игроками в международном разделении труда. Развитие механизмов сотрудничества, предоставленных АТЭС и САЭФ, способствует увеличению объемов инвестиций провинции Хэйлунцзян в российскую экономику.

Улучшение инвестиционной среды. С целью улучшения инвестиционной среды и привлечения иностранных инвестиций Россия непрерывно совершенствует законодательство в этой сфере. Например, в 2006 г. была принята поправка к федеральному закону «Об особых экономических зонах», которая стала юридической основой для создания туристско-рекреационной зоны на о. Русский в Приморском крае. 21 ноября 2007 г. Правительство Российской Федерации приняло «Федеральную программу экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года» (см. прим. 1), которая четко утвердила основную стратегическую цель – привлечение иностранных инвестиций в Дальневосточный регион и Забайкалье. Принятие и совершенствование законов об инвестициях не только определило направление иностранных инвестиционных потоков, упростило процедуру регистрации иностранных инвестиций, но также предоставило льготную политику для иностранных инвесторов. Основным является уверенность инвесторов в российском инвестиционном законодательстве.

Взаимодополняемость экономик регионов. Несмотря на то, что Дальний Восток России обладает богатыми запасами природных ресурсов и на территории региона создана база тяжелой и военной промышленности, экономика данного региона недостаточно развита. Наблюдаются большие дисбалансы в структуре экономики (особенно в легкой промышленности и в сфере услуг), все виды продуктов легкой промышленности и предметы первой необходимости чрезвычайно сильно зависят от импорта. По сравнению с Дальним Востоком России провинция Хэйлунцзян, являясь старой промышленной базой Китая, обладает полным спектром промышленного производства, перерабатывающей промышленностью, технологиями и хорошими управленческими кадрами. Сформирована отличная база в сферах производства мебели, стройматериалов, бытовых электроприборов, одежды, производства игрушек, обуви и в других отраслях легкой промышленности, однако для производственных нужд необходим постоянный импорт энергоресурсов и сырьевых материалов. Разница в экономическом развитии и взаимодополняемость структур экономик регионов способствует развитию инвестиционной деятельности.

Новые возможности для расширения инвестиционной деятельности провинции Хэйлунцзян. Международный финансовый кризис принес новые возможности для провинции Хэйлунцзян в сфере расширения инвестиционной деятельности. Международный финансовый кризис негативно повлиял на экономику России и её банковскую систему. В этот период наблюдалась утечка капитала, тяжелело бремя внешнего долга, ощущалась нехватка инвестиций.

Основными источниками иностранных инвестиций в российскую экономику являются Нидерланды, Англия, Люксембург, Япония и Индия, экономики которых также пострадали в результате воздействия международного экономического кризиса. Однако экономика Китая, как и экономика провинции Хэйлунцзян, сохранила устойчивые темпы роста и в период кризиса. Сложившаяся ситуация предоставляет новые возможности для развития инвестиционной деятельности провинции Хэйлунцзян.

Стратегия развития Дальнего Востока открывает новые возможности для расширения инвестиционной деятельности провинции Хэйлунцзян. Для социально-экономического развития Дальнего Востока Россия осуществляет соответствующую политику. Согласно принятой «Федеральной программе экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года» (2007 г.), общая сумма инвестиций в Дальний Восток и Забайкалье составит 567 млрд р. (На Дальний Восток приходится 528 млрд р. или 93 % от общей суммы инвестирования) (см. прим. 2). В рамках данной программы был утвержден ряд инвестиционных проектов в сферах нефтепереработки, целлюлозно-бумажного производства, металлургической промышленности, лесопереработки, строительства автомобильных и железных дорог, линий электропередач, газопроводов, аэропортов и проектов в других сферах. Приоритетными проектами являются создание транспортной инфраструктуры и инфраструктуры для разработки природных ресурсов. В период 2008 – 2013 гг. было запланировано строительство более 5000 км линий электропередач, 850 км газопровода, 6600 км автодорог, 17 аэропортов, 10 портов, 8 больниц и 1 объект культурного назначения. Данная программа предоставляет неограниченные возможности для бизнеса, что принесет за собой новую волну иностранных инвестиций на Дальний Восток.

Вступление России в ВТО поможет улучшить макроэкономические показатели экономики. Согласно требованиям ВТО, страна-участница должна убрать все ограничения в сфере иностранных инвестиций, добиться повышения прозрачности и эффективности, что предоставит возможность для провинции Хэйлунцзян участвовать на рынке Дальнего Востока и укрепить уверенность инвесторов провинции Хэйлунцзян. Вступление России в ВТО позволит разрешить трения двух сторон в сфере инвестирования. Инвестиционное сотрудничество провинции Хэйлунцзян и Дальнего Востока не должно ограничиваться энергоресурсами, сырьевыми материалами, строительством, легкой и сельскохозяйственной промышленностью и другими традиционными отраслями, возможно сотрудничество в банковской, страховой, телекоммуникационной и других новых отраслях [6].

Взаимное доверие России и Китая укрепляется, совершенствуются коммуникационные механизмы, что является политической основой для инвестиционного сотрудничества провинции Хэйлунцзян и Дальнего Востока. Отношения России и Китая перешли в стадию стратегического партнерства и продолжают развиваться. У правительств провинции Хэйлунцзян разных уровней сложились дружеские отношения с различными регионами Дальнего Востока России. Для дальнейшего укрепления доверия между соответствующими подразделениями проводятся постоянные встречи на высшем уровне, также был объявлен «год государства» и были проведены совместные мероприятия провинции Хэйлунцзян и различных регионов Дальнего Востока, что укрепило сотрудничество между предприятиями провинции Хэйлунцзян и регионами Дальнего Востока России.

Новые инвестиционные возможности, связанные с появлением в России особых экономических зон. В 2005 г. Российская Дума в третьем чтении приняла закон «Об особых экономических зонах», который положил начало созданию двух промышленно-производственных зон, четырех технико-внедрительных зон и семи туристско-рекреационных зон (см. прим. 3). В мае 2007 г. были приняты поправки к закону «Об особых экономических зонах», согласно которым было вынесено постановление о создании 4 особых портовых зон. В особых экономических зонах облегчена процедура регистрации предприятий, упрощены миграционные формальности, сняты инвестиционные ограничения, установлен 5-летний срок освобождения от имущественного и земельного налогов и снижены таможенные

пошлины. Порты Находка, Восточный, Ванино и Советский, которые находятся на Дальнем Востоке, имеют большие перспективы [6]. Создание развитой инфраструктуры нацелит инвесторов провинции Хэйлунцзян на новые большие инвестиционные проекты в сферах недвижимости, транспорта, строительства мостов, портов и др. Кроме того, в 2012 г. во Владивостоке прошел саммит АТЭС (см. прим. 4). Проведение этого форума и связанные с ним реконструкция аэропорта, строительство дорог, моста, конференц-центра, пресс-центра и гостиничной инфраструктуры открывает новые инвестиционные возможности для провинции Хэйлунцзян. Строительство нефтепровода между Китаем и Россией и стратегия развития Дальнего Востока осуществляются параллельно со стратегией Китая по восстановлению старых промышленных баз Северо-Востока, что также предоставляет новые возможности для инвестиционного сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком.

Выбор стратегии провинции Хэйлунцзян в инвестиционном сотрудничестве с Дальним Востоком. Для устранения препятствующих факторов и использования открывающихся возможностей автор предлагает предпринять следующие меры.

Во-первых, необходимо использовать политику России, направленную на привлечение инвестиций в экономику Дальнего Востока, и богатый природо-ресурсный потенциал, определить приоритетные сферы инвестирования. Первоначально необходимо поставить приоритет на освоение энергоресурсов. Запасы энергоресурсов Дальнего Востока таких, как нефть, природный газ и уголь, чрезвычайно богаты. Развитие данного направления является приоритетным. Для дифференциации источников импорта энергоресурсов и решения проблем увеличения спроса на энергоресурсы провинция Хэйлунцзян должна использовать свое географическое положение. В сферах разведки, освоения и переработки полезных ископаемых необходимо использовать свой опыт и технологии. Посредством открытия индивидуальных предприятий, участия в предприятиях с совместным капиталом и покупки предприятий инвесторы провинции Хэйлунцзян должны участвовать в крупных проектах разведки, освоения и переработки полезных ископаемых.

Необходимо использовать богатые ресурсы Дальнего Востока. Параллельно с разработкой природных ресурсов необходимо развивать их глубокую переработку. Разработка природных ресурсов является одной из традиционных отраслей Дальнего Востока. Данная отрасль привлекает самые большие объемы инвестиций. Перспективными направлениями инвестирования также могут стать рудные и нерудные ископаемые такие, как золото, серебро, железо, алмазы, олово, вольфрам и сера.

Необходимо увеличить объемы инвестирования в сферы лесозаготовки и лесопереработки. Дальний Восток обладает богатыми лесными ресурсами, редкими и ценными видами лесных пород, а также зонами лесопосадок промышленного леса, что создает новые условия для инвестирования в эти сферы. Для развития лесопереработки, как по отношению к российским, так и к иностранным предприятиям, Россия применила частичное или полное освобождение от налогов, что привело к снижению стоимости лесоматериалов. Инвесторы провинции Хэйлунцзян должны воспользоваться льготными условиями, предоставленными Россией, инвестировать в предприятия лесозаготовки и создавать лесоперерабатывающие предприятия.

Необходимо поставить приоритет на инвестиционное сотрудничество в сфере новых технологий, продвигать создание высокотехнологичных и исследовательских центров в новых инновационных зонах.

Во-вторых, необходимо крепко ухватиться за новые инвестиционные возможности, вызванные осуществлением плана развития Дальнего Востока и созданием особых экономических зон. Можно сказать, что опыт привлечения иностранных инвестиций Дальним Востоком в строительство инфраструктуры имеет самую большую историю. Однако инфраструктура Дальнего Востока не развита, дорожное строительство недостаточно, плотность железных дорог низка, уровень электрификации и коммуникаций ниже среднего по России. Многие порты Дальнего Востока простаивают, что также является потенциалом для развития.

План развития Дальнего Востока поставил акцент на необходимость разработки энергоресурсов и дорожного строительства. Появление СЭЗ создает необходимость строительства высокоскоростных магистралей, мостов, портов и других инфраструктурных объектов. Провинция Хэйлунцзян должна относиться к этим изменениям, как к новым возможностям для инвестирования, поддерживать конкурентоспособные инвестиционные предприятия, участвующие в больших инвестиционных проектах по строительству ЛЭП, социальной инфраструктуры, газо- и нефтепроводов, ТЭЦ, аэропортов, мостов, портов [4, 88-97].

В-третьих, реализовать структурную взаимодополняемость отраслей промышленности, инвестировать в объекты туризма, общественного питания, гостиничного бизнеса, в производство продуктов питания, одежды, мебели, игрушек и стройматериалов.

В-четвертых, для решения проблемы недостатка финансов у инвестиционных предприятий провинции Хэйлунцзян необходимо создать специальный вспомогательный финансовый механизм, который будет предоставлять кредиты и в различных формах оказывать финансовую поддержку. Наряду с этим возможно использование международных инвестиционных механизмов для финансирования данных предприятий. Государство и частный бизнес должны объединяться для осуществления совместной инвестиционной деятельности.

В-пятых, необходимо учредить специальное государственное подразделение по инвестиционному управлению, ответственное за осуществление инвестиционной деятельности по отношению к Дальнему Востоку. Необходимо создать исследовательскую группу, проводящую исследование инвестиционных возможностей Дальнего Востока, создать вебсайт об инвестировании в экономику Дальнего Востока, распространять информацию о климате Дальнего Востока, его географии, культуре, законодательстве и политической ситуации.

В-шестых, обобщить и перенять опыт российских и зарубежных инвесторов в экономику Дальнего Востока. Главными инвесторами на Дальнем Востоке являются Корея и Япония. Опыт инвестирования, накопленный этими странами, очень богат, поэтому необходимо опираться на опыт Кореи и Японии. Японцы во Владивостоке создали «Японский центр», что способствовало повышению квалификации российских специалистов и передаче административного опыта.

В-седьмых, перед инвестированием необходимо провести исследовательскую работу, изучить географическое положение инвестиционного объекта, имеющуюся инфраструктуру, российское законодательство, изменение политической ситуации. Необходимо усилить меры по защите от инвестиционных рисков и пытаться уменьшить эти риски.

В-восьмых, необходимо создать инвестиционные корпорации, которые будут инвестировать в российские компании.

В-девятых, правительство должно осуществлять инвестиционное администрирование для устранения трений между сторонами по вопросам инвестирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмидин, А. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-восточной Азии / А. Адмидин, Е. Деваева // Проблемы Дальнего Востока. – 1998. – С. 68-77.
2. АОН провинции Хэйлунцзян, институт экономики и организации промышленного производства сибирского отделения РАН: сборник сочинений II Международной конференции по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. – Новосибирск, 2002.
3. Ганшин, Г. А. Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды / Г.А. Ганшин. – М.: "Восточная литература" РАН, 1997.
4. Ли Чуаньсюнь. Исследование вопросов торгово-экономического и научно-технического сотрудничества Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России / Ли Чуаньсюнь // Исследование Сибири. – 2008. – Вып. 3. – С. 88-97.
5. Ма Юцюнь. Внешняя торговля России / Ма Юцюнь // Просвещение Хэйлунцзян. – 2007. – С. 60-77.

6. О международном сотрудничестве российского Дальнего Востока см. подробнее: Петрунина, Ж.В. Современные ключевые направления интеграции Дальнего Востока России в АТР / Ж. В. Петрунина. // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 165-168; Петрунина, Ж.В. Порты Ванино и Советская Гавань: есть ли перспективы участия в системе региональных международных перевозок / Ж. В. Петрунина // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре – 2013.– № II-2 (14). – С. 4-7.
7. Романова, Г.Н. Железнодорожный транспорт как фактор модернизации Северо-Восточного Китая (конец XIX – первая треть XX в.) / Г. Н. Романова // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции: тез. докл. Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 19-21 октября 2011 г. – М.: ИДВ РАН, 2011. – С. 188-190.
8. Романова, Г.Н. Китайская историография экономических отношений Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (XIX – первая половина XX в.) / Г. Н. Романова // Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей. (Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Востоковедение). – Владивосток: Дальнаука, 2011. – Т. XV. – С. 95-117.
9. Чэнь Лян. Проблемы инвестиционной деятельности между провинцией Хэйлуцзян и Дальневосточным регионом // Рынок Восточной Европы, Средней Азии, России – 2011. – С. 52-56.
10. Шао Цзинбо. Исследование изменения инвестиционной стратегии предприятий провинции Хэйлуцзян после вступления России в ВТО / Шао Цзинбо, Джан Лисинь // Бизнес исследования. – 2006. – Вып. 6. – С. 58-67.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Режим доступа: <http://www.most.gov.cn>.
 2. Режим доступа: <http://wenku.baidu.com/view/e0baea1a227916888486d762.html>
 3. Режим доступа: <http://news.cctv.com/world/20070926/101958.shtml>
 4. Режим доступа: <http://wenku.baidu.com/view/bf2b0a0852ea551810a6873e.html>
- 本文为国家社会科学基金项目《东北老工业基地振兴与俄罗斯远东开发联动效应研究》的阶段成果
项目批准号 11BJY067

Петрунина Ж. В.
Z. V. Petrunina

ИНТЕГРАЦИЯ КИТАЯ В АТР: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

CHINA'S INTEGRATION INTO ATP: FROM THEORY TO PRACTICE

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av.; + 7 4217 241158. E-mail: petrunina71@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены внешнеполитические концепции политиков современного Китая. Определены цели и методы реализации внешнеполитических задач КНР.

Summary. The paper describes the foreign policy concept of modern China. Objectives and methods of China's foreign policy implementation are identified.

Ключевые слова: Китай, внешнеполитическая доктрина, концепция «мягкой силы», концепция «идти вовне», «теория гармоничного мира», «Пекинский консенсус».

Key words: China, foreign policy doctrine, soft power concept, go outside concept, theory of harmonious world, Beijing Consensus

УДК 94(5)

Современные международные отношения динамично развиваются, диктуют изменения в правилах взаимодействия между государствами, порождают новые явления в жизни стран.

К концу XX в. Азиатско-Тихоокеанский регион занял ведущее место в мире по многим показателям, став одним из мировых центров экономической, политической и культурной интеграции.

Особое место в развитии интеграционных процессов в АТР занимает КНР. Благодаря интеграции во многие азиатско-тихоокеанские структуры Китай постепенно превратился в регионального лидера, внося большой вклад в развитие гармоничного мира. Ускорение экономического роста Китая напрямую связано с его демографическими параметрами. Удовлетворение потребностей населения заставляет руководство КНР стимулировать экономическое развитие страны, учитывать высокий уровень ресурсоемкости своей экономики, создавать для китайских предприятий и предпринимателей оптимальные условия для взаимодействия с внешним миром.

В приоритетах Китая – активное участие в мировых хозяйственных связях, расширение многостороннего сотрудничества как на региональном, так и на мировом уровне. В КНР еще в конце 1990-х гг. была взята на вооружение стратегия: «Опереться на Север (под ним понимается Россия), стабилизировать Запад (ЕС, США), идти на Юг (в страны «Третьего мира» – Азию, Африку и Латинскую Америку)» [1]. Проводя самостоятельную и независимую мирную внешнюю политику, Китай стремится «стимулировать создание справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка» [2]. Китай сочетает открытость с национальными интересами и национальной безопасностью.

Концептуальные положения о необходимости установления мирного, справедливого и разумного нового международного порядка были закреплены китайским руководством еще в конце XX в. Выступая на XV съезде КПК (1997 г.), председатель КНР Цзян Цзэминь наметил ключевые векторы внешней политики Китая. В основу концепции нового международного порядка были положены два принципа: утверждение «нового мирового политического порядка» и утверждение «нового мирового экономического порядка». По мнению российского китаевода А. Свешникова, эти два принципа предполагают для Китая «завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [3, 7].

В XXI в. китайское руководство продолжает придерживаться провозглашенного внешнеполитического курса, благоприятствующего развитию Китая, а в перспективе и к достижению весьма амбициозной задачи – стать сверхдержавой. На 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей девятнадцатого созыва Цзян Цзэминь провозгласил концепцию «идти вовне» (2000 г.), которая предусматривает рост экспорта и завоевание Китаем международных рынков. В соответствии с концепцией государство оказывает поддержку китайским предприятиям, активно занимающимся зарубежной инвестиционной деятельностью.

Следующим шагом стала выдвинутая на XVI съезде КПК (2002 г.) и получившая системное изложение в документах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) [4, 12] внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения Китая». Суть этой доктрины сводится к политике внешней открытости, многостороннему сотрудничеству, расширению рынков для китайских товаров и использованию процессов экономической глобализации для решения собственного развития Китая.

В октябре 2003 г. в Индонезии (о. Бали) проходил первый форум «АСЕАН: торговля и инвестиции». Выступая с докладом «Развитие Китая и возрождение Азии», премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил о политике «доброе, безопасное и богатое соседство», которая была взята на вооружение руководством КНР. Излагая содержание этой политики, Вэнь Цзябао пояснил, что «доброе соседство» китайское руководство понимает как «дальнейшее продолжение и развитие доброты и дружелюбия китайской нации»; «безопасное соседство» направлено на «обеспечение мира и стабильности в регионе, укрепление взаимного доверия через диалог и сотрудничество, решение разногласий путем мирных переговоров»; «богатое соседство» обращено на дальнейшее «укрепление взаимовыгодного сотрудничества с сопредельными странами, углубление регионального и субрегионального взаимодействия, активное продвижение интеграции региональной экономики и достижение совместного развития азиатских стран» [5].

Высокие темпы экономического роста Китая привлекли внимание мировой общественности. Успехи Китая, явившиеся примером удачной модернизации, дали основание охарактеризовать эти процессы как «Пекинский консенсус» (2004 г.), ставший альтернативой «Вашингтонскому консенсусу». В основе «Пекинского консенсуса» заложена ориентация на инновации, устойчивое развитие, социальное равенство и национальное самоопределение, развитие которых должно привести к совершенствованию общества. Открывая свою экономику внешнему миру, Китай ориентирован на сохранение национальной специфики.

Политическая дипломатия Китая нашла свое отражение и в «теории гармоничного мира», которую озвучил председатель КНР Ху Цзиньтао на собрании по случаю 60-летней годовщины ООН в 2005 г. Теория построения гармоничного мира включает расширение политического диалога между странами, развитие экономического взаимодействия, активизацию взаимного культурного обмена, укрепление сотрудничества в области безопасности, объединение усилий стран по защите окружающей среды [6]. Построение гармоничного мира соответствует внешнеполитическим задачам КНР, дает возможность прогнозировать векторы политического и экономического развития АТР, планировать собственную политику в регионе.

Идея создания «гармоничного мира» получила развитие и у руководителей КНР «пятого поколения» во главе с председателем КНР Си Цзиньпином.

Заявляя свои претензии на роль регионального лидера, Китай выступает с такими дипломатическими инициативами, как «улыбчивая дипломатия», «публичная дипломатия» и «добрососедская дипломатия» [7, 62]. В современных условиях, когда политики ряда государств воспринимают китайские инициативы с определенной долей недоверия, Китай активно использует концепцию «мягкой силы». Она, которая в XXI в. стала одним из главных рычагов борьбы за мировое влияние.

Взяв за основу концепцию Ная, современные китайские политики разрабатывают собственный вариант «мягкой силы», считая, что культура – самое действенное проявление «мягкой силы». Иностранная финансовая помощь, создание всесторонней системы экономических сетей и культурные связи формируют ядро «мягкой силы».

По мнению китайских экспертов, развитие экономического сотрудничества с соседними странами должно привести к формированию устойчивых общих интересов стран региона и, соответственно, к созданию надежных механизмов региональной безопасности [8, 9].

Закрепление Китая в качестве регионального лидера невозможно без его активной интеграции в региональные структуры. Теоретические основания китайского руководства находят свое подтверждение на практике (АСЕАН, РВЭП, система двусторонних отношений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лузянин, С. Г. Китай: смена поколений и внешнеполитические прогнозы / С. Г. Лузянин // Мир и политика. – 2012. – № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/miri-politika/m11-2012/16955-kitay-smena-pokoleniy-i-vneshnepoliticheskie-prognozy.html>.
2. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.china.org.cn/russian/50838.htm>.
3. Свешников, А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А. А. Свешников // Китай в мировой политике. – М., 2001.
4. Титаренко, М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии / М. Л. Титаренко. – М., 2008.
5. «Жэньминьжибао» он-лайн. 17.10.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31857/92155/6285017.html>.
6. Ли Шуанву. Концепция мирного развития // Стратегия России. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1208861695&.
7. Мисакян, С. И. Китайская политика «мягкой силы» в отношении АСЕАН / С. И. Мисакян // 60 лет КНР: Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР: тез. докладов XVIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы», Москва, 21 – 23 окт. 2009 г. – М., 2009. – Ч. 1.
8. Янь Сюэтун. Дуй Чжунгоаньцюаньхуаньцзин дэ фэнъсийоусякао (Анализ и суждение безопасности Китая) // Шицзецинцзиюйчжэнчжи. – 2000. – № 2.

Великодная Е. Н.
Y. N. Velikodnaya

ХАРАКТЕР РИСКОВ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И В МЕДИА-ИНФОРМАЦИОННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**THE NATURE OF HUMAN HEALTH RISKS
IN THE MEDIA/INFORMATION/EDUCATIONAL SPACE**

Великодная Евгения Николаевна – методист Днепропетровского областного института последипломного педагогического образования (Украина, Днепропетровск); Украина, г. Днепропетровск, ул. Свердлова, 70/

Ms. Yevgeniya N. Velikodnaya – Educational Supervisor, Dnepropetrovsk Regional Institute for Postgraduate Education (Ukraine, Dnepropetrovsk); Dnepropetrovsk, Sverdlova street, 70.

Аннотация. Статья раскрывает влияние на здоровье человека такого социального феномена, как медиа-информационное образовательное пространство. Последний интерпретируется как образовательное пространство, которое интегрировано с медиа-пространством и функционирует на основе использования компьютерной техники и электронных информационных сетей. Основное внимание уделяется характеристике рисков для здоровья человека, которые возникают в пределах исследуемого феномена.

Summary. The paper reveals how human health is impacted upon by such social phenomenon as the media/information/educational space. The latter is interpreted as the educational setting integrated with media space and based on computer equipment and information e-networks. The emphasis is placed upon characterization of human health risks generated by this environment.

Ключевые слова: медиа-информационное образовательное пространство, философия образования, здоровье, риски, личность, визуализация.

Key words: media/information/educational space, educational philosophy, health, risks, personality, visualization.

УДК 1.13.37

Медиа-информационное образовательное пространство является составляющей социокультурного пространства и имеет конкретные социальные измерения, включая и те аспекты, которые касаются здоровья личности. Этот концепт позволяет исследовать в единстве влияние на здоровье человека двух системных процессов информационного общества: компьютерной техники и электронных медиа. Здоровье в социальном измерении целесообразно рассматривать как базовую составляющую личностного и общественного потенциала, от которой зависит как возможность саморазвития личности, так и конкурентоспособность страны. Возможности обеспечения здоровья личности в медиа-информационном пространстве определяются рядом социальных факторов, которые содействуют или не содействуют развитию человека. Сохранение здоровья человека в медиа-информационном образовательном пространстве как социальная проблема является составляющей общей проблемы социальных условий личностного развития.

Становление медиа-информационного образовательного пространства целесообразно рассматривать как социальный процесс, который связан с формированием рисков для здоровья человека. Социальными факторами риска для здоровья медиа-информационного характера нужно считать все условия, порождаемые деятельностью людей в этом пространстве, которые повышают вероятность наступления определенного негативного события с точки зрения здоровья личности. Социально-информационные факторы риска

здоровью могут проявляться на разных уровнях. На микроуровне факторами риска будут выступать поведенческие особенности индивида, обусловленные его интегрированностью в информационные процессы (интериоризированные в процессе социализации ценности и нормы, усвоенные социальные роли и др.), на институциональном уровне – специфика функционирования масс-медийных институтов, их существующие явные и латентные дисфункции, на общесоциальном уровне – имеющиеся формы коммуникаций, управление и распространение информации и т.п.

Контекстуализация социальных факторов риска, которые связаны с формированием медиа-информационного образовательного пространства, выступает самым важным методом понимания особенностей их влияния на здоровье человека и ориентирует на осознание условий, которые детерминируют существование, интенсификацию или, наоборот, исчезновение указанных факторов риска, непосредственно связанных с состоянием здоровья человека, позволяя выработать эффективные инструменты управления ими, сформировать действующие стратегии повышения качества индивидуального и общественного здоровья в культурно-образовательной сфере.

Образование имеет прямое отношение к росту или уменьшению социальных рисков для здоровья в информационном обществе. Низкий уровень образования, определяющий низкий уровень осведомленности, гигиенической и валеологической грамотности, культуры здоровья индивида, повышает риск реализации им безответственного относительно собственного здоровья поведения и в целом образа жизни. «Низкий уровень образования также увеличивает вероятность благосклонности вредным привычкам, обуславливает меньший уровень осведомленности о проблемах здоровья и здоровом образе жизни, детерминирует склонность к безответственному поведению, выступая условием возникновения факторов риска ухудшения здоровья» [5, 38].

Основные проблемы здоровья личности в современном обществе носят социокультурный характер. Негативное поведение относительно собственного здоровья, которое проявляется во вредных привычках или деструктивном отношении к собственному здоровью в поведении, является следствием усвоенных в процессе социализации норм, ценностей, мировоззренческих установок, которые сегодня в решающей степени определяются содержанием медиа-информационного пространства. Отсутствие в ценностном ядре культуры общества и соответственно в образовательном процессе здоровья как базовой ценности, вырождение его в экономическую категорию, обретение инструментального характера, преломляясь на уровне индивида, определяют реализацию им негативного самосберегающего поведения. Отсутствие в медиа-информационном пространстве артикулированного общественного мнения о необходимости отказа от вредных привычек, распространенность моды на вредные для здоровья паттерны поведения, лояльность сообщества относительно них, формальный подход к пропаганде здоровьесберегающей жизнедеятельности в области виртуальных коммуникаций во многом определяют уровень угроз для здоровья личности.

Споры о пользе и вреде медиа-информационной образовательной среды на жизнь подрастающего поколения и взрослых ведутся на всех социальных уровнях. В целом доминирует положительная оценка влияния электронных медиа на образовательный процесс. Однако, признавая неопровержимую пользу компьютерно-медийных технологий в образовательном процессе, не следует забывать и о негативном их влиянии на физическое здоровье и психику. Продолжительное сидение за компьютером приводит к напряжению тела и психику, ведет к ухудшению зрения и гиподинамии. Вредное влияние компьютера проявляется и в электромагнитном облучении организма. Большие дозы, которые могут накапливаться на протяжении нескольких лет, в конечном итоге могут вызвать серьезные заболевания.

При несоблюдении режима работы компьютер превращается в реальную угрозу здоровью. Например, непродолжительное пребывание за компьютером улучшает концентрацию внимания, а чрезмерное – ухудшает. Работа за компьютером приводит к перенапряжению

нервной системы, нарушению сна, ухудшению самочувствия, усталости глаз. Исследования подтверждают системный негативный характер работы с компьютером на психику человека. Нужно сказать, что включенность в Интернет прямо связана с образовательным процессом. «Образовательная ситуация имеет большее значение для использования Интернета, чем календарный возраст ребенка. Это подтверждается и тем, что в учебных заведениях с повышенной нагрузкой (гимназиях, лицеях и колледжах) подростки также больше времени тратят на Интернет» [7, 30]. Особенно следует подчеркнуть, что взаимосвязь между использованием Интернета и ухудшением психического здоровья на сегодня уже установлена эмпирически. Обобщая негативные последствия влияния компьютера на психику, прежде всего, нужно указать на следующие направления:

- детская агрессивность и жестокость, которые возникают в результате чрезмерного увлечения играми;

- неправильное восприятие картины мира. Было проведено исследование по названию «Рисунок всего мира». Дети, которые не зависели от компьютера, изобразили яркий мир с солнцем, людьми, деревьями. В рисунках детей, которые днями просиживали возле монитора, четко прослеживались признаки повышенного беспокойства и страха;

- трудности в общении с другими людьми. Если раньше ребенку, который имел определенные трудности в общении, необходимо было как-то менять себя и предпринимать шаги для поисков сближения, то сегодня можно просто пойти в Интернет, найти себе там друзей и спокойно с ними общаться на условиях анонимности. Нет необходимости подстраиваться под окружающих людей, можно вести себя так, как хочется [6, 135-136]. Специалисты США и Европы приходят к выводу о недостаточности и даже малоэффективности при таком характере угроз и рисков здоровью технологических и запретных средств защиты. Интернет-пространство становится реальной угрозой здоровью все большего количества людей. «Беспокойство вызывает то, что негативное влияние Интернета угрожает и психическому состоянию ребенка. Интернет, подобно другим СМИ, стал существенным фактором воспитания. Особо опасным видится формирование личности путем идентификации себя с конкретной позицией или определенным образом поведения. Ребенок старается подражать распространенным образцам. Как получатель информации он подвергается давлению и может легко стать жертвой всяких мошенников и творцов рекламы. Ребенок получает сообщения, не относясь к ним критически, и не осознает, что имеет дело с игрой видимостей. Благодаря тому, что дети получают неограниченный контакт с пространством, которое может обеспечить им интересное содержание и развлечения на все свободное время, отсутствие ограничений может иметь жалкие следствия» [1, 22].

Таким образом, в условиях быстрого распространения информационных технологий самой важной проблемой становится процесс формирования у подрастающего поколения действенных моральных ориентиров и способностей самозащиты. Защита детей от агрессивного негативного влияния Интернета – это одна из наиболее важных и актуальных проблем для общества и системы образования. В связи с этим для защиты детей от разрушительного информационного влияния, которое травмирует их психику, а также от информации, способной развить в ребенке порочные склонности, необходимы адекватные действия в самом медиа-информационном образовательном пространстве.

Ученые заговорили и еще об одном явлении, связанном с виртуализацией социально-образовательного пространства и потенциально угрожающем здоровью, – эволюции мозга. «На сцену выходит новая раса – цифровые аборигены, которых хай-тек окружал с детства, – утверждает известный американский ученый Г. Смолл. – Для развития мозга к его нынешнему состоянию надо было несколько сотен тысяч лет, а для эволюции, которая происходит под влиянием современных технологий, оказалось достаточно одного поколения». По мнению Смолла, назрел новый конфликт поколений – «мозговой разрыв», пропасть между мышлением родителей и детей. У младшего поколения мозг получает цифровое «перепро-

шивание» из пеленок. И, благодаря пластичности, незрелый мозг цифровых аборигенов учится новому чрезвычайно быстро. Однако возможные преимущества такого положения будут видны еще не скоро, а вот проблемы для развития интеллекта возникают уже сейчас [3, 9].

Нужно сказать, что информационная насыщенность современного образовательного пространства вообще оценивается многими специалистами отрицательно с точки зрения обеспечения развития и здоровья человека. В частности, по мнению ряда исследователей, информационно насыщенная среда не стимулирует, а душит воображение и соответственно ментальное развитие образовательных субъектов. В сущности, в медиа-информационном образовательном пространстве вырастает поколение людей, которые привыкли к достаточно примитивному общению, потеряли способность к самоконцентрации и постоянно хотят обратить на себя внимание.

Обобщая влияние на здоровье человека формирования медиа-информационного образовательного пространства, необходимо остановиться на ключевом аспекте этого процесса – визуализации действительности. Появление новых технических решений, таких как объемное изображение, интеграция голоса, видео, создание гигантских баз видеоданных и ускорение обмена видеопотоками в информационных сетях, успехи в «оцифровке» обонятельных и тактильных чувств человека, изобретение компьютеров с плазменными экранами, способными по желанию пользователя охватывать целую стену или вмещаться в кармане, и медиа-центров, которые позволяют добиться эффекта максимальной реальности зрелищных ощущений, приводят к возникновению явления визуализации.

Под визуализацией следует понимать воплощение воображаемого объекта, идеи в виде изображения, придание зримой формы любому мыслимому объекту, процессу, явлению, которые как реально существуют, так и созданы в сознании; воплощение, которое основано на способности сознания видеть предметы в образах и активно влияет на разные аспекты жизни [2, 36].

К разрушительному влиянию визуализации могут быть отнесены создание новой медиа-реальности (симулятивной реальности), генерация насилия, преобразование творчества в потребление, манипуляция, визуальная прозрачность и т.п. Например, в процессе формирования медиа-реальности происходит подмена реальности симулятивными образованиями, в частности, на основе смысловых инверсий, направленных на перекодировку самых безупречных и положительных образов. Визуализация целеустремленно и активно влияет на существующий символический набор и формирование новой искаженной системы ценностей.

Однако среди наиболее опасных для психического здоровья человека последствий визуализации в медиа-информационном пространстве исследователи называют те, которые усиливаются детализированным показом насилия во всех его формах. Экранное насилие ведет к снижению порога чувствительности, к проявлениям визуальной жестокости. В Интернет-пространстве насилие вообще мало регламентируется и доступно в любых формах и количествах. Английская исследовательница этой проблемы Дж. Кантор пишет, что «постоянный, частый просмотр эстетизированного и “повседневного” насилия влияет на отношение к нему детей, на их эмоциональную жестокость и на их собственные агрессивные поступки... Жестокость, равнодушие к человеческим страданиям, которые вызывают у детей кровавые сцены, – это медленный, скрытый процесс» [8, 91]. Одним из наиболее опасных для психического здоровья следствием визуализации медиа-информационного пространства является также манипуляция сознанием и поведением человека.

Важным аспектом рисков для здоровья личности в медиа-информационном образовательном пространстве является отсутствие в нем статуса здоровья как ценности. Это является следствием системного влияния электронных медиа на реальные характеристики современного общества и внутреннего мира людей. Новые информационно-коммуникационные технологии не только качественно видоизменили прежние представления,

установки, стереотипы, но и трансформировали модели социального взаимодействия. СМИ влияют не только на особенности восприятия социальной реальности, но меняют образ жизни и модели социального поведения. «Исследование процесса становления личности в информационно-коммуникативных средах свидетельствует об усиливающихся рисках, связанных с изменениями уровня информационно-психологической безопасности человека в современном мире. Информационная сфера в эпоху информационного общества становится мощным фактором влияния на общественное здоровье» [4, 136].

В социуме под влиянием электронных медиа формируются альтернативные образы и стили жизни, которые несовместимы с гуманистическими ценностями, в том числе и ценностями здоровья. Возникают новые проблемы экзистенциального характера, связанные с преодолением негативных тенденций формирования массовой культуры общества, потреблением, виртуализацией и фрагментацией сознания под влияниями информационно-коммуникативных процессов, размыванием нравственно-смысловых ориентиров.

Современному обществу необходима эффективная информационная политика, одной из задач которой должна стать защита общества от негативного информационно-психологического влияния и обеспечение оптимального медиа-информационного климата для социального развития. Наиболее эффективным может быть так называемое «резонансное» регулирующее влияние на основе образовательной деятельности, направленной на медиа-образование людей, формирование у них критического мышления и умение самостоятельно как работать с медиа-текстами, так и организовывать свою деятельность в системах электронных коммуникаций на основе здоровьесберегающих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атагимова, Э. И. Проблемы отрицательного влияния Интернета на нравственное воспитание подростков в информационном пространстве и пути решения / Э. И. Атагимова // Правовая информатика. – 2013. – № 1. – С. 21-24.
2. Жигарева, А. А. Феномен визуализации: деструктивное воздействие на воспитание российской молодежи // Педагогическое образование и наука. – 2011. – № 2. – С. 36-40.
3. Кузина, С. Фейсбук делает нас тупыми? // Комсомольская правда (Еженедельник). – 2011. – 29 сентября – 6 октября. – С. 9.
4. Лебедев, Д. В. Влияние масс-медиа на формирование ценностного отношения к здоровью в молодежной среде / Д. В. Лебедев // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 1. – С. 135-138.
5. Лебедева-Несевря, Н. А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления / Н.А. Лебедева-Несевря // Вестник Пермского университета. Серия: Биология. – 2010. – № 3. – С. 36-41.
6. Петрова, Е. И. Дети и компьютер // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2012. – № 1. – С. 133-141.
7. Савкина, Т. О. Интернет и психическое здоровье подростков / Т. О. Савкина, Е. Р. Слободская // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. – 2010. – Т. 30. – № 6. – С. 29-34.
8. Cantor J. Mommy, I'm Scared: Protecting Children from Frightening Mass Media // Media Violence Alert. 2000.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

МОНИТОРИНГ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ В ВУЗЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ

MONITORING OF UNIVERSITY STUDENTS' ADAPTATION TO EDUCATIONAL PROCESS AS THE INSTRUMENT OF ENSURING THEIR ACADEMIC PERFORMANCE

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; 8-(4217)-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Education, Professor, Provost for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av., +7 4217 539825. E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-(4217)-27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 48/1, Vokzalnaya Str., ap. 21; telephone: +7 421 272805. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен опыт практического исследования проблемы адаптации студентов-первокурсников к обучению в вузе; рассмотрены факторы и траектории адаптационного процесса; перечислены задачи и возможности диагностики адаптации студентов к вузу; описаны результаты анкетирования, направленного на выявление мотивационной готовности студента к обучению, осознания им новой социальной роли, готовности к освоению вузовского режима изучения содержания учебных дисциплин, сформированности оптимального режима труда и отдыха, комфортности в общении с одногруппниками, преподавателями и администрацией факультетов и вуза в целом, потребности во внеучебной деятельности, запроса в психологической помощи.

Summary. The paper presents our practical investigation of first-year university students' adaptation to the study process. The study results include: factors and trajectories of the adaptation process; the tasks and capabilities of monitoring/analyzing student adaptation; the results of a poll focused on uncovering students' motivation to study, their willingness to adopt a new social role and to conform to the university's curriculum, the optimality of their work-and-rest schedule, the level of friendliness in their communication with fellow students/lecturers/administration, their extracurricular activity needs, their psychological support needs.

Ключевые слова: адаптация, адаптационный процесс, образовательная среда вуза, диагностика, мониторинг, анкетирование, академическая успешность.

Key words: adaptation, adaptation process, university educational milieu, diagnostics, monitoring, polling, academic progress.

УДК 37.013;371

Начало обучения в вузе является значимым этапом, во многом определяющим дальнейшую траекторию не только профессионального образования студента, но и его профессионально-личностного самосовершенствования. Необходимым условием успешного овладения студентом профессиональных и общеобразовательных компетенций, его самоопределения в профессии выступает освоение норм и правил вузовской жизни, интеграция в целостную образовательную среду университета, установление комфортных взаимоотношений с преподавателями и сокурсниками, выработка оптимального режима труда и отдыха [1]. Немаловажное значение при этом имеет и увлеченность студента учебой и общественной жизнью, понимание значимости данного жизненного этапа, активная жизненная позиция, ощущение себя субъектом образовательного процесса, удовлетворенность образовательными результатами, что в конечном счете и определяет академическую успешность студента. Представленные факторы успешности обучения в вузе складываются в процессе адаптации студента к образовательному процессу, охватывающей, как правило, весь первый курс обучения.

Адаптация к обучению в вузе в общем виде определяется как освоение студентом образовательной среды университета, принятие норм и правил внутреннего распорядка, ознакомление с особенностями общения и взаимодействия с различными структурами и службами университета и т.п. [1]. При этом векторы адаптации и её результаты могут быть различными. Так, студент может знать правила и нормы вузовской жизни, в частности требования, предъявляемые преподавателями к освоению образовательных дисциплин, и, принимая, выполнять их, видя в этом смысл и практические результаты.

В ином случае студент осваивает нормы и выполняет их, но внутренне их не принимает и противостоит им, что, в свою очередь, сказывается как на самочувствии самого студента, так и на положении его в учебной группе и, прежде всего, на результатах обучения, делая студента неуспешным.

Также может возникнуть ситуация, когда первокурсник отказывается не только соблюдать нормы и правила образовательного процесса, но и противостоит их изучению и осмыслению (как правило, это возникает в случае инфантилизма, личностной незрелости). В соответствии с названными установками складываются различные траектории адаптационного процесса, которые определяют конечный результат приспособления студента к вузовской жизни, что, в конечном счете, несомненно, окажет существенное влияние на его образовательные (академические) успехи и личностные достижения.

Поскольку организаторы образовательного процесса в вузе заинтересованы в высоких результатах формирования у студентов образовательных, личностных и профессиональных компетенций, то адаптационный процесс не может рассматриваться как стихийно складывающееся взаимодействие студента с однокурсниками, кураторами, преподавателями, представителями деканата, структурами и службами отдельных факультетов и институтов и вуза в целом. Адаптация студента к образовательному процессу в вузе должна стать управляемым процессом, включающим психолого-педагогическое сопровождение, направленное на изучение характерных особенностей вступления первокурсниками в адаптационный процесс, выявление субъективных и объективных трудностей студентов в нём, анализ их причин, разработку и реализацию педагогически целесообразных форм и приёмов работы как с учебной группой, так и с отдельными студентами, нуждающимися в особом подходе, а также осуществление повторных диагностических процедур, позволяющих выявить завершенность адаптационного процесса (в случае успешности) и выявить «точки роста» первокурсников.

Таким образом, первым этапом психолого-педагогического сопровождения адаптации студентов к образовательному процессу является психолого-педагогическая диагностика, позволяющая:

- зафиксировать конкретные показатели адаптационного процесса;
- сравнить показатели адаптации на различных направлениях и в конкретных академических группах;

- вынести предположения относительно индивидуально-типологических особенностей адаптации студентов, связанных с их обучением на той или иной специальности;
- выявить факторы (внешние, связанные с условиями образовательного процесса, и внутренние – психологические), замедляющие адаптационный процесс;
- наметить пути устранения причин, препятствующих адаптационному процессу;
- констатировать успешность (или неуспешность) адаптационного процесса первокурсников вуза в целом.

Для реализации этих задач нами было проведено исследование, направленное на изучение особенностей адаптации студентов-первокурсников университета. В диагностическом исследовании приняли участие 404 первокурсника технических, экономических и гуманитарных направлений обучения.

В качестве основного средства диагностики использована анкета, вопросы которой были направлены на выявление мотивационной готовности студента к обучению, осознания им новой социальной роли, готовности к освоению вузовского режима изучения содержания учебных дисциплин, сформированности оптимального режима труда и отдыха, комфортности в общении с одногруппниками, преподавателями и администрацией факультетов и вуза в целом, потребности во внеучебной деятельности, запроса в психологической помощи. Данная анкета позволяет выявить и охарактеризовать внешние факторы адаптации и предпосылки академической успешности студентов. Для выявления более глубоких, психологических факторов необходим комплексный подход, предполагающий использование ряда диагностических методик [2].

Остановимся на содержании анкеты и результатах анкетирования более подробно.

Первым направлением для оценивания процесса адаптации студентов было выявление причин выбора студентом вуза и конкретной специальности. Данный показатель свидетельствует о мотивации выбора профессии студентом, которая может быть: индивидуально или социально значимой, положительной, когда студент осознает значимость учения, и отрицательной, когда учеба в вузе позволяет избежать нежелательных обстоятельств в жизни.

На формирование положительной мотивации учения оказывает влияние и отношение студентов к вузу, а именно их субъективная оценка престижности университета. Данное обстоятельство играет существенную роль в формировании положительной мотивации учения студента, его эмоционального благополучия и влияет на понимание значимости и внутреннее принятие необходимости соблюдения норм и выполнения требований, предъявляемых к нему администрацией университета и конкретными преподавателями. Поэтому первым вопросом анкеты был: «Считаете ли Вы выбранный Вами вуз престижным?» На него подавляющее большинство студентов всех факультетов ответили положительно.

Анализ результатов ответов студентов на следующий вопрос: «Почему Вы выбрали именно этот вуз?» показал, что значимое количество ответов студентов всех факультетов (около 60 %) связано с выбором университета, как предоставляющего высокое качество образования. Этот показатель свидетельствует о положительной социальной направленности мотивации студентов и может рассматриваться как стимулирующий фактор обучения в вузе.

Большое значение, как показывают данные исследования, имеет для студентов и территориальное положение вуза. В 55 % ответов студенты указывают это как причину выбора вуза.

Следующий по частоте выборов фактор, влияющий на выбор образовательного учреждения, – положительные отзывы и совет знакомых. Его отмечают от 20 до 34 % студентов различных факультетов. У этих студентов индивидуальная направленность мотивации и осмысленность выбора вуза выражены незначительно.

Есть и такие студенты (от 5 до 22 %), выбор образовательного учреждения которых связан с отсутствием трудностей при поступлении («легче всего было поступить»). Этот выбор в наименьшей степени демонстрирует осмысленность выбора студентом вуза и может рассматриваться как фактор риска.

В вопросе: «Почему вы выбрали данную специальность?», лидирующее положение практически на всех факультетах занимают ответы, связанные с престижем и личным интересом. До 73 % студентов на отдельных факультетах считают выбранную специальность престижной. При этом лишь 18 % из них отмечают, что она позволит им в будущем хорошо зарабатывать. Эти показатели можно расценивать как весьма перспективные в формировании стойкой положительной мотивации учения и прогнозировать успехи в обучении этих студентов.

Среди других причин выбора студентами специальности от 2 до 6 % набрали настойчивость родителей, от 3 до 9 % – затруднения в выборе. Как факторы риска могут рассматриваться случайный и невдумчивый («особо не задумывался») выбор студентами специальности, а также ответ «чтобы получить отсрочку от армии», свидетельствующий в пользу мотивации избегания. Таких студентов в нашем исследовании обнаружилось от 2 до 19 % на различных специальностях.

На вопрос: «Изменилось ли ваше отношение к специальности после поступления?» студенты большинства специальностей ответили либо «осталось без изменений хорошее», либо «улучшилось», что может расцениваться как позитивный фактор адаптации. Однако нашлись студенты (около 8 %), разочаровавшиеся в выбранной специальности. Данное обстоятельство может быть расценено как фактор риска и требует дальнейшей проработки.

Продолжает исследование отношения студентов к выбранной специальности вопрос: «Собираетесь ли работать по специальности?». Подавляющее большинство студентов (около 80 %) всех специальностей ответили на него положительно. Это, безусловно, может быть расценено как фактор успешной адаптации студентов к обучению. При этом ответ «как получится» является в контексте нашего исследования не вполне благополучным (и процент таких студентов немалый на всех факультетах), однако он создаёт перспективы в плане профориентационной работы, направленной на уже не столько на выбор специальности (так как выбор уже состоялся), сколько на формирование стойкого интереса к профессии, раскрытия в ней новых сторон и перспектив для себя.

Следующая группа вопросов была направлена на выявление степени и характера адаптации студентов непосредственно к образовательному процессу. Нормативно-процессуальный аспект этих характеристик освещали вопросы: «Знакомы ли вы с учебным планом специальности, по которой обучаетесь?» и «Укажите, с какими документами вы знакомы?».

Осведомленность студента в содержании основных нормативных документов, являющихся основой организации учебно-воспитательного процесса в вузе, позволяет оценить его готовность к последствиям тех или иных его действий в пределах образовательного процесса, а также понимание им новой социальной роли и связанных с ней прав и обязанностей.

По результатам опроса большинство студентов (до 96 % на отдельных специальностях) знакомо с учебным планом специальности или направления подготовки. Однако при общей осведомленности студентов по этому вопросу на факультетах есть отдельные группы, в которых были получены значительные показатели недостаточной информированности. Возможно, эти группы нуждаются в особых разъяснениях по поводу требований ФГОС и учебных планов.

В вопросе о документах университета, регулирующих отдельные аспекты образовательного процесса, наиболее популярными среди студентов оказались: Устав университета (до 90 % выборов), Правила внутреннего распорядка и Положение о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации студентов. Менее популярны, как и прогнозировалось, «Положение о порядке перевода и восстановления студентов» и «Инструкция об организации и проведении практик», что не является на данный момент существенным. Внимания заслуживают студенты (их до 30 % на отдельных специальностях), которые отметили, что абсолютно не знакомы ни с какими видами документации, сопровождающей образовательный процесс.

Следующим оцениваемым нами параметром адаптации стало субъективное отношение студента к организации образовательного процесса и его самочувствие в нём. Данный

параметр непосредственно свидетельствует об успешности адаптационного процесса в случае высокой оценки студентом организации образовательного процесса, выражении им готовности изучать содержание учебных дисциплин, готовность посвящать этому своё свободное время, увлеченность студентом учением. Эти характеристики выявлялись в ответах на вопросы: «Как вы оцениваете организацию образовательного процесса в вузе?», «Какой процент занятий вы бы посещали, если бы это было не обязательным?», «Сколько времени в день вы тратите на подготовку к занятиям?», «Используете ли для подготовки к занятиям учебно-методические комплексы дисциплин?».

По результатам опроса студентов, в целом организация образовательного процесса в вузе оценивается ими как удовлетворительная. Этот показатель колеблется от 46 до 82 %, что свидетельствует о преобладании положительных тенденций в адаптационном процессе. Однако есть основания говорить о наличии неудовлетворенности некоторых студентов образовательным процессом. Так, субъективно воспринимают содержание дисциплин как не соответствующее выбранной специальности, не видят смысла в изучении некоторых предметов от 2 до 24 % первокурсников; перегруженность учебными занятиями уже успели почувствовать до 13 % опрошенных. Эти студенты нуждаются в психолого-педагогической поддержке, содержанием которой может стать помощь в планировании и организации учебного времени, установлении оптимального режима труда и отдыха.

Изучение количества времени, которое студент готов посвятить подготовке к занятиям, посещению занятий и нахождению в вузе, позволяет оценить, с одной стороны, насколько соответствует это количество времени, отводимому на самостоятельную работу учебным планом специальности и, с другой стороны, увлеченность студентом целостным учебно-воспитательным процессом в вузе. Большинство студентов по данному аспекту отмечают в качестве оптимального от двух до трех часов в день, что соответствует количеству времени, отводимому на самостоятельную работу в программах дисциплин. При этом подавляющее большинство студентов (от 80 до 100 %) используют при подготовке к занятиям учебно-методические комплексы дисциплин, предоставляемые кафедрами.

Значительную роль в адаптационном процессе играют складывающиеся отношения студента в группе, с преподавателями, с деканатом и другими структурами университета. Известно, что позитивные, благоприятные отношения являются дополнительным мотиватором, а порой и стимулом учения.

Большинство опрошенных нами студентов (до 70 % на отдельных специальностях) субъективно оценивают отношения «преподаватель – студент» как нормальные, не создающие дискомфорта, но и не стимулирующие к общению. Официальные, не выходящие за рамки должностных, исключая межличностный аспект, а потому не способствующие благополучной адаптации отношения встречаются также достаточно часто (до 40 %). Теплыми, эмоционально окрашенными, имеющими личностно-индивидуальный аспект и, таким образом, в наибольшей степени поддерживающими адаптацию студента к вузу считают отношения с преподавателями от 10 до 32 % опрошенных студентов различных специальностей. Подобным образом распределяются и субъективные оценки отношений студентов с административными структурами университета (деканатами, кафедрами). Отношения «студент – сотрудники» (вахтеры, инженеры и секретари кафедр и факультетов, воспитатели в общежитиях и др.) большинство студентов всех без исключения факультетов расценивают как комфортные, «человечные». В оценке отношений с однокурсниками большинство студентов всех факультетов также выразили единодушие и зафиксировали их как доброжелательные, дружеские, что, несомненно, выступает фактором успешной адаптации к вузу. При этом есть студенты отдельных факультетов и специальностей, неудовлетворенные как отношениями с сотрудниками университета, так и отношениями с однокурсниками, но их процент незначительный и может быть оценен в индивидуальной работе кураторов со студентами.

Часть вопросов анкеты была направлена на выявление отношений студентов с кураторами академических групп. Большинство студентов всех факультетов удовлетворены ра-

ботой своих кураторов, что говорит о высоком потенциале кураторов в реализации педагогического сопровождения адаптационного процесса студентов-первокурсников.

Следующий блок вопросов анкеты выявлял характер социальной активности студента, проявляющейся в стремлении участвовать во внеучебной деятельности, концентрации внимания на социальных объектах вуза, наличии запроса в вовлечении во внеучебную деятельность и т.п.

Большинство студентов всех факультетов проявили достаточно хорошую информированность о существующих в университете коллективах художественной самодеятельности, научных кружках, молодежных клубах. Анализ ответов студентов позволяет говорить, что самым востребованным видом внеучебной деятельности среди студентов является участие в спортивных соревнованиях и организация праздников, вечеров, дискотек.

Оценивая условия, созданные в университете для внеучебной деятельности, студенты всех факультетов отдают предпочтение занятиям физкультурой и спортом, на втором месте, по мнению большинства, условия для творческого развития личности, третье место делят здоровый образ жизни и занятия художественным творчеством. При оценке собственной удовлетворенности организацией свободного времени большинство студентов всех факультетов также выразили единодушие, зафиксировав свою удовлетворенность. При этом есть отдельные специальности, где студенты хотели бы принимать участие в тех или иных видах внеучебной деятельности, но по различным причинам (субъективным – тревожность, стеснительность, нерешительность или объективным – не имеют информации) не принимают.

На вопрос «Указать, чем бы они хотели заниматься в вузе в свободное время» мы получили огромный разброс ответов (обучаться игре на музыкальных инструментах, заниматься в спортзале, играть в КВН, развивать актёрское мастерство, играть в шашки, заниматься художественной гимнастикой и т.п.), что свидетельствует о богатом творческом и личностном потенциале первокурсников, об их желании и готовности проводить свободное время в стенах университета.

На вопрос о необходимости Психологической службы в вузе положительно ответили большинство студентов всех факультетов. Наиболее востребованными среди тренингов, предлагаемых первокурсникам Психологической службой, оказались: коммуникативный тренинг, тренинг лидерских качеств и тренинг ораторского искусства.

Таким образом, проведенное исследование показало, что большинство студентов всех специальностей проходит адаптационный процесс достаточно продуктивно, что свидетельствует о высокой вероятности их академической успешности. Студенты в большинстве своем готовы к освоению и принятию норм и правил жизнедеятельности образовательной среды университета. Отдельные негативные моменты учебной адаптации требуют объединения усилий администрации факультетов, кураторов и Психологической службы и могут быть сняты в процессе индивидуальной работы по запросу кураторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные проблемы адаптации обучающихся в социально-культурном пространстве образовательного учреждения : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф., Кемерово, 11 апреля 2013 г. / М-во культуры Российской Федерации, ФГБОУ ВПО "Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств", Науч.-исслед. лаб. социально-психологической адаптации студентов ; [сост.: Е. В. Милькова, Ю. В. Жегульская, Т. И. Варова]. – Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2013. – 274 с.
2. Теоретические основы и технологии деятельности куратора академической группы в ГОУВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» / О. В. Мальченко, М. В. Шинкорук; под общ. ред. Т. Е. Наливайко. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2009. – 85 с.
3. Наливайко, Т. Е. Мониторинг качества воспитательной системы образовательного учреждения: основные направления и критериальный аппарат / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № I-2(5). – С. 33-41.

Цевелева И. В.
I. V. Tseveleva

ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН XXI ВЕКА

“SOCIAL MEDIA ADDICTION” AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF THE XXIst CENTURY

Цевелева Ирина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Мира, д. 44, кв. 97; 8(4217)241121. E-mail: irina@knastu.ru

Ms. Irina V. Tseveleva – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000, Komsomolsk-on-Amur, 44-97, Mira Str.; +7 4217 241121. E-mail: irina@knastu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме формирования психологической зависимости от социальных сетей у человека в современном российском обществе. В статье рассматриваются вопросы интернет-зависимости как одной из форм нехимических зависимостей. Автором дается определение зависимости от социальных сетей, выделяются её критерии и уровни.

Summary. The paper deals with the problem of developing psychological dependence on using social networks in today's Russia. Considered is the issue of Internet addiction as a form of non-chemical dependency. The author gives a definition of social media dependence, specifies its criteria and levels.

Ключевые слова: интернет-зависимость, зависимость от социальных сетей, аддиктивное поведение, критерии и уровни зависимости от социальных сетей.

Key words: Internet addiction, social media addiction, addictive behavior, criteria and levels of social networking dependence

УДК: 316.6

Внедрение интернет-технологий в жизнь современного россиянина стало нормой в последнее десятилетие. Однако данное явление имеет как позитивные, так и негативные последствия. К отрицательным последствиям можно отнести сужение круга интересов человека, уход от реальности в виртуальный мир, развитие зависимости, что определяет проблему патологического, чрезмерного использования Интернета и социальных сетей в частности.

Согласно данным проекта «Интернет в России/Россия в Интернете», проводимого фондом «Общественное мнение», Россия обгоняет Францию и Великобританию по количеству интернет-пользователей и занимает третье место в мире. В период с 2002 г. число интернет-пользователей в России выросло с 8,7 млн чел. (8 %) до 42 млн чел. (36 %), а уровень суточной аудитории – с 2,1 млн до 23,9 млн чел. [7]. Каждый третий житель России является пользователем Интернета, а каждый седьмой – посещает Интернет каждый день.

Преобладающей группой пользователей Интернета и социальных сетей в России являются люди в возрасте до 30 лет, более всего среди них лиц, представляющих школьную и студенческую аудиторию.

Открывшиеся интернет-возможности для общения, учебы, его доступность для большинства молодежи, актуализировали проблему патологического использования Интернета и социальных сетей. Данную проблему можно рассматривать с двух сторон: с одной стороны,

это увеличение количества пользователей социальных сетей среди школьников и студентов и увеличение времени, проводимого в Интернете, а с другой – отсутствие комплексных мер социальной профилактики со стороны социальных институтов, таких как семья, школа, образовательные и культурно-досуговые учреждения.

Проблема зависимости от социальных сетей, как и проблема ее профилактики, на сегодняшний день является мало изученной, в основном встречаются научные работы авторов, рассматривающих проблемы интернет-зависимости, которая является родственной зависимости от социальных сетей.

Как показал анализ исследований за рубежом проблема интернет-зависимости изучается уже более 20 лет, в России же работы, посвященные данной проблеме, появились лишь пять-шесть лет назад. Однако в последние годы постоянно возрастает число научных исследований, посвященных данному виду зависимости, в которых предлагается ее описание с точки зрения различных психологических направлений и школ. Так, например, американским психологом К. Янг в работе «Диагноз – интернет-зависимость» были выделены основные предпосылки и стадии развития данного вида зависимости, была разработана трехуровневая модель, объясняющая приверженность к применению Интернета. И. Голдбергом, К. Янг были предложены диагностические критерии интернет-зависимости. М. Орзак выделила физические и психологические симптомы, характерные для интернет-зависимости. М. Гриффитсом была рассмотрена возможность формирования интернет-зависимости на базе других форм зависимого поведения.

В России проблема интернет-зависимости начала изучаться только в последние годы. Одними из первых были исследования А. Е. Войскунского, который разработал и предложил критерии данной зависимости. В. А. Лоскутовой были изучены культурологические особенности пользователей русскоязычного Интернета. Целый ряд авторов, таких как А. Е. Жичкина, А. Ю. Егоров, Н. А. Кузнецова, Е. А. Петрова, И. В. Чудова, исследовали особенности личности интернет-зависимых пользователей.

На сегодняшний день Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству молодежи – активных пользователей сети Интернет. С помощью социальных сетей человек может не только получать информацию, совершать различные покупки, но и реализовывать свои различные, в том числе и игровые пристрастия, удовлетворять потребность в общении. Среди молодежи большую популярность получило общение в социальных сетях, таких как Facebook, Twitter, MySpace, Vkontakte, «Одноклассники», «Мой Мир», «Живой Журнал» и др. Каждый человек может зарегистрироваться в социальных сетях, найти там друзей, то есть удовлетворить одну из основных социальных потребностей – потребность в общении.

В связи с возрастающей популяризацией социальных сетей растет и процент людей, которые все свое время проводят в социальных сетях, что заставляет многих исследователей говорить о патологическом использовании возможностей Интернета и о формировании нового вида зависимости – зависимости от социальных сетей.

На английском языке порочные, болезненные пристрастия называют addiction, отсюда возникает термин «аддиктивное поведение». А. Ю. Егоров термин «аддикция» использует как синоним термина «зависимость» [2]. Согласно данному подходу, аддиктивное поведение можно трактовать как зависимое от каких-либо факторов. Термин «аддиктивное поведение» – относительно новое понятие, и в настоящее время среди психологов не существует единого мнения в его определении. Так, например, Е. П. Ильин понимает под аддиктивным поведением – поведение, обусловленное наличием вредных привычек, прежде всего у подростков и юношей [3]. Несомненно, понятие аддиктивного поведения шире и не стоит его причислять к девиантным формам поведения, свойственным только подрастающему поколению.

Большинство авторов, стоявших у истоков разработки данной проблематики (Ц. П. Короленько, А. Ю. Акопов, А. С. Тимофеева, В. Ю. Завьялов и др.), рассматривают аддиктивное поведение как форму деструктивного поведения, то есть причиняющего вред человеку и об-

ществу [4]. Л. В. Куликов рассматривает зависимое поведение как поведение риска, то есть такое поведение, которое ведет или содержит значительную опасность, которая может привести к разрушению отдельных подструктур личности, психическим и соматическим заболеваниям и даже к смерти [6].

В данном случае представляется наиболее исчерпывающим определение С. Смагина, который считает, что аддиктивное поведение выражается в стремлении личности к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния. При этом данный уход достигается различными способами, среди которых фармакологические (прием веществ, воздействующих на психику) и нефармакологические (концентрация на определенных предметах и активностях, которая сопровождается развитием субъективно положительных эмоциональных состояний) [8].

Рассмотрим виды аддиктивного (зависимого) поведения. Так, одни авторы разделяют все аддикции на три блока, а именно:

- 1) химические (наркомания, алкоголизм, курение, токсикомания);
- 2) биохимические (анорексия, булимия);
- 3) нехимические (подсознательные) [5].

Л. В. Куликов к основным видам зависимости относит:

- 1) химическую зависимость (алкоголизм, токсикомания, наркомания, никотинозависимость, лекарственная зависимость);
- 2) акцентуированную активность (трудовая зависимость, игромания, интернет-зависимость, сексуальная зависимость);
- 3) культовую зависимость [6].

Вместе с тем полный перечень зависимостей вряд ли может быть составлен: появляются новые виды аддикций, есть малораспространенные виды аддикций. Каждая зависимость имеет свои особенности, но все они сужают рамки внутренней свободы человека, нарушают его психическое спокойствие и равновесие, наносят вред здоровью, а также гармонию общения с близкими людьми.

Рассмотрим понятие «зависимость от социальных сетей», которое можно определить как психическое расстройство, выражающееся в навязчивом желании выйти в какую-либо социальную сеть и неспособности вовремя выйти из нее.

Зависимость от социальных сетей относится к классу нехимических зависимостей. Нехимическая форма аддиктивного поведения связана с защитными механизмами человека, чаще всего возникает как ответ на какие-то социальные, личностные проблемы, дискомфортные ситуации и неприятности. В данном случае психологическая защита личности приобретает ритуальный характер, при котором вырабатываются жесткие модели поведения. Определяя аддиктивное поведение как избегание реальности путем изменения психического состояния, можно говорить, что создаваемая в социальных сетях виртуальная реальность изменяет и психическое состояние личности.

Близкой по своим основным характеристикам к зависимости от социальных сетей является интернет-зависимость. Рассмотрим интернет-зависимость, что поможет более точно охарактеризовать зависимость от социальных сетей.

Определенные свойства, присущие Интернету, делают его аддиктивным агентом. Среди таких свойств можно выделить, прежде всего, возможность анонимных социальных контактов, свободную реализацию собственных фантазий, подкрепленную с обратной связью, возможности поиска нового собеседника при отсутствии необходимости удерживать его внимание, коммуникации в различных возрастных, социальных и других виртуальных группах, что подразумевает возможность получения определенного виртуального социального статуса и неограниченный индивидуальными социальными рамками доступ к информации.

По мнению А. Е. Войскунского, в виртуальном пространстве социальных сетей и Интернета призрачно удовлетворяются практически все потребности личности иерархии А. Маслоу. Физиологические потребности удовлетворяются посредством бурных виртуаль-

ных романов или киберсекса, безопасность обуславливается анонимностью, потребность принадлежности, востребованности реализуется за счет примыкания к какой-либо виртуальной группе по интересам, любовь и уважение гарантировано участниками определенного виртуального сообщества. Основная потребность в самоактуализации достигается за счет положительной идеальной самопрезентации с актуальной обратной связью от респондентов. Все вышеперечисленное в конечном итоге способствует возникновению зависимости от сети Интернет. [1]

К. Янг выделила и описала пять основных типов интернет-зависимости [9]:

1) Компьютерная зависимость – зависимость, характеризуемая наличием пристрастия к любой работе с компьютером, в частности к программированию, играм или другим видам деятельности.

2) Компульсивная навигация в социальных сетях, ее основное отличие – постоянный, навязчивый поиск информации в различных базах данных.

3) Перегруженность информацией. Эту зависимость можно определить как патологическую привязанность к азартным играм в сети Интернет, онлайн-аукционам или покупкам в различных интернет-магазинах.

4) Киберкоммуникативная зависимость – это зависимость от общения в социальных сетях, чатах, конференциях, форумах, что способствует замещению и утрате реальных социальных контактов, сведению к минимуму общения с членами семьи и реальными друзьями.

5) Киберсексуальная зависимость – зависимость, характеризуемая постоянным посещением порнографических, сексуальных сайтов в Интернете, обсуждением сексуальной тематики на различных форумах, участием в закрытых группах сексуальной и порнографической направленности.

Также К. Янг определила основные четыре признака интернет-зависимости:

1) постоянное желание проверить электронную почту;

2) компульсивное желание следующего выхода в Интернет;

3) претензии и жалобы близких людей и окружающих на то, что человек проводит слишком много времени в социальных сетях и Интернете;

4) свидетельства и претензии членов семьи и близких на большие материальные денежные платежи за пользование Интернетом.

Помимо классификации вышеупомянутого автора, существует и классификация признаков интернет-зависимости И. Голдберга, по мнению которого интернет-зависимость характеризуется наличием трех критериев, а именно:

1) количеством времени, проводимого в Интернете, необходимого для получения удовлетворения, которое имеет тенденцию к возрастанию;

2) наличием тенденции: отсутствие увеличения количества времени нахождения в Интернете заметно снижает эффект удовлетворения;

3) появлением негативного психологического состояния, характеризующегося плохим самочувствием, в связи с прекращением или сокращением времени, проводимого в Интернете. Данное состояние развивается от нескольких дней до месяца и выражается следующими признаками: двигательным и эмоциональным возбуждением, наличием состояния повышенной личностной тревожности, навязчивыми размышлениями о том, что сейчас происходит в Интернете, фантазиями и мечтами об Интернете, а также произвольными или произвольными движениями пальцев, имитирующими печатание на клавиатуре.

Вышеперечисленные признаки состояния и поведения личности, пытающейся отказаться от пребывания в Интернете или социальных сетях либо просто сократить время присутствия, указывают на наличие психологической зависимости от Интернета. Данное состояние в психиатрии называется «синдромом отказа» или «абстинентным синдромом». В случае интернет-зависимости имеются отличия от «абстинентного синдрома» курильщиков, наркоманов, алкоголиков, у которых развивается не только психологическая, но и физи-

ческая зависимость к вредным веществам, поэтому её отмена переживается намного легче. Однако синдром отмены вызывает у интернет-зависимой личности снижение или нарушение деятельности практически во всех сферах: профессиональной, коммуникативной, социальной и других.

М. Орзак описала психологические и физические симптомы, определяющие наличие интернет-зависимости. К психологическим симптомам автор относит: положительное эмоциональное самочувствие (эйфорию) в момент нахождения человека за компьютером; наличие невозможности прекратить данный вид деятельности; постоянное увеличение количества времени, проводимого в сети Интернет; отсутствие внимания и интереса к семье и друзьям, близким; наличие ощущений раздражения, пустоты, ненужности, возникающих во время любой деятельности, не связанной с работой за компьютером; скрывание от членов семьи, близких, работодателей своего нахождения в сети Интернет; отсутствие положительных тенденций в учебной или профессиональной деятельности.

Физические симптомы, выделенные автором, прежде всего, связаны с функционированием органов тела – это сухость в глазах, поражение нервных стволов руки, головные боли, боли в спине, а также нарушения или изменения режимов питания и сна, ухудшение внешнего вида, связанное с пренебрежением личной гигиены.

Таким образом, проанализировав вышеперечисленное, можно присоединиться к мнению К. Янг, которая считает признаками сформировавшейся интернет-зависимости следующие критерии:

- 1) навязчивая увлеченность Интернетом;
- 2) постоянная навязчивая потребность увеличения времени, проводимого в сети;
- 3) возникновение «симптома отмены» и появление связанных с ним негативных психофизиологических состояний при попытке уменьшить время использования Интернета;
- 4) проблемы контроля времени работы, отдыха, досуга и реального общения вне сети Интернет;
- 5) коммуникативные, социальные проблемы с реальными близкими людьми (членами семьи, друзьями, социальной группой);
- 6) скрывание и маскировка реального времени, проведенного в сети;
- 7) изменение психических состояний, эмоционального настроения посредством использования Интернета.

Социальные сети – основная причина, по которой люди все больше времени проводят в Интернете. Психолог С. Поляков считает, что из разряда развлечений социальные сети переросли в настоящую психологическую зависимость. Свое мнение он обосновывает тем, что вместо выполнения должностных, профессиональных обязанностей многие сотрудники, имеющие доступ в Интернет с рабочих компьютеров, тратят рабочее время на нахождение в социальных сетях, в частности на общение с виртуальными друзьями, просмотр новых сообщений в форумах, контактах. Данная деятельность негативно влияет не только на производительность труда работника, но и на его психологическое состояние. Конфликт между желаниями виртуального общения и профессиональными обязанностями приводит к появлению устойчивых стрессовых состояний, которые отражаются на физическом здоровье и самочувствии.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что зависимость от социальных сетей – это психическое расстройство, основанное на навязчивом желании выйти в социальную сеть и болезненной неспособности вовремя выйти из нее. На основании анализа исследований по данной проблеме можно выделить основные критерии, характеризующие наличие зависимости от социальных сетей у человека:

- 1) периодичность выхода в социальные сети;
- 2) время, проведенное в них;
- 3) количество контактов (друзей) в социальных сетях;
- 4) наличие друзей вне социальных сетей и частота общения с ними;

5) частота реального общения с друзьями из социальных сетей;

6) коммуникабельность (умение устанавливать контакты вне социальных сетей, уровень эмоционального общения);

7) тревожность при отсутствии доступа к социальным сетям;

8) раздражительность, агрессивность при отсутствии доступа к социальным сетям.

Исходя из критериев, можно выделить три уровня зависимости от социальных сетей:

1) *Высокий уровень* характеризуется ежедневным выходом в социальные сети и нахождением в них от 7 ч в день и более. Количество контактов в социальных сетях превышает 300 человек, количество друзей вне социальных сетей не превышает 1 – 2 человек, частота общения с которыми составляет 1 – 2 раза в месяц и реже. Реальное общение с друзьями из социальных сетей практически не происходит. Человеку с высоким уровнем зависимости от социальных сетей сложно устанавливать контакты с незнакомыми людьми, он испытывает чувство дискомфорта при общении с малознакомыми людьми. Для такого человека свойственен низкий уровень эмоционального общения – скудная мимика и жестикация. При отсутствии доступа к социальным сетям человек находится в состоянии, близком по сути к абстинентному синдрому, агрессивен, раздражителен.

2) *Средний уровень* характеризуется периодичностью выхода в социальную сеть от 4 до 6 дней в неделю и нахождением в них от 4 до 7 ч в день, количество друзей вне социальных сетей 3 – 5 человек, частота общения с которыми составляет 2 – 4 раза в месяц. Количество контактов в социальных сетях составляет от 200 до 300 человек, реальное общение поддерживается только с незначительным процентом от общего числа и составляет 1 – 2 раза в 3 – 4 месяца. При среднем уровне зависимости от социальных сетей человек обладает низким уровнем общительности, малоразвитой жестикацией и обедненной мимикой. При отсутствии доступа к социальным сетям человек испытывает психологический стресс, тревожен, легко возбудим. При длительном отсутствии доступа к социальным сетям возможны приступы агрессивного поведения.

3) Для *низкого уровня* период выхода в социальную сеть составляет 3 – 4 дня в неделю по 3 – 4 ч. Количество друзей в сетях составляет 100 – 200 контактов. С друзьями вне социальных сетей общение происходит от 3 до 6 раз в месяц, количество друзей колеблется от 5 до 10 человек. При отсутствии доступа к социальным сетям человек испытывает легкую возбудимость, ухудшается настроение.

Кроме того, следует отметить такую группу людей, как независимые от социальных сетей. Для них характерно использование социальных сетей преимущественно для поддержания ранее установленных связей, а не формирования нового круга общения. Независимые от социальных сетей имеют свой устоявшийся круг друзей, с которыми поддерживают связь в основном в реальном мире, а не в виртуальном. Они не испытывают напряжения и чувства дискомфорта при отсутствии доступа к социальным сетям и в зависимости от развитости своих коммуникативных навыков не испытывают трудностей при установлении контактов с новыми людьми. Время, проведенное в социальных сетях, для независимых, не превышает 4 ч в неделю.

Основными факторами возникновения аддиктивного поведения можно считать наличие определенных личностных особенностей и воздействие социальной среды. Так, предпосылками к возникновению аддиктивного поведения могут служить следующие личностные особенности: низкая переносимость психологически дискомфортных состояний, возникающих в повседневной жизни, высокий уровень личностной тревожности, низкая стрессоустойчивость. Среди социальных средовых воздействий можно выделить психологически, эмоционально трудные, социально неблагоприятные, психотравмирующие сложные жизненные ситуации, например распад семьи, смена идеалов и ценностей, потеря работы, утрата близких или друзей, социальная изоляция, смена социального статуса, изменение привычных жизненных стереотипов и другие.

Часто причиной попадания в зависимость является недостаточность переживаемых эмоций. Также к возникновению аддикций может привести длительное психоэмоциональное напряжение, состояние стресса, пресыщение, вызываемое необходимостью глубоко включаться во многие события, происходящие в жизни.

Возвращаясь к роли личностных особенностей в появлении зависимости от социальных сетей, следует говорить, что врожденные и приобретенные особенности личности могут вызывать чувство психологического дискомфорта, приводящее к эмоциональному напряжению, и создавать основу для возникновения зависимости. К ним часто добавляются стрессоры окружающей среды: плотность населения, характерная для больших городов, общее ускорение ритма жизни, избыточная информационная насыщенность. Если объем переживаний превышает индивидуальные возможности человека, то человек переживает затяжной эмоциональный дискомфорт и, желая избавиться от него, находит не всегда адекватные средства, что может привести к появлению зависимости. Особенности личности при сниженной психологической устойчивости и склонности попадать в зависимость повлияют и на конкретный вид зависимости.

Также следует обратить внимание и на социальные факторы, способствующие появлению зависимости от социальных сетей к которым, по мнению Л. В. Куликова, относятся неполноценное функционирование в сфере духовного бытия, дефицит реального межличностного общения, чрезмерная загруженность на работе и другие.

Кроме того, причинами формирования зависимости от социальных сетей могут являться:

- низкий уровень развития коммуникативных навыков. Неумение устанавливать контакты с новыми людьми, неспособность подчеркивать свои положительные качества и скрывать отрицательные, неумение слушать – все это не способствует формированию широкого и разнообразного круга общения и удовлетворению своих коммуникативных потребностей в реальной жизни и заставляет таких людей искать иные способы для удовлетворения своих потребностей, например, регистрацию в различных социальных сетях;

- низкая самооценка. Для человека неуверенного в себе и в своих силах социальные сети раскрывают большое поле возможностей стать кем-то другим, создать для себя новый имидж, завести новых друзей и самоутвердиться за счет своего виртуального образа;

- высокий уровень ригидности. Неспособность некоторых людей приспосабливаться к изменениям, происходящим в окружении, заставляет их создавать свои странички в социальных сетях, где они самостоятельно могут поддерживать необходимые для них стабильность и постоянство;

- ограниченные физические способности. Для людей с ограниченными физическими возможностями Интернет в большинстве случаев является одним из способов поддержания связи с окружающим миром. Общаясь в социальных сетях, такие люди чувствуют себя более уверенно, становятся обычными и равноправными членами какого-либо виртуального сообщества, забывая хотя бы на время о своих заболеваниях;

- склонность к риску и новым впечатлениям. Для людей, чьим кредо в жизни является поиск новых экстремальных впечатлений, социальные сети предоставляют необъятное пространство для создания условий удовлетворения своих неординарных потребностей;

- чрезмерная коммуникабельность. Для разговорчивых, любопытных, любящих выражать свое мнение по любому вопросу независимо от осведомленности в данной области, для тех, кто любит всегда быть в центре внимания, социальные сети дают неограниченные возможности: в любой из них можно создать или войти в группу, близкую по своим увлечениям, найти единомышленников, оставить комментарий к записи или фотографии какого-либо человека, выразив свое мнение и т.д. Социальные сети являются способом удовлетворения потребности в общении, которую зачастую человек не может удовлетворить в реальной жизни.

Чрезмерное увлечение социальными сетями может вредить здоровью из-за сокращения общения с реальными людьми. По мнению большинства психологов и врачей, занимающихся проблемой зависимости от социальных сетей, недостаток общения может негативно влиять на работу иммунной системы организма, гормональный баланс, работу артерий и процессы мышления, что в долгосрочной перспективе повышает риск появления и развития таких болезней, как рак, сердечно-сосудистые заболевания и слабоумие.

Наиболее опасны социальные сети для подростков, так как формируют у них ложное впечатление, что любовь и дружбу легко завоевать и столь же легко разрушить. Кроме того, людям, привыкшим к быстрому течению жизни в социальных сетях, реальность может показаться слишком однообразной, и они могут попытаться эмоционально насытить ее, совершая импульсивные поступки, в том числе попытки самоубийства, поскольку им свойственно занижать ценности реальной жизни.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что социальные сети, несомненно, упрощают жизнь, экономят время, поддерживают моральное состояние, позволяя общаться с интересующими людьми, служат источником информации, но такое общение ведет к утрате навыков непосредственного межличностного общения и формированию зависимости от социальных сетей.

Зависимость от социальных сетей не так опасна для физического здоровья человека как зависимость химических типов, однако её влияние на психическое здоровье неоспоримо. Следует понимать, что зависимость от социальных сетей, зависимость наркологическая или алкогольная, зависимость от азартных игр хоть принципиально и различаются по социальным последствиям, но в личностно психологическом плане имеют единую сущность: а именно: готовность отказаться от субъектности, чтобы удовлетворить, как правило, актуальную потребность, неадекватным способом поддержать уровень своей самооценки, уровень притязаний, компенсировать реальные или мнимые представления о своей личностной несостоятельности.

Утрата связей с людьми в реальном мире, недостаток непосредственного межличностного общения особенно опасны для молодого поколения, так как влияют на еще не вполне сформированные мыслительные функции, что может привести к общественной деградации и неумению функционировать в реальной социальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Войскунский, А. Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета / А. Е. Войскунский // Психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 34-38.
- 2 Егоров, А. Ю. Нехимические зависимости / А. Ю. Егоров. – СПб.: Речь, 2007. – 190 с.
- 3 Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 357 с.
- 4 Короленко, Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития / Ц. П. Короленко // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 1991. – № 1. – С. 8-10.
- 5 Кристал, Г. Нарушения эмоционального развития при аддиктивном поведении. Психология и лечение зависимого поведения / Г. Кристал. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 234 с.
- 6 Куликов, Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учеб. пособие / Л. В. Куликов. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
- 7 Проект «Интернет в России / Россия в Интернете». Вып. 27. – М.: Фонд «Общественное мнение», 2009.
- 8 Смагин, С. Аддиктивное поведение / С. Смагин // Нева. – 2006. – № 1. – С. 15-19.
- 9 Янг, К. С. Диагноз – интернет-зависимость / К. С. Янг // Мир Интернет. – 2000. – № 2. – С. 24-29.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ
PHILOLOGY AND ART

Бузуев О. А., Романова Г. Р.
O. A. Buzuyev, G. R. Romanova

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
ПО МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЕ «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

**IMPORTANT ASPECTS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES
WITHIN THE MASTERS PROGRAM “LITERARY EDUCATION”**

Бузуев Олег Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru.

Mr. Oleg A. Buzuyev – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, the Amur State Humanitarian Teaching Institute (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru

Романова Галина Романовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru.

Ms. Galina R. Romanova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian Language and Literature, the Amur State Humanitarian Teaching Institute (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru

Аннотация. В статье дается характеристика основных базовых, вариативных курсов и дисциплин по выбору профессионального цикла. Речь идет о связи теоретического содержания филологических дисциплин с практической научно-исследовательской деятельностью магистрантов (магистерской диссертацией).

Summary. The paper characterizes the basic/optional/individually chosen courses within this Masters program of philology. It tells about the link between theoretical contents of philological disciplines and practical scientific research of MA students (a Master’s thesis).

Ключевые слова: литературное образование, современные концепции филологических методов, анализ художественного текста, магистерская диссертация.

Key words: literary education, new philological methods, philological analysis of fiction, Masters’ thesis.

УДК 80(082)

В Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете магистратура по программе «Литературное образование» была открыта в 2007 г. В настоящее время, опираясь на накопленный опыт, мы уже можем обозначить наиболее важные проблемы, с которыми столкнулись в своей работе при преподавании ряда филологических дисциплин.

Основная образовательная программа подготовки магистра определяется, с одной стороны, программой подготовки бакалавра по соответствующему направлению (нормативный срок – 4 года), а с другой – программой специализированной подготовки магистра (нормативный срок – 2 года). Учебные дисциплины магистратуры в известной степени *доставляют* образовательную программу подготовки бакалавров по соответствующему направле-

нию. Вместе с тем отбор дисциплин, включенных в учебные планы (2008, 2010 гг.), продиктован общими задачами подготовки на базе как широкого, так и специального филологического образования. При этом включенные в программу курсы не дублируют действующие образовательные программы по филологии.

Мы постарались сохранить в рабочем учебном плане магистратуры преемственность дисциплин вариативной части основной образовательной программы. Так, например, «Русская литература и культура», изучаемая бакалаврами, в основном, в ее классических образцах, продолжается в магистратуре курсом «Современный литературный процесс». «Зарубежная литература и культура», осваиваемая бакалаврами в дисциплинах предметной подготовки, продолжает изучаться в магистратуре, но на иных – теоретических – принципах: «История мировой литературы: аспект стадийного становления». Усилен теоретический модуль: наряду с традиционной для специалистов «Теорией литературы» (которая приобрела, кроме лекций, и семинары) для магистрантов введен дополнительный методологический курс «Современные концепции филологических методов». В блоке дисциплин по выбору мы остановились на курсе «Семиотика»/«Семиотика художественного текста», а также на курсе «Мифопоэтика»/«Мифология и литература».

В системе цикла специальных дисциплин заложена новая научная концепция, которая строится на обобщенной картине развития русского и зарубежного литературоведения XX – XXI вв. В структуре магистерской программы в специальных дисциплинах преимущественные позиции занимают фундаментальные курсы, которые дают обобщающие знания основных современных научных филологических идей и представлений, выработанных эстетической мыслью.

Подробнее остановимся на содержательном аспекте тех филологических курсов, которые являются основополагающими в перечне дисциплин учебного плана направления. Это, прежде всего, теоретические дисциплины. Из них по важности и значимости для литературоведения на первое место выходит курс «Современные концепции филологических методов».

Современные концепции филологических методов – фундаментальная область литературоведения, в которой исследуется научная парадигма современного литературоведения, излагается система методов и теоретических концепций, создается целостная картина литературного процесса. Изучение дисциплины базируется на системе знаний, умений и универсальных филологических компетенций, полученных магистрантами в области литературоведения, лингвистики, культурологии, истории русской и зарубежной литературы в рамках бакалавриата. Дисциплина призвана привести в системное единство все историко-литературные и теоретико-литературные представления магистрантов, одновременно подчеркивая *дискуссионную сущность* науки о литературе, *противоречий* литературного процесса. Основная цель дисциплины – познакомить магистрантов с *проблемным полем* и *исследовательским аппаратом* концепций филологических методов с учетом их истории и современного развития в отечественной и зарубежной науке.

Содержание курса «Современные концепции филологических методов» обусловлено, с одной стороны, общей ориентацией магистрантов, получающих образование, на комплексное изучение самых разнообразных фактов культуры с точки зрения анализа содержащихся в них *культурных смыслов*. С другой стороны, оно продиктовано *реальной ситуацией* в современных исследованиях литературы, где отсутствует единая теория, которая могла бы быть положена в основу преподавания дисциплины, а доминирует индивидуальное сочетание разнообразных подходов, заданное конкретным материалом и эрудицией исследователя.

Лекции по курсу носят проблемный характер, содержание их раскрывает междисциплинарный контекст филологического образования, сциентистский и антропологический типы построения теоретических концепций, интегративный характер современной научной парадигмы, антропоцентризм и текстоцентризм научных моделей в филологии.

Семинары, на которых отрабатываются наиболее важные аспекты курса, рассчитаны на самостоятельную подготовку магистрантов. В учебном процессе магистратуры активные

формы обучения должны составлять как минимум 40 % аудиторных занятий. Нами часто используются такие активные формы организации занятий, как семинар с обсуждением доклада, семинар-дискуссия, семинар-конференция, презентация.

Семинары первого года обучения проводятся по истории литературоведения XIX – XX вв. В центре внимания магистрантов находятся такие актуальные темы, как полемика отечественных мифологов и компаративистов, заслуги формальной школы в русском литературоведении, выясняется роль М. М. Бахтина в развитии русской и мировой филологической науки. Семинары второго года обучения посвящены современным концепциям филологических методов. Таким образом, в процессе обучения магистрантов актуализируются школа «новой критики» в англо-американском литературоведении XX в., герменевтика, рецептивная эстетика, феноменологический метод в литературоведении, постмодернистские концепции.

В рамках самостоятельной работы по курсу магистранты готовят *реферат* по избранной теме, содержащей обязательное обращение к первоисточнику. Например: «Идеи книги А. Н. Афанасьева «Древо жизни» (мифологическая школа)»; «Книга В. Проппа “Морфология сказки” в аспекте проблем формальной школы»; «Идеи психоанализа З. Фрейда и литературоведение»; «Теория архетипов К. Г. Юнга и литературоведение».

В виды самостоятельной работы по курсу также входит написание *аналитического обзора* научных статей в журналах. Например: Актуальные методологические проблемы в журнале «Вопросы литературы» («Филологические науки», «Русская литература», «Новое литературное обозрение»). Содержание обзора должно отражать современное научное представление о методологической проблеме (не менее 5 источников не ранее 2000 г. издания).

Дисциплина «Современные концепции филологических методов» целенаправленно готовит магистрантов к научно-исследовательской деятельности, главным итогом которой становится написание и защита магистерской диссертации. В ходе первого года обучения магистрант должен выбрать тему исследования, определить проблему, изучить теорию и историю вопроса, написать аналитический обзор по историко-теоретической проблеме (анализ литературоведческой терминологии, современных методов исследования).

Продолжением «Современных концепций» на завершающем этапе образования магистрантов является курс по выбору – «Мифопоэтика». Это область литературоведения, в которой излагается система теоретических концепций в области мифа, создается целостная картина реконструкции мифологических структур в литературных текстах. Содержание магистерского курса составляет изучение художественного текста в аспекте мифопоэтики как одного из основных методов исследования литературы. Целью освоения дисциплины является формирование навыков литературоведческого анализа в процессе выявления мифологических сюжетов, мотивов и образов в структуре многомерного художественного произведения.

В результате освоения дисциплины магистрант должен знать: методологические труды выдающихся филологов в области мифа и мифопоэтики; содержание основных категорий теоретической и исторической поэтики в аспекте мифологии и литературы; основные научные издания по поэтике мифа всех изучаемых периодов в контексте ее исторической исследовательской динамики. Магистрант должен уметь: давать оценку мифологической критике; комментировать литературно-критические исследования в области мифа; соотносить понятия «миф и архетип», «миф и символ», «миф и мифологема»; обосновать выбор мифопоэтики как одного из методов анализа художественного произведения.

К зачету по курсу магистрант должен сформулировать научно-исследовательскую цель работы с текстом в аспекте мифопоэтики и выбрать соответствующий научный инструментарий.

К базовой части магистерской программы «Литературное образование» относится также дисциплина «Культура русского зарубежья», которая непосредственно связана с курсами истории отечественной и зарубежной литературы, теории и методики преподавания литературы. Необходимость включения этой дисциплины в структуру общенаучного цикла

учебного плана обусловлена актуальностью изучения истории литературы и культуры русского Зарубежья как неотъемлемой части русской национальной культуры XX в. В результате освоения дисциплины магистрант должен иметь прочные знания о литературе и культуре русского зарубежья как о едином тексте, представляющем типологическое единство культуры эмиграции и метрополии. Магистрант должен уметь выявлять содержание составляющих компонентов понятия «литература русского зарубежья», особенности единой системы русской национальной культуры за рубежом. Магистрант должен владеть навыками совершенствования историко-литературной и научно-теоретической базы изучения и преподавания курсов отечественной культуры и литературы в учебных заведениях разного уровня; уметь самостоятельно ориентироваться в потоке литературных произведений писателей-эмигрантов, многообразии произведений искусства русского рассеяния, отбирая из них наиболее значимые в эстетическом отношении.

Литературоведческий компонент магистерской программы образования обеспечивается вариативными дисциплинами профессионального цикла. Среди них особое место занимают *практикумы* – «Анализ художественного текста» (АХТ) и «Текстология». Ведущая активная форма обучения профессиональным компетенциям в ходе занятий по этим дисциплинам – семинар в диалоговом режиме. Такой подход обусловлен требованиями тщательно прочтения текста художественного произведения, его грамотного анализа и интерпретации под руководством опытного преподавателя.

Основная *цель* курса АХТ применительно к конкретному художественному произведению – помочь магистрантам усвоить сложный категориальный аппарат теории литературы, овладеть соответствующими понятиями в их системной взаимосвязи; познакомить магистрантов с различными методами изучения анализа художественного текста. Основная *задача* курса АХТ – продемонстрировать возможности аналитического прочтения текстов художественной литературы и необходимость такого прочтения для понимания заложенных в тексте культурных смыслов.

В содержании дисциплины актуализируются такие понятия, как художественный текст и художественное произведение, анализ и интерпретация, структура и система художественного текста, семантическое «приращение смысла» в художественном тексте. Дается представление об основных методологических принципах литературоведческого анализа художественного текста (семиотический, социологический и культурологический), их преимуществах и недостатках.

Основное внимание магистрантов сосредоточено на тех видах анализа, с которыми им непосредственно придется столкнуться в ходе самостоятельного прочтения и истолкования художественного произведения, выбранного для диссертационного исследования. Это анализ сюжетно-композиционной структуры, аспектов композиции; рассмотрение текста как сложного переплетения мотивов; разные виды контекста; анализ авторской концептосферы. В процессе выполнения самостоятельного домашнего задания магистранты анализируют проблему автора и героя в художественном произведении, выявляют систему персонажей и авторскую позицию.

Дисциплина «Текстология», понимаемая как область практической филологической деятельности, в учебном плане следует за курсом АХТ. Этот курс приобщает магистрантов к основам текстологического труда, знакомит их с принципами работы, предвещающей издание художественного произведения, учит различным типам комментирования текста, сопоставлению его разных редакций. Магистрант, обучающийся по программе «Литературное образование», должен знать содержание основных текстологических понятий и уметь применять навыки текстологической работы в практике по анализу художественного произведения.

«Семиотика художественного текста» относится к курсам по выбору вариативной части профессионального цикла дисциплин учебного плана. Магистрант, овладевший содержанием семиотики художественного текста, должен знать основные методологические подходы семиотического анализа (аспекты семиотики), основные понятия семиосферы. Маги-

странт должен обладать навыками анализа знаков различных функциональных и иерархических структур.

Среди актуальных аспектов преподавания курса акцентируются те проблемы, которые связаны с анализом художественного текста и имеют выход в научно-исследовательскую деятельность. Это знаковая природа литературы, семиотическая картина мира, семиотика пространства, хронотоп, значение имени персонажа в тексте, символ как «образ, взятый в аспекте своей знаковости» (С. Аверинцев), как «инструмент анализа» (Л. Зельцер) художественного произведения, языковая игра в литературе. К зачету по дисциплине магистранты выполняют самостоятельную работу по теме своей диссертации в ракурсе проблем семиотики художественного текста.

Особое значение в системе подготовки магистрантов по программе «Литературное образование» имеют дисциплины по выбору «Работа с литературой по магистерской диссертации»/«Подготовка и защита магистерской диссертации», освоение которых подводит магистранта к итогу его научно-исследовательской деятельности в рамках магистратуры.

Магистерская диссертация – выпускная квалификационная работа, являющаяся самостоятельным научным исследованием, выполняемым под руководством научного руководителя (для работ, выполняемых на стыке направлений, – с привлечением одного или двух научных консультантов), которая готовится с целью публичной защиты и получения научной степени магистра. Содержание диссертации предполагает новизну в установлении подходов к исследованию темы, методов решения проблемы, в решении производственных задач. Научный уровень диссертации должен соответствовать требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (квалификационная степень «МАГИСТР»). Выполнение научной работы должно свидетельствовать о том, что магистрант самостоятельно вел научный поиск, смог определить профессиональные проблемы, общие методы их решения. Совокупность полученных результатов в диссертационной работе должна свидетельствовать о наличии у магистранта навыков научной работы в профессиональной деятельности. Одним из основных итогов научной работы магистранта является внедрение результатов проведенных исследований в практику.

Подводя итог, отметим, что в сегодняшней атмосфере смены методологических парадигм, поиска новых научных подходов обучение в магистратуре требует создания для студента ситуации осознанного выбора исследовательского пути, знакомства с новейшими приоритетами в области русского и зарубежного литературоведения, умения ориентироваться в огромном пространстве эстетических школ, направлений, концепций. Системность в подборе необходимых дисциплин вооружает молодых исследователей методами научной работы, необходимыми для выполнения магистерской диссертации, важнейшими задачами которой являются анализ и интерпретация текстов художественных произведений на уровне современных требований науки о литературе. В отличие от преимущественно историко-литературных принципов, положенных в основу предыдущих ступеней многоуровневого образования, спектр филологических дисциплин магистерской программы «Литературное образование» представляет магистранту весь необходимый для работы в области исследования художественного текста инструментарий.

Говорухина Ю. А.

ЛОЖЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ГРАНИЦЫ ДИСКУРСИВНОСТИ

Говорухина Ю. А.

U. A. Govorukhina

ЛОЖЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ГРАНИЦЫ ДИСКУРСИВНОСТИ

LYING AND DECEPTION IN FICTION: THE LIMITS OF DISCOURSE

Говорухина Юлия Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сибирского федерального университета (Россия, Красноярск). E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru.

Ms. Yulia A. Govorukhina – Doctor of Philology, Assistant Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: yuliya_govoruhina@list.ru

Аннотация. В статье изучается вопрос о дискурсе лжи в его литературно-художественном варианте. Проблематичным оказывается определение границы собственно дискурса лжи в художественном тексте. На материале рассказа А. Слаповского «Цапля», в основе сюжета которого лежит ситуация обмана, вычленяются такие элементы текста, в которых обнаруживается фиктивность/размытость границы, осмысливается сам феномен «несхватываемости» границы лжи.

Summary. In this paper we investigate the discourse of lying and deception in a literary text. It seems to be rather problematic to determine the boundary of the actual discourse of lying and deception. Taking as an example a short story by A. Slapovsky «Heron» we single out such elements of the text that demonstrate the fictitious/blurred boundaries, and try to interpret the very phenomenon of «indiscernibility» of the boundaries of deception and lying.

Ключевые слова: А. Слаповский, дискурс, дискурс лжи, сюжет, фикциональность, художественность.

Key words: A. Slapovsky, discourse, discourse of deception and lying, plot, fictionality, artistic merit.

УДК 82

Дискурс лжи, ставший объектом внимания лингвистов, породил теорию лжи (Х. Вайнрих, С. Дённингхаус, Д. Болинджер, С. Плотникова, А. Масленникова, А. Шунейко и др.) (см. прим. 1). Нередко в качестве материала языковых исследований дискурса лжи используется художественная литература (см. прим. 2) как «депозитарий человеческой лжи» [6, 143]. В статье «Эмоции во лживой коммуникации» В. Шаховский делает характерное заключение: «Поскольку уже неоспорим факт, что художественная (виртуальная) коммуникация (текст) является слепком реальной коммуникации, реального языка homo loquens и его реального поведения, то презентация в ней лживых коммуникативных (речевых) актов – достаточно объективный эмпирический материал для лингвистики лжи» [6, 144]. Лингвистикой не учитывается специфика художественной дискурсивности, в контексте которой появляются так называемые ложные высказывания, примеры лжи персонажей механически изымаются из дискурсивного контекста, отождествляясь прагматически, грамматически с иными нехудожественными высказываниями. Складывается парадоксальная ситуация: литературные примеры лжи используются в качестве лингвистического материала, а исследовательские выводы, сама теория лжи при попытке ее применения к художественному тексту (при возвращении к художественному дискурсу) оказываются во многом несостоятельными.

Так, семантика лжи определяется лингвистами как разновидность несоответствия истине, действительной реальности, т.е. несоответствие между значением (смыслом) высказывания и его денотатом (референтом), как замена (подмена) референциальных соотношений. Суждение, неоспоримое для внелитературной сферы, в применении к художественной оказывается не столь убедительным. «Референциальные соотношения» в художественном

тексте обладают уникальным свойством. Отсутствующий денотат располагается в фиктивном мире, следовательно, сама референция предполагает осложненные отношения с понятиями истины, лжи, иллюзии, условности, правды, имея вид сложноструктурированного процесса. Описывающий факты не объективные, а ментальные (см. прим. 3), имеющий опосредованные отношения с действительностью, фиктивный мир одновременно выступает в качестве действительного, когда в нем появляется ложь. Сравним ложь Карениной, не соответствующую «правде художественной действительности» и располагающуюся в пространстве фиктивного мира, и ложь Броньки Пупкова, которая вступает, кроме того, в противоречие с правдой исторической.

В применении к художественному дискурсу проблематичным оказывается определение границы собственно дискурса лжи. Лингвистические формальные признаки становятся недостаточными – настолько сложными оказываются отношения интердискурсивности. Не случайно теория лжи разрабатывается лингвистикой, но литературоведческой теории лжи не сложилось. При попытке сделать ложь объектом анализа, обнаружить надстраиваемые структурно-типологические признаки, систему формирования всего множества ложных высказываний (см. прим. 4), которые бы послужили основанием говорить о дискурсе лжи внутри художественного, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой обнаружения границ лжи (см. прим. 5), с вариативностью самого феномена.

Ложь как объект изучения требует, прежде всего, понятийного самоопределения. Имея сложную семантическую структуру, она включает такие формы, как заблуждение, обман, вранье, дезинформацию, неправду, фикцию, вымысел, умолчание, искажение. Ряд форм фиксируются толковыми словарями как синонимичные (см. прим. 6), в то же время специальный философский, психологический, лингвистический анализ выявляет существенные различия между ними. Так, А. В. Ленец различает оттенки значений слов «ложь» и «обман»: «Ложь есть всегда ложь, даже если и не удалось убедить получателя, а обман, только в том случае если удалось убедить получателя. Здесь отчетливо видна разница между этими двумя глаголами лгать и обманывать: иллокуция (лгать) и перлокуция (обманывать). <...> Ложь есть иллокутивный акт – намерение отправителя ввести в заблуждение, а обман есть перлокутивный акт, т.е. создание уже новой ситуации, которая включает в себя ответное реагирование получателя на иллокутивный акт» [2]. В. И. Свинцов формулирует отличительную особенность заблуждения: при общем с ложью несоответствии реальности, некое знание принимается за истинное [3]. Тривиальной, незначительной, безвредной, простительной ложью называет вранье В. Знаков [1]. Искажение предполагает в качестве дополнительных действий сокрытие правды и предоставление взамен ложной информации, выдаваемой за истинную (Пол Экман), умолчание – сокрытие истинной информации без сообщения ложной [7] (см. прим. 7). Определяющих признаков собственно лжи два: несоответствие истине и осознанная целесообразность, намеренность. Ложь – «такая репродукция сущего, которая в “оболочку действительности” впрыскивает псевдосодержание» [4]. Производное от лжи понятие «ложное», однако, теряет свойство намеренности, что позволяет включить в предметное поле изучения лжи случаи, когда герой воспринимает правду как ложь: моделирует возможную лживую интенцию, наделяет (не)речевые моменты (миимику, жесты, интонации) признаками неискренних; выдумывает иной, альтернативный реальному мир; является носителем ложной идеи.

Философская рефлексия лжи разворачивается в границах проблемы истины и чаще захватывает именно ложное как ошибочное понимание чего-либо, представление о том, что не соответствует действительности. Классическая философская традиция акцентирует бинарность оппозиции ложь-истина (см. прим. 8), русская – неизменно обращается к нравственно-этической составляющей (см. прим. 9). Ложь в этом контексте всегда отклонение, либо – гносеологически – вынужденный этап в постижении истины. Процесс децентрации, осуществленный в постмодернистской/постструктуралистской философии, установка на неразличимость основных онтологических характеристик, в том числе и «реально-

го/ирреального», разрушили оппозицию. Сама проблема истины/лжи становится неактуальной, текст рассматривается в качестве самодостаточной реальности вне соотнесения с внеязыковой реальностью означаемого. Относительность истины позиционно сближает, замещает истинное и ложное, делая проблему определения границ лжи практически неразрешимой. Парадигма неклассической философии коррелирует с современной литературной практикой.

Неопределенность границ лжи требует своего осмысления, анализ же конкретных ее текстовых проявлений – выхода за пределы идеологической/персонажной сфер. Материалом данной статьи послужил рассказ А. Слаповского «Цапля» [5, далее цит. по данному источнику], в основе сюжета которого лежит ситуация обмана. Нам важно вычленил и содержательно и функционально объяснить такие составляющие текста, в которых обнаруживается фиктивность/размытость границы, осмыслить сам феномен «несхватываемости» границы лжи.

Главный герой рассказа А. Слаповского «Цапля» Орефьев серьезно болен, как-то утром он видит на крыше соседнего дома цаплю, звонит друзьям, пытается убедить их в реальности увиденного, ему не верят. Затем «Орефьев посидел, подумал, улыбаясь, и пошел к окну. Сел и стал смотреть на белого голубя. Потому что это был голубь. Белый голубь. Это Орефьев понял буквально через мгновенье». Фабульно ненасыщенный рассказ Слаповского напряжен сюжетно. Эту напряженность создает столкновение разных форм лжи, носителями и выразителями которой являются и сам Орефьев, и его друзья, и повествователь.

История про увиденную цаплю, несомненно, ложь, а сами высказывания Орефьева могут быть проанализированы с точки зрения прагматики: каким образом герой убеждает своих собеседников в существовании несуществующего (называет подробности внешнего вида несуществующей цапли, выражает негодование как реакцию на неверие, акцентирует собственный особый интерес к птице (на предложение Аркадия приехать навестить, помочь: «Спасибо, Аркаша, у меня все есть. Разве что подзорную трубу или бинокль, чтобы цаплю рассмотреть!)), утверждает объективность увиденного («Я не придумываю. Я не виноват, что она напротив сидит. На трубе»)). Такое, по сути, лингво-прагматическое описание презентации лжи в тексте схватывает очевидный план ее присутствия – такой план, в пределах которого ложь выступает в своем, условно говоря, чистом виде, демонстрируя классическое свойство (сознательное искажение истины). Казалось бы, именно здесь и проходит искомая граница, совпадая с границами ложных высказываний.

Одновременно в рассказе разворачивается целая драматургия столкновений ложных и истинных самопроявлений персонажей. Прежде чем обратиться к ней, необходимо прояснить причину лжи Орефьева, намеренности его поступка. Экспозиция рассказа представляет модель одного дня жизни героя – привычное существование, давно не предполагающее даже несильных эмоций: он не боится грабителей, «боится теперь только себя, вернее, собственного организма – да и то как-то уже привычно, почти спокойно», «заодно Орефьев перестал получать от людей удовольствие». Само повествование, перечисляющее события дня Орефьева, фиксирует рациональность, последовательность, привычность действий и чувств, не допускающих никаких «вдруг»: «Проверив, не заперта ли дверь, он поливает цветы и растения <...> После этого он пьет лекарства <...>, а потом с чувством исполненного долга смотрит телевизор <...>. Досмотрев кино, он ложится спать». Столь же привычны и предсказуемы мысли и ощущения героя: Орефьев переключает каналы, «пока не наткнется на какое-нибудь старое кино, смотренное уже много раз». «Обычное хмурое и вялое пробуждение» завершает образ дня Орефьева, который дает представление о жизни героя в последнее время. Описанная препозиция, переполненная знаками предсказуемой правды жизни, обладает в данном случае порождающим потенциалом для развития некоего события «вдруг», вариантом которого в данном рассказе явилась ложь и те «бурные» минуты жизни, которые переживает герой. Ложь для героя – реализованная возможность на время выйти из «своего сюжета», испытать забытые ощущения волнения, спора, оказаться в роли здорового. Этот другой сюжет и эта другая роль – тоже ложь, но не вербализованная, а ментальная, являющая-

яся порождающим основанием для высказываний. Будучи взаимообусловленными, роль, намерение и ложь звучащая образуют такое целое, которое не позволяет отождествить границы лжи только с ложью произнесенной.

Имея в виду это представление о намеренности лжи Орефьева, обратимся к диалогам в рассказе.

«— Кого я слышу! – весело сказал Сурилов. – Привет! Надеюсь, у тебя все в порядке?». Ложь интонации и вопроса разоблачает сам Орефьев: «Орефьев улыбнулся. Сурилов знает, что у него давно не все в порядке». Демонстрируемое желание ободрить друга, продемонстрировать свое отношение к нему как к здоровому содержит две лжи: ложь образа себя и подразумеваемый ложный образ здорового Орефьева (собственно, и разоблачаемый самим Орефьевым). Главный герой включается в игру как здоровый человек («ибо глупые вопросы задают только здоровые и жизнелюбивые люди»), выступая, как было сказано, в ложной роли. Сталкиваются «истинный Сурилов», знающий обстоятельства жизни Орефьева, Сурилов, реализующий намерение обмануть посредством этического клише (см. прим. 10), Орефьев, ясно осознающий собственную и чужую ложь, разоблачающий, и Орефьев в ложной роли здорового. Если в начале разговора в диалог вступают лгущие герои, то после эмоционального взрыва Орефьева («— Что тебе ясно? – рассердился Орефьев, радуясь своей сердитости») обманувшийся Сурилов меняет максимально этичную интонацию на грубую, выходя из ложного образа, или саморазоблачаясь («— Откуда взялась, туда и денется! – рассудил Сурилов. – А мне некогда, извини!»). По такой же модели выстраивается разговор Орефьева с Аркадием.

Ложь Орефьева (именно двойная: ложь с цаплей и ложь образа) снимает ложь других. Но такой эффект главным героем не был предусмотрен, не входил в намерение и все же с любопытством фиксируется: герою любопытно все, что давно не переживалось, любые эмоции «сверх». Вранье Орефьева (безвредная, простительная ложь) переросло ожидаемый эффект и сделало эти минуты «борьбы» за цаплю «по-настоящему бурными и жизнедеятельными». Последнее слово наиболее точно схватывает произошедшее с Орефьевым. Своей ложью он действительно *сделал* небольшой фрагмент своей жизни, создал «другой сюжет», реализовавшись в нем в ином, уже забытом качестве.

Еще один уровень, на котором проявляется ложь, – нарративный. Повествователь, зная о неискренности Орефьева, держит читателя в неведении относительно этой лжи. И в этом смысле собственно повествование (исключая диалоги) представляет интерес как последовательно вводящий в заблуждение читателя рассказ об Орефьеве.

Не зная о действительных намерениях Орефьева, не подозревая о заведомой недоговоренности рассказывания, читатель интерпретирует сюжет как попытки героя, уставшего от предсказуемости собственной жизни, найти повод для необходимого общения, порадоваться возможности спорить, убеждать – почувствовать себя здоровым. Такое восприятие порождает само повествование, подробно фиксирующее детали и имеющее вид несобственно-прямой речи. Нарратор выстраивает ложно правдивое повествование, не давая повода заподозрить его в недоговаривании. Начало рассказа представляет подробнейшее описание дня Орефьева. Детали создают иллюзию правдивости повествователя, который, казалось бы, не упускает ничего. Эксплицируются мысли, чувства Орефьева, что также создает иллюзию здесь и сейчас создаваемого его внешнего и внутреннего образа, претендующего на полноту.

Орефьев видит цаплю – и с этого момента повествование оказывается ложью: голубь называется цаплей, в описании ощущений Орефьева обнаруживаются лакуны. Появляется фраза: «Орефьев, не желая бесплодно гадать (цапля или нет – Ю.Г.), позвонил лучшему другу Сурилову». Однако, как становится понятно из финала, Орефьев понимает, что видит голубя, «буквально через мгновение», он не может «не желать бесплодно гадать». Автор солгал читателю, ввел в заблуждение ложным объяснением причины звонков. По этой же причине заведомо ложной оказывается и фраза «Белая высокая птица на одной ноге. Точно, цапля». Несобственно-прямая речь как тип повествования подразумевает такую позицию

повествователя по отношению к герою, при которой доступными оказываются мысли, саморефлексия последнего. Здесь же повествующий субъект будто заодно с Орефьевым, обманутыми оказываемся мы вместе с друзьями героя.

Смена формы повествования происходит в финале рассказа в момент «разоблачения» Орефьева. Зона автора освобождается от совмещения с точкой зрения героя, позиция «заодно с героем» становится неактуальной, и в этот момент звучит правда: о намерении Орефьева, о голубе, о самой лжи – правда разоблачения и саморазоблачения. Казалось бы, здесь и пролегает граница лжи и не лжи. Однако уже следующая фраза снимает оппозицию «ложь-истина», утверждая онтологическую концепцию лжи как способа бытия: «К тому же если уж возникла мысль о цапле на трубе городского дома, то почему бы не возникнуть и самой цапле?».

Так где же проходит граница между ложью и не ложью в тексте Слаповского? Попытка отождествить эту границу с пределами высказываний Орефьева привела к необходимости рассматривать ложный образ Орефьева, который, в свою очередь, функционирует в общей «драматургии» (само)разоблачений, охватывающей весь сюжет. Неразрешимой эту задачу делает и удваивающее ложь повествование, а концепция лжи как способа бытия делает задачу невыполнимой в принципе.

Итак, на уровне персонажной сферы и на уровне нарратора присутствует ложь – то противопоставляясь истине, то совпадая с ней, то демонстрируя бессмысленность самой бинарной оппозиции. Однако обе эти сферы – часть художественного мира, сконструированного особым образом. Выходя к уровню собственно автора (абстрактного, в терминологии В. Шмида), имея в виду, что проявляется он как активное лицо на уровне композиции (М. Бахтин), мы должны задаться вопросом: каков смысл/идея описанной взимосоотнесенности лжи, «разыгранной» повествователем и персонажами. Намек на ответ, на наш взгляд, содержится в финале рассказа: «К тому же если уж возникла мысль о цапле на трубе городского дома, то почему бы не возникнуть и самой цапле? Что в этом невероятного? Значит, может стать вероятным и другое невероятное. То есть, в сущности, все». В момент смены повествовательных форм точка зрения повествователя приближается к собственно авторской, и начинает «просвечивать» идея лжи как универсального мирообразующего начала, оживляющего вымысел: и сферы человеческих представлений, и сферы художественного творчества. Возможно все: и цапля, и сам Орефьев. Классическая формула «мир как текст» представлена Слаповским в ее перевернутом варианте – «текст как мир», в котором размытыми оказываются границы правды-лжи и, имплицитно, реальности и искусства. Постмодернистская по своей сути, идея равновозможности, вариативности, децентрации мира разыгрывается Слаповским в рассказе. Здесь и претензия на философские смыслы, свернутая в тексте, и вместе с тем снятие этой претензии посредством нарочитой легкости, безыскусности, доступности повествования.

Наши попытки «схватить» границу лжи-правды в тексте А. Слаповского не были успешными. И это «поражение» закономерно не только потому, что мы имеем дело с фикциональностью самой литературы и условностью ее художественных миров. В самом конструируемом мире ложь не локальна, она вырастает в условную реальность, становясь неразличимой подобно тому, как часто неразличима она в действительности. Таким образом, сама литература демонстрирует опыт художественной деконструкции, преодолевая данную оппозицию, обнаруживая своего рода «складки» в пространстве бинарности и конструируя новые типы «лжи-правды». В какой момент ложь Броньки Пупкова (В. Шукшин «Миль пардон, мадам!») перестает восприниматься только как ложь? Где проходит граница между оккервильским миром и реальным в сознании Симеонова (Т. Толстая «Река Оккервиль»)? Лжет или говорит правду незванный гость (гость, застающий врасплох, гость-испытание, гость-проверка: на бдительность или человечность?) из одноименного рассказа Ф. Искандера?

Нужно отметить, что сама оппозиция «ложь-правда» в силу специфики своего речевого воплощения и образуемого прагматического контекста потенциально предвосхищает деконструирование. Ложь всегда рядится в одежды правды, настойчиво, риторически искус-

но аргументируется. Сложно представить другую подобную оппозицию, функционирование которой было бы сопряжено с намеренным игнорированием бинарности. Рассказы А. Слаповского едины в общем пафосе: нет ни истинного, ни ложного, все наличествует во всем, соответствие действительности – не абсолютный признак истинности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Знаков, В. Неправда, ложь и обман как проблема психологии понимания / В. Знаков // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9-16.
2. Ленец, А. Перспективы научного направления «лингвистика лжи» в России и Германии / А. Ленец // Юрислингвистика-IX: Истина в языке и праве: межвузовский сб. науч. тр. / под ред. Н. Голева. – Кемерово; Барнаул: Алт. ун-т, 2008. – С. 12-24. Режим доступа: <http://lexis-asu.narod.ru>.
3. Свинцов, В. Заблуждение, ложь, дезинформация (соотношение понятий и терминов) / В. Свинцов // Философские науки. – 1982. – № 1. – С. 76-84.
4. Секацкий, А. Онтология лжи / А. Секацкий. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. – 125 с. Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/library/8068>.
5. Слаповский, А. Цапля / А. Слаповский // Новый мир. – 2002. – № 12. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/12/slapov-pr.html.
6. Шаховский, В. Эмоции во лживой коммуникации / В. Шаховский // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005.
7. Экман, П. Психология лжи / П. Экман. – СПб.: Питер, 2007. Режим доступа: http://free-kniga.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=431.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Болинджер, Д. Истина – проблема лингвистическая / Д. Болинджер // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987; Вайнрих, Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих // Язык и моделирование социального взаимодействия / отв. ред. В. М. Сергеев. – М., 1987; Деннингхаус, С. Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики / С. Деннингхаус // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. – М., 2008; Масленникова, А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Масленникова А. – СПб., 1998; Панченко, Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале русского и английского языков): автореф. ... канд. филол. наук / Панченко Н. – Волгоград, 1999; Плотникова, С. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Плотникова С. – М., 2000; Степанов, Ю. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. Степанов // Язык и наука XX века: сб. статей. – М., 1995; Шунейко, А. Дезинформация (семиотический и лингвистический аспекты): учеб. пособие / А. Шунейко. – Комсомольск-на-Амуре, 2005.
2. Масленникова, А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Масленникова А. – СПб., 1998; Панченко, Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале русского и английского языков): автореф. ... канд. филол. наук / Панченко Н. – Волгоград, 1999; Плотникова, С. Лингвистические аспекты выражения неискренности в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Плотникова С. – М., 2000.
3. См. об этом: Женнет, Ж. Вымысел и слог: Ficitio и dicitio / Ж. Женнет // Вестник МГУ. Филология. – 1996. – № 5.
4. Здесь опираемся на понятие дискурса, разработанное М. Фуко (Фуко, М. Воля к знанию: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М., 1996).
5. Заметим, что такой проблемы не возникает при попытке «опознания» и определения функциональности, к примеру, политического, газетного дискурсов внутри художественного.
6. Так, например, «обман» толкуется как «надувательство, мошенничество, подделка, подлог, лукавство, хитрость, мистификация, фальшь; выдумка, вымысел, ложь, притворство, иллюзия, отвод глаз; комедия (кукольная)» в Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. – М.: Русские словари, 1999.
7. Названные формы лжи могут проявляться в сюжете, становясь характерологическими признаками (появляется герой-лжец, заблуждающийся, обманщик, выдумщик и т.п.), на уровне наррации, игрово-

го начала повествования (различные варианты недоговаривания, введения в заблуждение читателя). Понятия вымысел и фикция становятся эстетически значимыми в понимании природы литературы, создаваемого художественного мира.

8. В классической философии оформляется две парадигмы трактовки истины/лжи. Одна основывается на принципе соответствия знания объективному положению дел предметного мира. Эта позиция позволяет однозначно различать истинные и ложные суждения с помощью определенного критерия истины (Аристотель, Ф. Бэкон, Б. Спиноза, К. Гельвеций, П. Гольбах, Л. Фейербах и др.). Другая традиция строится на принципе соответствия знания имманентным характеристикам идеальной сферы: содержанию Абсолюта (Платон, Гегель и др.), врожденным когнитивным структурам (Августин, Декарт), чувственным ощущениям субъекта (Д. Юм), априорным формам мышления (И. Кант) и др. В неклассической философии истина лишается своего объективного статуса и мыслится как форма психического состояния личности (С. Кьеркегор), как ценность, которая «не существует, но значит» (Г. Риккерт). В контексте философской герменевтики проблема истинности трансформируется в проблему интерпретации (М. Хайдеггер, Г. Гадамер).

9. Например, в работах Н. Бердяева «Парадокс лжи», «Правда и ложь в общественной жизни», «Философская истина и интеллигентская правда», В. Соловьева «Ложь», «Оправдание добра. Нравственная философия», П. Флоренского «Пределы гносеологии», «Столп и утверждение Истины».

10. Подобным же образом прячутся за этическими формулами другие знакомые героя, которым он звонит: Прокофьев, Валя, Лукьяненко. «Но все, это было ясно, сомневались. Однако боялись свои сомнения высказать, чтобы не задеть Орефьева».

Ююкин М. А.
M. A. Yuyukin

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ ОЙКОНИМЫ XIV-XVII вв. С ФОРМАНТОМ *-ЬСК-

OLD RUSSIAN CHRONICLE PLACENAMES CONTAINING THE SUFFIX *-ĬSK-: XIV – XVII CENTURIES

Ююкин Максим Анатольевич – кандидат филологических наук, не работает (Россия, Воронеж); 394055, Воронеж, ул. Моисеева, д. 47, кв. 55. E-mail: yuyukin@bk.ru.

Mr. Maxim A. Yuyukin - PhD in Philology, non-affiliated researcher (Russia, Voronezh); 394055, Voronezh, 47/55, Moiseeva Str. E-mail: yuyukin@bk.ru

Аннотация. В средний и поздний периоды истории древнерусского языка (XIV-XVI вв.) летописи фиксируют 32 ойконима, образованных с помощью общеславянского топонимического форманта *-ьск-. В предлагаемой статье они анализируются в этимологическом, номинативном, словообразовательном и стратиграфическом аспектах. Подавляющее большинство ойконимов этого типа образовано от гидронимов и личных имен. Если первая функция унаследована из топонимии раннедревнерусского периода, то вторая впервые фиксируется лишь в XIV в. В рассматриваемую эпоху происходит постепенное снижение активности этого топонимического типа.

Summary. In the middle and the late periods of the Old Russian language history (XIV – XVII C.), chronicles mention 32 place names derived by means of the Common Slavonic toponymic suffix *-isk-. This paper investigates their etymologic, nominational, word-formative and stratigraphic properties. The vast majority of these toponyms were derived from either hydronyms or personal names. While the first of these two cases is the inheritance from earlier periods, the second one is first attested as early as XIV century. In the period under investigation, we see a gradual decline of this toponymic form.

Ключевые слова: древнерусский язык, древнерусские летописи, формант *-ьск-, ойконим, гидроним, антропоним.

Key words: Old Russian language, Russian chronicles, suffix *-isk-, place name, hydronym, anthroponym.

УДК 811

Общеславянский адъективный суффикс *-ьск- принадлежит к числу наиболее древних и распространенных славянских топонимических формантов. Одним из самых характерных он является и для древнерусской ойконимии [33, 85]. Этот словообразовательный тип уже привлекал внимание исследователей. Специально топонимам с суффиксом *-ьск- посвящена фундаментальная монография С. Роспонда. Славянский языковой ареал он делит на три зоны в зависимости от степени активности этого словообразовательного типа: 1) высокой (Русь, Польша), 2) средней (Чехия, Словакия), 3) низкой (южнославянские земли) [64, 383].

В предлагаемой статье рассматриваются ойконимы с формантом *-ьск-, упомянутые в древнерусских летописях в период с XIV по XVII вв. включительно и локализуемые на территории современной России; они анализируются в этимологическом, номинативном, словообразовательном и стратиграфическом аспектах. Эта тема изучена недостаточно: так, из 32 названий, рассматриваемых в этой статье, С. Роспонд упоминает лишь 8, причем, как

будет видно из дальнейшего, большинство из них не получило у выдающегося польского ученого удовлетворительного этимологического объяснения.

Ойконимы, в которых форма с *-ьск-* является вторичной (*Черемеск* < *Череместь*), а также названия с примыкающими к этому типу сложными формантами **-ov-/*-ev-ьск-* и **-in-ьск-* (*Илмовское*, *Луцынское*) остались за рамками этой статьи.

БОЛОНЕСК (БОЛЕНЕСК): «Болонескъ» / «Боленескъ», «А се имена городам Русским, дальним и ближним» (конец XIV-XV вв.; включен в состав Новгородской первой, Воскресенской и Симеоновской летописей) (далее СГР), Залесский город, на р. *Болонке* (приток Гжати). Упоминается в грамоте 1389 г. как волость Можайского уезда [14, 34]. Гидроним *Болонка* (современная форма) (М. К. Любавский) [48, 251] < др.-рус. *болоние*, *болонье* «низменное поречье, покрытое травой» [40, I, 287] (В. П. Нерознак [24, 24-25] (без указания на отгидронимический характер ойконима).

ВЕВЕРЕСК: «Вѣверескъ», СГР, Литовский город. От основы балтийского происхождения, ср. лит. *voverė* «белка», диал. *voveris*, *vėveris*, также *vaiverė*, лтш. *vāvere*, др.-прус. *weware* «то же» [54, I, 282; 58, 39].

ВОЛ(Ь)СКОЕ: «Бѣлоозеро со всѣми волостьми и Волскимъ с Шаготью», Никоновская летопись (см. прим. 1), 1389 г. и позднее, Белозерье (позднее Кирилловский уезд Новгородской губернии [43, 130]). Гидроним **Вола*, ср. *Вола*, приток Беломорско-Балтийского канала [30, 142], < 1) ср. фин. *vuolas* «быстрый, стремительный, бурный, многоводный» [55, 756], эст. *vool* «течение, поток» [66, 756] и др.; 2) прасаам. *vōlē*: саам. сев. *vuolle*, Инари *vueli*, Колтта *vie'll*, Кильдин *vū'll-*, тер. *vilje* «нижний» [62, 152-153], ср. топонимы *Viollejaur*, *Viollujaur* [18, 107, 139]. Ср. и другие гидронимы с основой *вол-*: *Воложба* (*Воложь*), левый приток Сяси; *Волонга*, река в бывшем Мезенском уезде Архангельской губернии; *Воль* (*Воло*), озеро в бывшем Повенецком уезде Олонецкой губернии [37, I, 529, 532, 542].

ВОНДОМСКОЕ, Продолжение Александро-Невской летописи, Дополнения к Патриаршей, или Никоновской летописи (см. прим. 1), 1566 г., (позднее Волжинское), Дмитровский уезд, Каменский стан [47, 237]. Гидроним **Вондама* < прибалт.-саам.-волж. *вонд-* «куст» [22, 49], ср. *Вондожское*, оз.; *Вондожь* (*Вондаж*, *Вондаш*, *Вондоша*, *Вондожа*); *Вондега* (*Вондога*, *Вандога*), *Вондина*, *Вондуха/Вондюха* в бассейне Оки [31, 27; 41, 308] + фин.-угор. суффикс **-т-* [26, 344].

ВЫСОЦКОЕ: «за трицеть версть Коломны въ селѣ Высоцкомъ», Новый летописец (см. прим. 1), близ Коломны. Личное имя *Высок(ой)*, многократно засвидетельствованное в древнерусском языке (под 1377 г. и позднее) [53, 99].

ВЯТИЧЕСК: «Вятическъ», СГР, Смоленский город. Этноним *вятичи*. Восходящее к «Повести временных лет» объяснение последнего от имени прародителя **Вят(ь)ко* (якобы уменьш. от *Вячеславъ*) [54, I, 376] носит народно-этимологический характер: в действительности гипокористическая форма имени *Вячеславъ* была не **Вят(ь)ко*, а *Вячько*, ср. др.-рус. «ко В[а]цькоу», берестяная грамота № 139, конец 60-х – 70-е гг. XIII в. [15, 425]; критику других этимологий см. в [54, I, 376]. Более вероятно топографическое происхождение этого этнонима. С. Роспонд [33, 41] объясняет *вятичи* из индоевроп. **ven-t-* «мокрый, влажный». Основа *вят-* (< **vet-*) уже сопоставлялась нами с др.-греч. βένθος, εος, τό «глубина» (обычно во мн. ч.), βένθεα ὕλης «чаща леса» [60, 84]; если это сопоставление верно, этноним *вятичи* восходит к топографической (гидронимической?) основе индоевропейского происхождения и означает «живущие близ глубокой реки» или «живущие в лесной чаще».

ДУБСК: «на Дубьске», Псковская вторая летопись (Синодальный список) (см. прим. 1), 1408 г., Псковская земля (ныне деревня *Дубско* в Печорском районе Псковской области, на р. *Дубенке* [29, 569]). Др.-рус. *доубъ* 1) «дерево», 2) «дуб» [38, III, 97] или антропоним *Дубъ*, ср. *Илейко Дубъ*, Наволоцкий погост, 1495 г.; *Ониско Дубъ*, 1619 г. [53, 138].

ЕРАНЕСК: «въ Еранескъ», Новый летописец (см. прим. 1), на р. *Яранке* (правый приток Пишмы) [37, V, 964] (ныне г. *Яранск*, районный центр Кировской области). Гидроним **Ярань* (современная форма – *Яранка*), ср. другие гидронимы с этой этнонимической основой: *Яран*, левый приток Пиркнеляя, бассейн Мокши; *Яранвож*; *Яран-Пасаель*; *Яран-Ты*; *Яран-Шор*; *Яранмусюр*, гряда, левобережье р. Колва, Печорский горсовет; *Еранская*, правый приток Мылы, Усть-Цилемский район Республики Коми [41, 257; 31, 44, 138; 7, 64], а также коми антропоним *Яран* [46, 64] < коми-зырян. (устар.) *яран* «ненец» [21, 337]. Объяснение из мар. *яран* «пустое место» (что мотивируется расположением города в Вятских опольях) [42, 886] не учитывает отгидронимического характера названия.

ЗАСЕЧЕСК: «Засѣческъ», СГР, Рязанский город (ср. *Засечье*, бывший Сапожковский уезд Рязанской губернии). Др.-рус. *засѣка* «целиком срубленные деревья, которые загораживают дорогу» [45, I, 1610] или от личного имени *Засѣка*, ср. др.-рус. князь *Иванъ Засѣка*, 1440 г. [53, 158].

КЛОПСК (КЛОПЛЬСК): «на Клоп(ь)скѣ», Новгородская первая летопись младшего извода (Комиссионный список), Новгородская вторая летопись, Симеоновская летопись (см. прим. 1), 1412 г. и позднее, Новгородская земля, под Новгородом: 1) От звукоподражательной основы **klop-* (С. Роспонд) [33, 146-147]. 2) От антропонима **Клопъ*, ср. блр. *Клоп* [9, 207], ст.-чеш. *Klor* (см. прим. 2), др.-рус. производное *Клоповъ*, фамилия, 1643 г. [53, 629] < др.-рус. *Клопъ* [40, 7, 178].

КЛАЗЕМСКОЙ: «идоша на городъ, на Кляземской», Новый летописец (см. прим. 1), в 14 верстах от г. Коврова, бывшая Владимирская губерния. Гидроним *Клязьма*, правый приток Оки, относящийся к распространенному типу субстратных (финно-угорских) гидронимов на *-ешма*, *-ешма*, *-езьма* (*-язьма*), *-есьма* [27, 206]. Основа гидронима неясна (может быть, происходит от слова вымершего финно-угорского языка, отражающего (через форму **къл-*) урал. **kälē* «озеро, залив»: ср. манс. *keeli* «болото, трясины», хант. *kolæg* «вид болота», сельк. *keeli*, *kuel'* «залив озера или реки», удм. *калым*, коми *кôла* : *ты-кôла* «небольшое озеро», «сырое заболоченное место (на старицах вокруг озера) с небольшими озерками», первоначально «маленький залив в озере или старице» [21, 140; 63, I, 134], т.е. «болотистая река» или «река, изобилующая заливами», ср. в описании *Клязьмы*: «в пойме много болот» [11, 112]).

КОЛОМЕНСКОЕ: «ста въ Коломенскомъ», Никоновская и многие другие летописи (см. прим. 1), 1408-1409 гг. и позднее, на р. Москве. Гидроним *Коломенка*, правый приток Москвы [41, 123] (этимологии последнего см. в [54, II, 294-295; 24, 90; 50, 250; 52, 8; 56, 18]).

КРЫЛАТЕСК, СГР, Рязанский город. Личное имя **Крылатъ*, ср. фамилию *Крылатов*.

КРЫЛАТСКОЕ: «въ Крылатское», Никоновская и другие летописи (см. прим. 1) и позднее, близ Москвы (ныне район города). Упомянут в грамоте, приблизительно датированной 1417 г. [14, 58]. В этимологическом отношении аналогичен предыдущему.

ЛОКОТСК: «въ Локотстѣ... из(ъ) Локотска», Иоасафовская, Никоновская, Воскресенская и другие летописи, 1478 г., Новгородская земля, в 25 км к востоку от Крестцов. Др.-рус. *локоть* «изгиб, излучина» [40, 8, 277], ср. гидронимы *Локотец*, *Локотня*, *Локотовка*, *Локотцы* в бассейне Оки [41, 344].

ЛЮБУТСКОЕ: «имали Псковичи Любут(ь)ское», Иоасафовская летопись, Московский летописный свод и др. (см. прим. 1), 1474 г., к северо-западу от Торопца. Личное имя **Любута* – гипокористическая форма двучленного антропонима с основой *Люб-*, ср. блр. *Любуцин*, фамилия [9, 261], *Любота* [23, 115], *Любочениковы* [10, 189].

ЛЮБУТЕСК (ЛЮБУЦКОЕ): «Любутескъ», Русский Хронограф, 1480 г.; «городище Любуцкое», Продолжение Александро-Невской летописи (см. прим. 1), 1566 г.; «Любутескъ», СГР, Старицкий удел. В этимологическом отношении аналогичен предыдущему. Упомянут в грамоте, приблизительно датированной 1401-1402 гг. и позднее, в формах *Любутск* (*Любутеск*, *Любуцк*) [14, 47, 160, 330, 360, 459].

МЕЗЕЧЕСК (МЕЗЧЕСК, МЕСЧЕСК, МЕЩЕСК, МЕЩОСК, МЕЗЕЧСК, МЕЗЕЧОСК, МЕЗЕЦК, МЕЗЫСК, МЕЩЕРЕСК, МЕЩЕРСК, МЕНЩИСК, МЕЗЕЦЕСК) (ныне г. *Мещовск*, районный центр Калужской области). От реконструируемого гидронима **Мѣзьць* с общеславянским корнем **тѣз-* «малый» (подробно об этом названии см. [59, 151-157]).

МЕРЕЕСК: «Мерескъ», СГР, Литовский город (вероятно, следует отождествлять с названием *Мерско*, 1566 г., волость Старицкого уезда [14, 420]). Балтийская или славянская гидронимическая основа *mer-* (вероятно, восходящая к индоевроп. **mer-* «сверкать, мерцать» [12, 273] или **mer-/mor-* «темный» [65, 50]): ср. *Мера*, левый приток Волги; *Мерска* (> *Нерская*), левый приток Москвы; *Мерске* (*Миорское*), озеро, бассейн Зап. Двины; *Мерейка* (2 названия), *Мерея* в Верхнем Поднепровье; лтш. *mēris*, *mēr-ure* и др., местные названия; лит. *Mera*, *Merià* [35, 108; 41, 110; 32, 222; 50, 40, 195; 51, 105] (С. Роспонд [64, 181]; допускается также связь с этнонимом *Меря*).

МЕЩЕРСКОЕ: «Мещер(ь)ское», СГР, Залесский город (на правой стороне Оки несколько ниже устья Клязьмы, ныне г. Горбатов [20, 91] в Павловском районе Нижегородской области). Этноним *мещера* < 1) морд. **mēškār* «пчеловод» (И. И. Миккола), 2) связан с самоназванием венгров *tegyer*, *tagyar* (О. Н. Трубачев) [54, II, 616].

ОБОЛЕНСК: «во Оболенскѣ», Никоновская и другие летописи (см. прим. 1), 1368 (1366) г. и позднее, Смоленский город, на р. *Оболони* (ныне с. *Оболенское* [48, 240]). Гидроним *Оболонь* (современная форма – *Оболонка*), правый приток Сежи, на левой стороне Оки [41, 40] < др.-рус. *болоние*, *болонье* «низменное поречье, покрытое травой» [38, I, 287] (ср. БОЛОНЕСК (БОЛЕНЕСК) с *О-* протетическим и последующим народно-этимологическим переосмыслением. С. Роспонд видит в основе этого ойконима прсл. **obyl-*, ср. луж. *Habola* (*Havela*), название реки, и др. [64, 195], что неубедительно в фонетическом отношении.

ОЗЕРЕЦКОЕ: «въ Озерецком(ъ)», Иоасафовская, Никоновская и другие летописи, 1451 г., близ Волока Ламского, в верховьях Клязьмы и Учи [20, 240]. Гидроним *Озерец*, озеро, правый приток Клязьмы [41, 225]. Под 1470 г. упоминается как село Инобожского стана Дмитровского уезда [2, I, 394].

ОЛЕШЕСК: «Олешескъ», СГР, Литовский город. От географического термина, ср. рус. диал. *олешье* 1) (новг., пск., смол.) «заросли ольхи», 2) (пск.) «болото, заросшее ольхой» [39, 23, 187], а также др.-русс. *Олшье*, город в низовьях Днепра, или личное имя **Олешь* или *Олеша*, ср. др.-рус. *Олеша*, 1559 г., Белозерье, а также производное *Алексей Михайлов Олешов*, 1692 г. [53, 135, 376].

ПЕРЕВИТЕСК: «къ Перевитску», Никоновская летопись (см. прим. 1), 1389 г.; «Перевитескъ», СГР, на р. Оке (позднее с. Перевитский Торжок в Зарайском уезде Рязанской губернии). Личное имя **Перевить*, ср. др.-рус. *Перемиль*, *Перемышь*, *Переяславль* и *Витомиръ* (А. М. Селищев, С. Роспонд) [36, 50; 33, 24].

РЫБЧЕСК: «Рыбческъ», СГР, Литовский город. Образован морфологическим способом с помощью форманта *-ьск-* от антропонима *Рыбька* или **Рыбьць*, ср. др.-рус. *Рыбка Микитин*, Пустая Ржева, 1605 г. [53, 344]; ст.-блр. *Рыбец*, 1726 г., Чечерский повет [8, 253], ст.-чеш. *Rubec* (см. прим. 2), а также производные *Рыбкин* (многократно; 1340 г. и позднее); *Яков Рыбцевич*, Мозырь, 1552 г.; *Рыбченя*, 1651 г. [53, 731].

СВИНЕСК: «Свинескъ», СГР, Рязанский город (отождествляется с с. Свинчус на р. Оке между Старой Рязанью и Касимовом (Иловайский, Семенов), с. Свинское к югу от Серпухова или локализуется в бывшем Веневском уезде на р. *Свинска*, приток Осетра (И. Сахаров) [48, 245]). От слав. **svin-*, ср. параллели в других славянских языках: пол. *Świńsko* 1) Бжезинский повет, 1257 г.; 2) *Schwennenz*, Щецин, 1306 г.; словен. *Svinjsko*, Трбовле (С. Роспонд) [64, 258-259].

СЕРПЕЙСК: «Серпѣескъ», СГР, а также во многих летописях (позднее Мещовский уезд Калужской губернии). Гидроним *Серпея*, левый приток Рессы, ср. также *Серпея* > *Серпейка*, левый приток Нары; *Серп*, левый приток Цны; *Серпейка*, левый приток Прони, правый приток Сожи < ср. др.-прусс. *Sirpenicken*, *Serpo*, *Zyrpin* (**Sirp-*), лит. *Sirputis* и др. [41,

45, 97; 37, IV, 579; 50, 207] (С. Роспонд) [64, 238-239] (допускается и связь со слав. **srp-*). Не следует исключать и возможность исконно славянского происхождения, ср. рус. диал. (пск.) *серпнет* «(о воде) холодно, морозит; когда она покрывается тонким льдом, говорят, что она *серпнет*» (< праслав. **srpnoti*) [13, 54].

СИМБИРСК: «к Симбирьску», Летописное сказание Петра Золотарева (см. прим. 1), 1670 г. (ныне г. Ульяновск, обл. центр). От основы субстратного происхождения (ср. чувашское название этого города *Чёмпёр* [19, 3-4]; адаптацию чувашского топонима предполагает здесь С. Роспонд [64, 240]), по-разному объясняемой различными исследователями: 1) ср. монг. и бурят-монг. *симбир* «священная гора» (В. Ф. Барашков); 2) от венг. *сембе* 1) «навстречу», 2) приставка в сложных словах, характеризующих встречное движение, и *ер* «река, поток» (описание местности, где Волга и Свияга протекают в противоположных направлениях) (В. А. Нестеров); 3) от личного имени **Синбир* (Е. М. Поспелов) [6, 64; 25, 136-137; 28, 167]. Антропонимическое происхождение наиболее вероятно, ср. чув. устар. *чём* «дыхание, жизнь» (и в семантическом отношении *Lele*, имя одного из венгерских королей, < фин.-угор. **lewle* «дыхание, дух, душа» [49, 160]), *пёр* «один» – «душа одна». О. Н. Трубачев сопоставляет чувашскую форму этого ойконима с местным названием *Чембар* (ныне г. Белинский) в Пензенской области [54, III, 623], ср. также *Чембура*, п. Лукмаса, Мосты, Рановы, Прони [5, 45].

СИТ(Е)СК: «на Ситьскѣ», Софийская летопись старшего извода (см. прим. 1) и др., 1528 г., Новгородская земля. От топоосновы *сит-*, ср. рус.-цслав. *ситие* (XI в.), русск. *сит*, *соть* «осока», *сита* «камыш» (С. Роспонд) [54, III, 628; 64, 241], возможно, гидронимического характера, ср. многочисленные северо-западные гидронимы с этой основой: *Сить*, левый приток Кубены; *Ситенка* (ручей Чернецкий), левый приток Луги; *Ситная*, бассейн Мсты; *Ситно*, озеро, исток р. *Ситной*, бассейн Мсты; *Ситня*, левый приток Шелони и др.; *Сита*, озеро, бассейн Зап. Двины; *Ситно* 1) озеро в бассейне Верхиты; 2) озеро в бассейне Жельцанки [31, 110; 30, 75, 163, 165, 431; 32, 223]. Как указывает Р. А. Агеева [1, 199], в псковских говорах *сита* означает «низкое сырое место».

ТЕРЕБЕНСКОЕ: «въ Теребенскомъ», Симеоновская, Львовская летописи (см. прим. 1) и др., 1389 г., близ Торжка. От партиципной основы, производной от др.-рус. *теребити* «расчищать» [45, III, 950], ср. *Теребени*, бывший Опочечкий уезд Псковской губернии [44, 584; 200].

ТРУБЕЦКОЙ: «пожаловал городом Трубецким», Вологодская летопись (см. прим. 1), 1659 г. Ср. топоним *Трубецовская* (вариант – *Трубчевская*), деревня в волости Кадка Углицкого уезда, упомянутый в грамоте около 1470-1480-х гг. [2, III, 80]. Личное имя **Трубыць* или **Трубка*, ср. ст.-чеш. *Trubec* (см. прим. 2), др.-рус. *Труба*, *Трубица* [53, 458], ст.-блр. *Трубека*, 1764 г. [8, 266].

УРЮПЕСК: «Урюпескъ», «Урюпискъ», «Урпескъ», СГР, Рязанский город. Антропоним *Урюпа*, ср. др.-рус. *Урюпа Юфонасевъ сынъ Михтѣва*, 1536-1537 гг.; *Урюпа Захаръин*, Углич, 50-е гг. XVI в.; *Урюпа Васильев сын Попов*, 1561-1562 гг.; *Урюпка Васильев*, 1583-1584 гг.; *Урюпа*, Новгородская земля, 1592 г.; *Урюпка*, 1691 г., а также производные *Молчан Урюпин*, *Михайло Урюпин*, Ростов, 1591-1592 гг.; *Урюпинъ*: «Иванку Урюпину пасынку», XVI в. (см. прим. 3) [16, 206, 241; 3, 139, 242], < ср. рус. диал. (новг.) *урюпа* «неряха; нюня, рева, плакса» и др. (Даль).

Рассмотренные названия позволяют сделать ряд наблюдений и выводов о характерных чертах этого словообразовательного типа в древнерусской ойконимии указанного периода:

1. В семантическом отношении исследуемые ойконимы делятся на названия, образованные от гидронимов (14: *Болонеск* (*Боленеск*), *Выбовск*, *Мезеческ*, *Мереск*, *Оболонеск*, *Серпейск*, *Яренск* (*Яринский городок*), *Вол(ь)ский* (-ое?), *Вондомское*, *Каменское*, *Кляземской*, *Коломенское*, *Несвежский*, *Озерецкое*), от антропонимов (11: *Клопск*, *Крылатеск*, *Перевитеск*, *Рыбческ*, *Симбирск*, *Урюпеск*, *Высоцкое*, *Крылатское*, *Любутское*, *Любуцкое*, *Трубецкой*), от этнонимов (5: *Вятческ*, *Еранеск*, *Корел(ь)ский*, *Мещерское*, *Тиверский*). Для 7 названий

(*Вевереск, Дубск, Засеческ, Локотск, Свинеск, Сит(е)ск, Теробенское*) можно допустить отапеллятивное происхождение, хотя не исключено, что в основе некоторых из них также лежат незасвидетельствованные имена собственные. Как уже указывалось, ойконим *Олешеск* допускает два объяснения. Таким образом, и в рассматриваемую эпоху гидронимическая семантика этого форманта, безраздельно господствовавшая в ранний древнерусский период [57, 162], продолжает сохранять для него ведущее значение.

Новой чертой начиная с XIV в. является использование форманта *-ьск-* для образования однословных ойконимов от личных имен (зачаточную стадию этого процесса фиксируют два составных обонежских топонима второй половины XIII в.: *Важаньский погост* и *Имоволожьский погост*). Наиболее ранние названия этой группы (*Крылатеск, Перевитеск, Урюпеск*) локализованы на территории Рязанского княжества.

2. В словообразовательном плане все ойконимы образованы морфологическим способом, т. е. суффикс *-ьск-* в них выполняет функцию топонимического форманта.

3. Стратиграфия ойконимов позволяет сделать вывод о постепенном снижении активности этого словообразовательного типа в изучаемый период: если в XIV в. впервые упомянуто 19 названий (в основном это ойконимы, приводимые в «Списке Русских городов»: *Болонеск (Боленеск), Вевереск, Вятческ, Засеческ, Крылатеск, Мереск, Оболенеск, Олешеск, Перевитеск, Рыбческ, Свинеск, Сит(ь)ск, Урюпеск, Вол(ь)ское, Каменское, Корел(ь)ский, Мещерское, Несвежский, Теробенское*), то в XV в. – лишь 9 (*Выбовск, Дубск, Клопск, Локотск, Мезческ, Серпейск, Коломенское, Озерецкое, Тиверский*), в XVI в. – 4 (*Вондомское, Крылатское, Любутское, Любуцкое*), в XVII в. – 6 (*Еранеск, Симбирск, Яренск, Высоцкое, Кляземской, Трубецкой*). О том же свидетельствует и общее сопоставление относительной частотности названий этого типа с их частотностью в более ранний период: если ойконимы с формантом *-ьск-*, упомянутые в памятниках письменности с древнейших времен до конца XIII в., составляют 11,7 % от общего числа засвидетельствованных названий древнерусских поселений [57, 176], то в интересующую нас эпоху их удельный вес не достигает и 5 %.

4. Именные (*Болонеск (Боленеск), Боровск, Вевереск, Выбовск, Вятческ, Дубск, Еранеск, Засеческ, Клопск (Клопльск), Крылатеск, Локотск, Любутеск (Любутское), Мезческ (Мезческ, Месческ, Мещеск, Мещоск, Мезческ, Мезецк, Мезыск, Мещереск, Мещерск, Мещицк, Мезецеск), Мереск, Оболенск, Олешеск, Перевитеск, Рыбческ, Свинеск, Серпейск, Симбирск, Сит(е)ск, Урюпеск, Яренск (Яринский городок)*) и местоименные (*Вол(ь)ский (-ое?), Вондомское, Высоцкое, Каменское, Кляземской, Коломенское, Корел(ь)ский, Крылатское, Любуцкое, Мещерское, Несвежский, Озерецкое, Теробенское, Тиверский, Трубецкой*) формы ойконимов четко противопоставлены друг другу в грамматическом и функциональном отношении: все именные формы являются названиями городов и, согласуясь с опорным родовидовым термином, имеют исключительно форму мужского рода; большинство местоименных образований, напротив, служат наименованиями сельских поселений и, соответственно, употребляются в форме среднего рода. Любопытно наличие в наших материалах пар этимологически тождественных названий, одно из которых имеет именную, а второе – членную форму: *Крылатеск – Крылатское, Любутеск – Любутское*.

5. Как известно, топонимы адъективного типа возникли в результате субстантивации определяющих компонентов исконных адъективно-субстантивных словосочетаний [17, 7]. В отдельных случаях летописи документируют этот процесс, обычно остающийся за рамками письменных источников: *Яринской городок > Яренск*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева, Р. А. Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающем районе Северо-Запада РСФСР / Р. А. Агеева // Топонимия Центральной России. – М.: Мысль, 1974. – С. 195-203.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1952-1964. – Т. 1-3.

3. Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506-1613 гг.). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. – 352 с.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1951-1956. – Т. 1-2.
5. Баранович, М. Рязанская губерния / М. Баранович. – СПб.: Тип. товарищества «Общая польза», 1866. – 554 с.
6. Барашков, В. Ф. Топонимия Ульяновской области / В. Ф. Барашков. – Ульяновск: Ульяновский пед. ин-т, 1974. – 80 с.
7. Беляева, А. В. Словарь географических названий Коми АССР / А. В. Беляева. – М.: Наука, 1975. – 164 с.
8. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія / М. В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
9. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія / М. В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
10. Веселовский, С. Б. Ономастикон / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 384 с.
11. Все Подмосковье. Географический словарь. – М.: Мысль, 1967. – 384 с.
12. Горячева, Т. В. К семантике и этимологии некоторых славянских метеорологических терминов / Т. В. Горячева // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985-1987. – М.: Наука, 1989. – С. 271-274.
13. Горячева, Т. В. К этимологии славянских метеорологических терминов / Т. В. Горячева // Этимология. 1982. – М.: Наука, 1985. – С. 54-61.
14. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 545 с.
15. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
16. Иоасафовская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.
17. Карпенко, Ю. А. Становление восточнославянской топонимии (Закономерности словообразования) / Ю. А. Карпенко // Изучение географических названий. – М.: Мысль, 1966. – С. 7-18.
18. Керт, Г. М. Саамская топонимная лексика / Г. М. Керт. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 179 с.
19. Корнилов, Г. Е. Пробные статьи этимологического «Словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий» – I / Г. Е. Корнилов // Диалекты и топонимия Поволжья. Чувашский гос. ун-т. – Вып. 2. – Чебоксары, 1973. – С. 3-14.
20. Кучкин, В. А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X-XIV вв. / В. А. Кучкин. – М.: Наука, 1984. – 352 с.
21. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М.: Наука, 1970. – 386 с.
22. Матвеев, А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера / А. К. Матвеев // Вопросы языкознания. – 1969. – № 5. – С. 42-54.
23. Морошкин, М. Славянский именовослов / М. Морошкин. – СПб.: Тип. П отдельной собственности Е. И. В. канцелярии, 1867. – 213 с.
24. Нерознак, В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М.: Наука, 1983. – 207 с.
25. Нестеров, В. А. Над картой Чувашии / В. А. Нестеров. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1980. – 142 с.
26. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.
27. Поспелов, Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2002. – 512 с.
28. Поспелов, Е. М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период / Е. М. Поспелов. – М.: Профиздат, 1999. – 219, [2] с.
29. Псковская энциклопедия. – Псков: Псковская энциклопедия, 2003. – 912 с.
30. Ресурсы поверхностных вод СССР. Гидрологическая изученность. В 20 т. Т. 2. Карелия и Северо-Запад. – Л.: Гидрометеоролог. изд-во, 1965. – 699 с.
31. Ресурсы поверхностных вод СССР. Гидрологическая изученность. В 20 т. Т. 3. Северный край. – Л.: Гидрометеоролог. изд-во, 1965. – 610 с.
32. Ресурсы поверхностных вод СССР. Гидрологическая изученность. В 20 т. Т. 5. Белоруссия и Верхнее Поднепровье. – Л.: Гидрометеоролог. изд-во, 1963. – 302 с.
33. Роспонд, С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов / С. Роспонд // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 11-87.
34. Русские летописи. В 2 т. Т. 1. – Рязань: Узорочье, 1997. – 638 с.

35. Рыжавский, Г. Я. Бассейн верхней Волги / Г. Я. Рыжавский. – М.: Физкультура и спорт, 1981. – 192 с.
36. Селищев, А. М. Из старой и новой топонимии / А. М. Селищев // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 45-96.
37. Семенов, П. Географическо-статистический словарь Российской империи / П. Семенов. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1863-1885. – Т. 1-5.
38. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). – М.: Наука, 1988-2014. – Т. 1-10.
39. Словарь русских народных говоров. – М.; Л.: Наука, 1965-2014.
40. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1975-2014.
41. Смолицкая, Г. П. Гидронимия бассейна Оки / Г. П. Смолицкая. – М.: Наука, 1976. – 404 с.
42. Советский Союз. Российская Федерация. Центральная Россия. – М.: Мысль, 1970. – 907 с.
43. Списки населенных мест Новгородской губернии. Вып. X. Кирилловский уезд / Новгородский губ. стат. ком. – Новгород, 1912. – 146 с.
44. Списки населенных мест Российской империи. XXXIV. Псковская губерния. – СПб.: Центр. стат. ком. Министерства внутренних дел, 1885. – 596 с.
45. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – М.: Книга, 1989. – Т. 1-3.
46. Тепляшина, Т. И. Язык бесермян / Т. И. Тепляшина. – М.: Наука, 1970. – 287 с.
47. Тихомиров, М. Н. Российское государство XV-XVII веков / М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1973. – 424 с.
48. Тихомиров, М. Н. «Список русских городов дальних и ближних» / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. – Вып. 40. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 216-256.
49. Ткаченко, О. Б. Мерянский язык / О. Б. Ткаченко. – Киев: Наукова думка, 1985. – 208 с.
50. Топоров, В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. – М.: Наука, 1962. – 272 с.
51. Трубачев, О. Н. Названия рек Правобережной Украины / О. Н. Трубачев. – М.: Наука, 1968. – 292 с.
52. Трубаčov, О. М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії / О. М. Трубаčov // Мовознавство. – 1971. – № 6. – С. 3-16.
53. Тупигов, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупигов. – 2-е изд. – М.: Русский путь, 2004. – 904 с.
54. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – СПб.: Азбука, 1996. – Т. 1-4.
55. Финско-русский словарь. – Таллин: Лорис, 1996. – 816 с.
56. Фоменко, В. Г. О подмосковных топонимах Коломна и Кашира / В. Г. Фоменко // Топонимика. – Вып. 4. – М.: Всесоюзное географ. общество, 1970. – С. 3-5.
57. Ююкин, М. А. Древнерусская ойконимия IX-XIII вв. / М. А. Ююкин. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 2003. – 216 с.
58. Ююкин, М. А. К этимологии некоторых летописных древнерусских ойконимов XIV-XVII вв. с основами балтийского происхождения / М. А. Ююкин // Acta Baltico-Slavica. – Т. 29 (2005). – S. 39-45.
59. Ююкин, М. А. Мещовск / М. А. Ююкин // Onomastica. – Roczn. XLVIII (2003). – S. 151-157.
60. Ююкин, М. А. О некоторых гидронимах и этнонимах Южной Руси / М. А. Ююкин // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 82-85.
61. Endzelins, J. Latvijas PSP vietvardi / J. Endzelins. – S. II. – Riga: АН ЛатвССР. Ин-т языкознания, 1961. – XI, 505 с.
62. Lehtiranta, J. Yhteissaamelainen sanasto / J. Lehtiranta. – Helsinki, 1989. – 385 p. – (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – № 200).
63. Rédei, K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1988-1992. – Bd. I-II.
64. Rospond, S. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ьск-* / S. Rospond. – Wrocław etc.: Wyd-wo Polskiej Akademii Nauk, 1969. – 434 s.
65. Stanislav, J. Starosloviensky jazyk / J. Stanislav. – Bratislava: SPN, 1978. – 372 s. – D. I.
66. Tamm, J. Eesti-vene sõnaraamat / J. Tamm. – Tallinn: Valgus, 1986. – 760 lk.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание русских летописей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psrl.csu.ru>.
2. Index slovníku J. Svobody «Staročeská osobní jména a naše příjmení» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vokabular.ujc.cas.cz>.
3. Картотека исторических словарей русского языка (хранится в Институте русского языка РАН, М.).

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ДЕМОНИЧЕСКОЕ В СУДЬБЕ ХУДОЖНИКА (ПАРАДОКСЫ КОМПОЗИЦИИ РОМАНА М.Ю.ЛЕРМОНТОВА "ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ")

HISTORICAL AND DEMONIC IN DESTINY OF THE ARTIST (PARADOXES OF COMPOSITION OF THE NOVEL OF M. YU. LERMONTOV "THE HERO OF OUR TIME")

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье сопоставляются два композиционных плана романа М.Ю. Лермонтова, разворачивающихся во времени повествования и в повествуемом времени. План повествуемого времени связан с метафизической судьбой героя, план повествовательного времени - с его исторической судьбой.

Summary. In article two composite plans of the novel of M. Yu. Lermontov are compared, these plans are connected with time of a narration and in narrated time. The plan of narrated time is connected with metaphysical destiny of the hero, the plan of narrative time - with his historical destiny.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, роман «Герой нашего времени», композиция, история, демонология

Key words: M. Yu. Lermontov, novel "Hero of Our Time", composition, history, demnologia

УДК 82-311.4

Образ художника, тема творчества, познания — ключевые компоненты содержания всей европейской культуры. Образы Одиссея, Фауста, Гамлета, Дон Кихота являются различными гранями этого содержания. Культура эпохи романтизма, величайшие произведения мировой литературы ("Доктор Фаустус", "Игра в бисер", "Смерть Вергилия", "В поисках утраченного времени", "Улисс", "Человек без свойств"), кинематографии ("Андрей Рублев", "8 с половиной", "Фотоувеличение") и других искусств XX века поразному представляют одну и ту же тему — тему судьбы художника в истории и мире. Художнический поиск есть, по-видимому, доминанта категории личности, господствующей в европейской культуре. К числу знаменитых памятников культуры, существенным образом связанных с данной проблематикой, относится и роман М.Ю.Лермонтова "Герой нашего времени".

Творчество по определению имеет две стороны — созидание и разрушение. В связи с этим можно выделить четыре типа творчества. Творчество как отказ от созидания и разрушения, т.е. отказ от самого себя, основанный на признании авторитета традиции и выражающийся в акте веры. Творчество как синтез созидания и разрушения, т.е. сомнение и вера, неизменно чередующиеся в актах познания. Творчество как созидание, т.е. преобразующий поступок, утверждающий бытие чего-то положительно нового. Творчество как разрушение, т.е. уничтожающий поступок, поступок-поиск, не имеющий завершения, но всегда стремящийся к некоей цели, идеалу, смыслу, в котором бы этот поступок стал

Докучаев И. И.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ДЕМОНИЧЕСКОЕ В СУДЬБЕ ХУДОЖНИКА (ПАРАДОКСЫ КОМПОЗИЦИИ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

преобразующим и утверждающим (тоска Дон Жуана). На наш взгляд, именно последний тип творчества явился эстетическим предметом романа "Герой нашего времени".

Воплощение данного эстетического предмета можно определить одной известной фразой Аполлона Григорьева "Печорин — это Демон в гвардейской фуражке". Смысл фразы парадоксален, он синтезирует вечное и временное, историческое и типологическое, абстрактное и конкретное, такой синтез возможен лишь в диалектическом бытии естественного мира и в изоморфном ему искусстве. Рассмотрим подробно эту парадоксальность на уровне композиции романа, которая более всего дает основания для интерпретации подобных парадоксов, их описания и формализации.

У композиции литературного произведения, т.е. у организации его элементов есть четыре слоя. Это архитектоника, пространственно-временная организация, текстово-типологическая организация и сюжет. Сюжет романтического произведения парадигматически парадоксален. Традиционное двоemiрие эстетических предметов у романтиков связано с парадоксом, со столкновением и взаимоуничтожением нового и старого. Это может быть культурно-пространственное двоemiрие (мертвящая цивилизация — вольная и животворящая дикость, привычное — экзотическое, мертвящее обыденное — прекрасное исключительное). Такое — байроническое — двоemiрие даже допускает снятие парадокса, например, путем социальной революции, утверждающей новое, как в романе "Вадим". Пространственное двоemiрие может иметь психологические и исторические основания ("чужое — родное" в поэме "Мцыри"). Наконец, абстрактно-метафизическое двоemiрие. Оно обречено на снятие своей парадоксальности: абстрактный мир гибнет в столкновении с историей. Это происходит и в метафизическом мире ("Демон"), и в реальном, где романтический герой осознает, что его идеал родом из отрицаемого им мира (страсти роковые господствуют прежде всего в душе героя пушкинской поэмы, а не в мире цыган)¹.

Крах идеала — топос романтиков, в романе Лермонтова этот топос, конечно, присутствует. Специфика его в том, что идеал не просто гибнет, но отсутствует. Идеал гибнет, а герой живет. Герой не утверждает, но разрушает идеал, живет его разрушением. Весь смысл жизни Печорина в испытании идеала, которого тот не выдерживает и не может выдержать, в разрушении его собственного мира и мира, который его окружает. Печорин существует, пока существует то, что могло бы погибнуть, и он перестанет существовать, когда все утратит смысл и погибнет. Своеобразной моделью этого существования является воронка, всасывающая или пропускающая исчезающую материю².

Пространственно-временная организация романа демонстрирует круги этого разрушения³. "Бэла" — приезд Печорина из Пятигорска в крепость и возвращение в Петербург; "Максим Максимыч" и предисловие к журналу Печорина — приезд из Петербурга на Кавказ, в Персию и возвращение, прерванное смертью; "Тамань" — приезд из Петербурга на Кавказ и отправление, возможно, в Пятигорск (заметим, эти оба начала романа связаны с дикарками: Бэлой и ундиной); "Княжна Мери" — приезд из части в Пятигорск, переезд в Кисловодск и отправление в крепость; "Фаталист" — приезд из крепости в казачью станицу и возвращение в крепость. Идеалом становятся поочередно то цивилизация, то дикость, и всякий раз он гибнет и меняется.

Отметим и тот факт, что круги разрушения присутствуют во временной организации романа: повествуемое время не соответствует повествовательному — роман заканчивается в середине изображенного времени, что отсылает к его началу, а изображенное время истекает лишь к середине романа, что провоцирует дальнейшее чтение. Повествуемое и повествовательное время

¹ Классической работой по типологии романтического двоemiрия остается монография Ю.В. Манна "Поэтика русского романтизма". — М.: 1976.

² Концепцию специфики романтического двоemiрия разработал Б.М. Эйхенбаум в ряде статей и книг, см. в частности ст. "О тексте "Героя нашего времени" // О прозе. Сб. Статей. — Л.: 1969.

³ Подробный анализ пространственно-временной организации романа осуществлен в книге Б.Т. Удодова "М.Ю. Лермонтов: художественная индивидуальность и творческие процессы". — Воронеж: 1973.

противоречат друг другу и отменяют конец романа. Повествовательное время романа оканчивается надеждой на снятие конфликта (подвиг Печорина в "Фаталисте"), повествуемое время оканчивается смертью героя.

Наконец, показательна и типология текстов в романе. Смена различных типов текста от его начала к повествовательному концу характеризуется субъективизацией. Объективные типы текста: авторское повествование, речи рассказчиков (странствующего офицера и Максима Максимыча) сменяются субъективным повествованием-исповедью Печорина. Языковой мир романа из диалогического и полилогического превращается в монологический, речь Печорина становится этим миром, она поглощает речи всех остальных, становится средой их бытия⁴.

Архитектоника романа лишь подчеркивает симметрию объективного и субъективного начал: она, как кажется на первый взгляд, нарушена (в первую — объективную — часть романа попал фрагмент дневника Печорина), но повесть "Тамань" — наиболее объективный элемент дневника, выраженный не в исповедальных, а в документальных стилистических тонах. Кроме того, круги "цивилизация — дикость — цивилизация", встречающиеся в первых трех повестях, сменяются кругами "дикость — цивилизация — дикость" вторых двух повестей, и эта смена архитектурно выражена делением романа на две части. Объективная первая часть сменяется субъективной второй.

На всех уровнях композиции мы обнаруживаем различные оттенки воплощения эстетики разрушения, связанной с особой парадоксальностью романа, противопоставляющей не идеальное и тривиальное, но различные виды тривиального, мортификации идеалов.

Печорин не может найти места в своем времени, в этом и есть его героизм. А может, он — герой, вынужденный жить во времени.

Абсолютное отрицание порождает абсолютное утверждение, ибо оно отрицает и самое себя. Роман живет парадоксом, искусство и жизнь полны парадоксов и не разрушаются ими⁵. Печорин как демонический герой обречен на гибель и действительно умирает по возвращении из Персии, Печорин как гвардейский офицер живет и имеет право на жизнь, а жизнь имеет права на него: Печорин увлечен Верой, он рискует жизнью на дуэли, когда обезоруживает сумасшедшего, когда мчится в погоню за Бэлой — все это не демонические поступки, это героизм совсем иного рода. Печорин больше чем Демон и меньше его.

Космос эстетического предмета романа Лермонтова гармонизирует, синтезирует типологическое и историческое, демоническое и реальное. В этом смысле не только художественность гармонизирует лермонтовский мир, но и сам мир обнаруживает свою гармонию вопреки и благодаря парадоксам творчества, она — в постоянном возникновении и снятии парадоксальности, она и обеспечивает парадоксы творчества, требует их творческого воплощения в мире искусства и культуры.

Такой космос неизбежно трагичен, такой космос стремится к снятию своего трагизма, к снятию себя, но не может этого добиться, ибо тогда прекратится само стремление. Какого рода покоя ищет герой стихотворения "Выхожу один я на дорогу...", какого рода покой предлагают умирающему Мцыри рыбки? Возможен ли иной космос? Будет ли это космос сознательного, т.е. творческого отказа от творчества, космос сознательно и доверительно воспринятой традиции, основанной на абсолютном авторитете, будет ли это космос утилитарного отказа от творчества? Такие вопросы неизбежно возникают при формализации лермонтовского эстетического предмета, и на них не может быть ответа в его пределах.

⁴ Исчерпывающей работой о языке романа является большая статья В.В. Виноградова "Стиль прозы Лермонтова" // Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя Избранные труды. — М.: 1990.

⁵ Замечательная концепция происхождения и судьбы дисгармонии лермонтовского мира предложена Д.С. Мерещковским в его книге "М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества". — СПб.: 1911.

Бурашников Д. Ю.
D. Yu. Burashnikov

**ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ КАК ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА Г. БЛАГОВЕЩЕНСКА**

**CULTURE INSTITUTIONS AS A RESOURCE FOR DEVELOPING
THE SOCIO CULTURAL ENVIRONMENT OF THE CITY OF BLAGOVESHCHENSK**

Дмитрий Юрьевич Бурашников – аспирант кафедры истории ДальГАУ (Россия, Благовещенск); 675009, Амурская область, г. Благовещенск, ул. 50 лет Октября 154, кв. 60.

Mr. Dmitri Yu. Burashnikov – PhD Candidate, Department of History, the Far Eastern State Agricultural University (Russia, Blagoveschensk); 675014, Blagoveschensk, 154 – 60, 50 Let Oktyabrya Str.

Аннотация. В статье рассматриваются основные муниципальные учреждения культурного обслуживания г. Благовещенска. Дается определение такого понятия, как институт культуры, выясняются его функциональные особенности, делается попытка их анализа на примере г. Благовещенска.

Summary. The paper examines the major municipally funded cultural institutions in the city of Blagoveshchensk. We provide a definition of what an institutions of culture is and what its functional characteristics are. An effort is made to analyze institutions of culture in the city of Blagoveshchensk.

Ключевые слова: институты культуры, культурный потенциал города, социокультурное пространство.

Key words: culture institutions, cultural potential, city, socio cultural environment.

УДК 008:351.858

В процессе исследования социокультурного пространства современного города и его формирования в современных условиях трудно выделить один основополагающий аспект или механизм, который оказывал бы какое-либо влияние на его структуру, на многообразие городской жизни. Социокультурное пространство города определяется сложным переплетением различных пластов человеческой деятельности (образование, культурно-просветительская, досуговая и т.д.), что имеет своим следствием множественность поведенческих тактик, образов жизни. Тем не менее можно выделить ту часть городской культуры, которую традиционно можно представить как подсистему культурного потенциала, а именно – сеть учреждений культурного обслуживания города (институтов культуры города).

Любой социокультурный институт – организованный тип деятельности, обладающий определенной структурой и выполняющий ту или иную функцию, где подразумевается согласие по поводу некоторого ряда ценностей, объединяющих определенную группу людей. [2, 9]. Основной их функцией является удовлетворение социальных и культурных потребностей общества. Специфика деятельности институтов определяется функциями создания и сохранения артефактов культуры, социализации молодого поколения и передачи ему накопленных ценностей общества, а их функционирование определяется социокультурным пространством, формирующимся на определенной территории в результате исторического, социально-экономического и культурного развития.

Социокультурное пространство города отражает сущностные связи человека с социальным и культурным окружением. Соответственно, деятельность учреждений культурного обслуживания (институтов культуры) в настоящее время обретает особую актуальность, т.к. одним из важнейших направлений их работы является создание условий для удовлетворения растущих духовных и нравственных потребностей людей, сохранения и передачи культурного наследия молодому поколению, городскому сообществу в целом.

Как известно, «культурный потенциал» является важным показателем городского социокультурного пространства, который определяет (или показывает) степень развития общества – способность этого общества к производству и воспроизводству культурных ценностей, где деятельность институтов культуры соответственно может отражать (характеризовать) уровень культурного потенциала города, его повышение (рост) или снижение (падение). В статье мы рассмотрим деятельность культурных учреждений г. Благовещенска, выявим их функциональную роль в формировании городского пространства.

Культурно-досуговые учреждения города представляют собой сеть событийного культурного обслуживания. Событие влияет на образ жизни человека: его ожидают, оно переживается. После того как событие состоялось, его интенсивно обсуждают, осмысливают, оно на определенный период времени снижает интерес к другим формам культурной деятельности. К событийному культурному обслуживанию можно отнести деятельность таких муниципальных культурных учреждений г. Благовещенска, как театр драмы, филармония, краеведческий музей, областная библиотека, творческие самодеятельные инициативные группы (областной Дом народного творчества, певческие, музыкальные и детские хореографические коллективы). Именно они репрезентируют формы искусства.

В составе культурных учреждений можно выделить исторически сложившиеся и вновь образованные. К исторически сложившимся, сформировавшимся еще до революции, относятся областной театр драмы, областная библиотека, краеведческий музей; к вновь образованным – областная филармония, Дом народного творчества, Амурский союз художников – они сформировались в советский период культурно-исторического развития. Следует отметить, что исторически сложившиеся учреждения, появившиеся во второй половине XIX столетия, хотя и меняли места своего пребывания в городском пространстве, все же продолжали накапливать свой культурный опыт. Вновь образованные учреждения формировались как естественная составляющая советской городской культуры.

Учреждения культуры (институты культуры) репрезентируют культурный центр, культурное ядро города. Необходимо отметить, что сложившаяся сеть культурных учреждений располагается в культурно-исторической пространственной среде г. Благовещенска, что, в свою очередь, определяет культурный образ центра города, становится символом исторической преемственности поколений его жителей, знаком самобытности, эталоном, с которым соотносятся другие части городского пространства.

В. М. Розин предлагает выделить три аспекта культурного потенциала города: поведенческий (активность населения); обслуживающий (сеть учреждений культурного обслуживания); территориальный (распределение учреждений культурного обслуживания и активности населения на городской территории). Следует отметить, что поведенческий аспект зависит от таких факторов, как образование, возраст, заработная плата, образ жизни, состав семьи. Обслуживающий аспект определяется двумя характеристиками: «сетевой» (типы учреждений культуры, показатели их посещаемости, размещение в структуре города) и «функциональной» (виды и качество услуг) [3, 105]. В исследованиях посещаемость учреждений культурного обслуживания обычно фиксируется не прямо, а через показатель наполняемости залов, а вид и качество – через содержание программ. Территориальный аспект культурного потенциала будет характеризоваться распределением культурной активности и обслуживания на территории города, где необходимо учитывать расположение в городе центров и многофункциональных комплексов, активность населения в местах концентрации и на остальной территории, а также тяготения внутри города.

В статье мы рассмотрим только территориальный и событийный аспекты культурного потенциала г. Благовещенска.

Протяженная, линейная структура городского пространства предполагает или способствует распределению культурной активности по одной из главных улиц, главной магистрали города. Таким местом является центральная улица Благовещенска – улица Ленина, которая проходит через весь город с востока на запад параллельно р. Амур и улице Краснофлот-

Бурашников Д.Ю.

ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ КАК ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА Г. БЛАГОВЕЩЕНСКА

ской, ограничивающей город с южной стороны. В центральной части улицы Ленина, между улицами 50 лет Октября и Комсомольской (проходящих перпендикулярно улице Ленина), располагаются основные культурные учреждения города (областная филармония, областная научная библиотека, краеведческий музей, Амурский союз художников, драматический театр), которые мы можем объединить в многофункциональный комплекс (МФК). На его территории располагаются сопутствующие учреждения города: рестораны русской и китайской кухни, кафе, гостиницы.

Краеведческий музей и Союз художников располагаются в исторической части улицы, которая объединяет восточную и западную части всего комплекса (перекрестки улиц Ленина – Шевченко, Ленина – Богдана-Хмельницкого). Эта часть репрезентирует образ города как для его жителей, так и для гостей. Многие здания, расположенные в этой части улицы, как и здание музея, являются историческими памятниками архитектуры XIX в. и охраняются государством. Эта часть городского пространства является «визитной карточкой» для туристов, гостей города. Пространство МФК логически замыкается перекрестком улиц Ленина – Комсомольской, где находятся здание Амурского театра драмы и городской парк, который пользуется большой популярностью у горожан. На его территории расположено множество сопутствующих учреждений – кафе, закусочные, столовые. Необходимо отметить, что этот городской узел (театр – парк) является местом притяжения или местом наибольшей активности людских потоков. Рядом со зданием театра вывешиваются афиши премьер или идущих спектаклей и, соответственно, любой желающий может ознакомиться с репертуаром театра. Здесь можно проследить определенную исторически сложившуюся особенность центральной магистрали города: начинаясь с такого «молодого» учреждения культурного обслуживания, как областная филармония, она постепенно переходит и логически завершается таким более «старым» учреждением, как театр драмы.

Как уже отмечалось, учреждения культурного обслуживания расположены вдоль одной улицы (Ленина) и находятся на расстоянии квартала друг от друга. Городская инфраструктура предполагает наибольшую активность транспортных потоков именно в таких оживленных его участках: на главные улицы города приходится основная часть транспортных перевозок. Перемещение по улице Ленина (одной из центральных улиц города) включает в себя основные виды общественного транспорта, поэтому места концентрации людских потоков в большей мере приходятся на нее. Выезжая, например, с улицы 50 лет Октября на улицу Ленина, можно добраться как до театра драмы, который расположен на улице Комсомольской, так и до любого другого культурного учреждения. Пассажир может попасть в центр города из периферийных районов без пересадок и долгого ожидания транспорта. Следует отметить, что в социокультурном пространстве города все рассматриваемые основные муниципальные учреждения культурного обслуживания связаны пространственно между собой, что притягивает людские потоки.

Событийный культурный потенциал города ориентируется на событие как на уникальную, а не на тиражируемую культурную услугу. Эффективность *событийного* показателя будет определяться по методике, предложенной В. М. Розиным. Представим сетевую характеристику (виды и качество услуг культурных учреждений) обслуживающего аспекта культурного потенциала г. Благовещенска на основе статистических данных (1990 – 2005 гг.). Данные таблиц предоставлены амурским областным комитетом государственной статистики.

В период 1990 – 2005 гг. в городе театральную деятельность осуществляли 2 театра (Амурский областной театр драмы, областной театр Актера и Куклы) и одна филармония.

Из приведенных данных (см. табл. 1) следует, что посещаемость театров возростала с 1990 – 1992 гг., показатели 1992 г. на 54,4 тыс. чел. выше данных 1990 г. С 1993 – 1997 гг. посещаемость постепенно снижается, что объясняется кризисным состоянием общества. В 1998 г. ситуация посещаемости изменяется, и 2000 – 2005 гг. характеризуются относительной стабильностью показателей.

Таблица 1

Численность зрителей театров

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Численность зрителей, тыс. чел.	184,1	195,2	238,5	124,7	111	95,1	97,3	84,4
Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Численность зрителей, тыс. чел.	114,1	99,2	100,6	110,8	110,1	86,8	90,5	99,1

Посещаемость театральных мероприятий в 2003 г. по сравнению с 2002 г. сократилась на 23,3 тыс. чел., а в 2005 г. она увеличилась по сравнению с 1997 г. на 14,7 тыс. чел. При этом число мест в профессиональных театрах с 1995 г. составляло 550, в 2005 г. – 720, то есть на 150 мест больше показателей 1995 г. Таким образом, за данный период средний коэффициент посещаемости колебался в пределах 90 – 110, что демонстрирует некоторую стабильность показателей посещаемости театров.

Посещаемость краеведческого музея отличается некоторой стабильностью показателей (см. табл. 2).

Таблица 2

Число посещений музея (включая филиалы)

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Численность посещений, тыс. чел.	114	232	210,9	160,6	202	209,6	217,9	213,3
Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Численность посещений, тыс. чел.	201,2	204,3	232	218,6	211	121,4	137,3	163,7

Из табл. 2 видно, что наибольший приток посетителей приходится на 1991 и 2000 гг. В 1993 – 1999 гг. колебания посещаемости были небольшими и в среднем составляли приблизительно 10 %. В 2000 – 2005 гг. вновь наблюдаются некоторые изменения в посещаемости музея. Спад посещаемости идет до конца 2003 г., но в 2005 г. она начинает расти. Показатели посещаемости музея 2005 г. превысили на 49,7 тыс. чел. посещаемость показателей 1990 г. Средний коэффициент посещаемости составил 210. В отличие от аналогичных показателей театров, в посещаемости музея наблюдается движение роста показателей, что в большей степени объясняется открытием границ приграничного города и вследствие этого притоком туристов и иностранных граждан.

В табл. 3 представлена посещаемость общедоступных библиотек г. Благовещенска с учетом школьных библиотек и библиотек, входящих в состав культурно-досуговых учреждений.

Таблица 3

Численность зарегистрированных пользователей в общедоступных библиотеках

Год	Ильин А.Н. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕКОНСОЛИДАЦИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ПОТРЕБЛЕНИЯ							
Численность пользователей, чел.								
Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Численность пользователей, чел.	72 157	72 157	73 930	75 793	79 229	77 158	78 291	80 120

Несмотря на то, что количество библиотек города за 16 лет периодически изменялось (в 1990 г. в городе их было зарегистрировано 35, в конце 2005 г. – 26), число пользователей

Бурашников Д.Ю.

ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ КАК ПОТЕНЦИАЛ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА Г. БЛАГОВЕЩЕНСКА

неуклонно возрастало, что видно из приведенных цифр. Посещаемость библиотек в 2005 г. на 12 703 чел. больше показателей 1997 г. и на 79 995 чел. больше показателей 1992 г. Основной посетитель пользователей библиотек – учащая молодежь. Увеличение посещаемости общедоступных библиотек можно объяснить в большей степени увеличением процента учащегося населения города.

Деятельность кинотеатров (включая организации по киноvideопрокату) и учреждений культурно-досугового типа представлена в табл. 4, 5, 6.

Представленные данные характеризуют следующие показатели:

- количество посещений киносеансов;
- число мест в зрительных залах г. Благовещенска в 1990 – 2005 гг.;
- число мест в зрительных залах на 1000 жителей г. Благовещенска в 1990 – 2005 гг.

Таблица 4

Количество посещений киносеансов, всего, человек

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Количество посещений, чел.	2645,7	1364,9	811,0	Нет данных	60	64	36 640	6339
Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Количество посещений, чел.	26 386	22 830	31 327	46 142	41 860	68 376	28 890	240 754

Число киноустановок по городу с 1990 г. составляло 40, на конец 2005 г. оно сократилось до 5.

Из приведенных цифр видно, что довольно резкий спад посещаемости происходит с конца 1991 до начала 1996 г. В 1996 г. происходит резкий скачок вверх и с конца этого года наблюдается относительный рост посетителей кинотеатров. В 2005 г. посещаемость резко увеличивается, разница посещаемости 2005 г. по сравнению с 1991 г. составляет 239 389,1.

Таблица 5

Число мест в зрительных залах в учреждениях культурно-досугового типа

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Число мест	4812	4812	4570	0	0	0	Нет данных	Нет данных
Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Число мест	Нет данных	Нет данных	115	115	115	1350	1301	973

Таблица 6

Число мест в зрительных залах в учреждениях культурно-досугового типа на 1000 чел. населения

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Число мест	23	23	21	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Число мест	Нет данных	Нет данных	1	1	1	6	6	Нет данных

Из показателей табл. 5, 6 видно, что уменьшение мест в зрительных залах учреждений культурно-досугового типа начинается с 1993 г. Это объясняется резким сокращением коли-

чества таких учреждений. Если в 1992 г. по г. Благовещенску их было 19, то на начало 2005 г. число их сократилось до 4, этот факт не мог отразиться на посещаемости.

По данным исследования мы можем определить некоторую общую тенденцию в изменении посещаемости отдельных типов учреждений культурного обслуживания: для деятельности театров, филармонии (учреждений культурно-досугового типа), кинотеатров изменение посещаемости происходит в зависимости от притока посетителей этих учреждений, некоторые причины этого были рассмотрены выше; для деятельности библиотек и краеведческого музея изменение посещаемости характеризуется относительным ростом посетителей в 1990 – 2005 гг.

На основании анализа двух количественных уровней культурного потенциала г. Благовещенска можно сделать ряд выводов:

- *средовой* показатель на территории МФК достаточно развит, своей инфраструктурой способствует культурной активности граждан города;
- в *событийном* отношении все культурные учреждения выполняют функцию культурного просвещения населения города. Здесь также отмечаются тенденции развития и роста;
- в целом два эти показателя характеризуют (отражают) культурный потенциал дальневосточного г. Благовещенска, который соответствует уровню среднего или малого западного российского города.

Таким образом, можно заключить, что деятельность муниципальных культурных учреждений г. Благовещенска является одной из составляющих культурной жизни города, определяющих специфику формирования социокультурного пространства города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурская область 2000 г.: статистический справочник. – Благовещенск: БГПУ, 2001. – 234 с.
2. Галкина, Е. Г. Институты культуры как механизмы организации социокультурного пространства провинциального города (на примере города Комсомольска-на-Амуре): автореф. дис. ... канд. культурологии / Галкина Е. Г. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. – С. 9.
3. Орлова, Э. А. Городская среда как культурно-эстетическое явление / Э. А. Орлова // Эстетическая культура – М.: Наука, 1996. – С. 34.
4. Розин, В. М. Анализ культурного потенциала города в рамках социокультурного подхода / В. М. Розин // Культура города: проблемы качества городской среды: сб. науч. тр. – М.: НИИ культуры, 1986. – С. 103-111.

Ильин А.Н.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕКОНСОЛИДАЦИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Ильин А. Н.

A. N. Ilyin

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕКОНСОЛИДАЦИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

SOCIAL DECONSOLIDATION AND DEPOLITICIZATION IN THE ERA OF CONSUMPTION

Ильин Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск). E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Mr. Aleksey N. Ilyin – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Practical Psychology, city of Omsk Teaching University (Russia, Omsk). E-mail: ilin1983@yandex.ru

Аннотация. Культура потребления оказывает негативное влияние на многие аспекты социально-культурной жизни человека. В данной статье рассмотрены такие связанные с консьюмеризмом проблемы, как распад общественных связей и политическая пассивность.

Summary. The culture of consumption has a very negative impact on many aspects of the socio-cultural life of a person. This paper considers such problems linked to consumerism as the collapse of one's social ties and political apathy.

Ключевые слова: культура потребления, деконсолидация, общество, политическая пассивность.

Key words: culture of consumption, deconsolidation, society, political apathy.

УДК 008 (103)

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки России (Государственное задание)

В последние годы в России стала все сильнее проявлять себя такая тенденция культуры, как консьюмеризм. Если традиционные культуры, как правило, осуществляли сплочение людей, то потребительство актуализирует удовлетворение индивидуальных потребностей, что способствует эгоизации человека и разрушает былое межперсональное единство на разных уровнях: от семейных до конфессиональных (от малых групп до больших). В настоящей статье мы рассмотрим роль потребительской культуры в деконсолидации и деполитизации общества.

Наблюдаемые сегодня во всех сферах социальной жизни непредсказуемость дальнейшего вектора общественного движения и зыбкость социальных норм только подстегивают фатализм, недоверие, безответственность, агрессию, спад интереса к политике и вообще ко всему надповседневному, а также убеждение в бесплезности как самостоятельной, так и коллективной борьбы за улучшение социальной, политической и экономической ситуаций.

В известном трудно найти методы борьбы с неизвестным, с неопределенностью. Непредсказуемость, поливариантность и мощь изменений мирового масштаба выражаются в таких глобальных процессах, как:

– утрата государствами своей суверенности и политической силы в наступившую эпоху глобализации с характерными для нее централизацией и мобильностью огромных капиталов и их влиянием на политические решения во многих странах;

– наступление экологических бедствий;

- появление международного терроризма, который, руководствуясь непонятной логикой, не оставляет шансов предугадать, по кому он нанесет удар в следующий раз;
- вседозволенность и гиперразвитие транснациональных корпораций, часть которых обладает бюджетом, значительно превышающим бюджет некоторых стран, и, следовательно, ослабление влияния правительств этих стран;
- давление национальной власти на общество, ее волюнтаризм, произвол правоохранительных органов и бесправие широких социальных слоев;
- упрочение безработицы и падение влияния институтов, призванных отстаивать права трудящихся;
- появление экономических кризисов;
- рост нищеты;
- неспособность экономических, политических и социальных наук давать точные предсказания, которые утвердили бы определенность или хотя бы вероятность дальнейших сфер человеческой деятельности и состояния общества;
- быстрая смена конъюнктуры рынка, требований и условий труда, которая бьет по идее долгосрочности, стабильности жизни и упроченности личных обязательств;
- увеличение количества мигрантов, которые далеко не всегда считаются с нормами жизни и даже с законами принимающей их страны;
- рост преступности;
- повышение количества аварий и катастроф;
- возникновение новых локальных военных конфликтов.

Список проявляемых сегодня и кажущихся неуправляемыми масштабных процессов можно продолжать... С такими мощными тенденциями отдельный человек не способен совладать, и у него возникает мнение, что они неуправляемы в принципе или по крайней мере неуправляемы снизу, а потому борьба с этими тенденциями есть борьба с ветряными мельницами.

Возникает замкнутый круг: люди своим бездействием и невмешательством усиливают рост нестабильности, а последний, в свою очередь, укрепляет индивидуализм и деконсолидацию. Человек в обществе индивидов принимает интраполитические решения, то есть решения, касающиеся его личной жизни и управления собой ради самоустройства в существующих и не поддающихся изменению масштабных условиях, и, сознательно или бессознательно, отказывается от членства в объединяющем людей политическом целом, которое принимало бы общеполитические решения.

Социальная консолидированность ослабляется. Автономия индивида ставится выше моральных обязательств и социальных скрепов. Исчезает чувство ответственности не только за другого, но и за себя. Отношения приобретают поверхностный, недолговечный и дискретный характер. Даже акции протеста все менее массовы, они если и предполагают большое количество вовлеченных в них людей, то говорить следует о каком-то возмущившем широкие слои поводе (обычно единичном), а не о глубоком объединяющем эффекте, фундированном сильным чувством солидарности, сопричастности и взаимопомощи.

Политическая оппозиция в России настолько разобщена, что инвестировать чаяния в ее силу и мощь не представляется возможным. Внутренняя разобщенность оппозиции объясняется не только идейными противоречиями, не только страхом потерять свое лицо на выборах. Часто говорят о таком факторе, как фатализм, выражаемом словами «что бы мы ни делали, все равно ничего не получится». Такое убеждение в безнадежности служит некоей индульгенцией на пассивность. Еще один из важных факторов – утрата доверия людей друг к другу, которая не позволяет даже абсолютным единомышленникам сплотиться в единый сильный союз. Это недоверие появилось вследствие укоренения потребительской культуры индивидуализма, социал-дарвинистские общественно-фрагментирующие ценности которой вместе с перестройкой стали активно и даже агрессивно внедряться в общественное сознание в постсоветской России.

Сегодня одними из главных проблем выступают не фрагментированность политических предпочтений и не трудность политически активных людей договориться друг с другом, а спад протестной активности как таковой и утрата идеологических и политических установок. Консьюмеризм, учитывая его аполитичность и индивидуализм, не приемлет соответствующие установки в качестве важных элементов сознания. Он упрочивает дефицитарность социального субъекта политической жизни и политических преобразований.

Отказ от участия в политической жизни – широкое явление, охватывающее как достаточно обеспеченную потребительскую прослойку, так и бедные слои населения, предпочитающие приобщению к протестным движениям приобщение к консьюмеризму. Потребкульт является не единственной, но крайне значимой причиной деполитизации общества.

Индивидуализм, деконсолидированность и мещанство как проявляющиеся на всем общественном поле тенденции имеют связь с осознанием тщетности попыток коллективных действий, с неверием в возможность оказывать совместное влияние на глобальные процессы и важные политические решения, с неспособностью увидеть связь между коллективной активностью и серьезными изменениями в экономике и политике, с трудностью адаптироваться к возрастающей неопределенности, в общем, с фатализмом, переводящим внимание с коллективистских акцентов на индивидуалистические и вытесняющим из сознания само существование глобальных проблем и архиважных решений. Повергшие себя в фатализм люди не смогут консолидироваться против чего-то или за что-то, поскольку коллективное действие как проявление волевой решительности предполагает в качестве своей основы определенное выраженное в идеологии стремление, очищенное от сомнений разума. А когда стремления нет, то действию вырасти не из чего. Если человек принимает невозможность влиять на определяющие его жизнь события за истину, то она становится истиной.

Людей уже не интересуют глобальные проекты, ставящие перед собой в качестве цели не столько решение наличествующих проблем, сколько построение абстрактного общества будущего в долгосрочной временной перспективе. Для реализации такого проекта необходимо коллективное действие, которое отсутствует не только потому, что люди потеряли веру в коллективизм, но и потому, что они потеряли веру в проекты. Консолидация на основе общих интересов и проблем не представляется методом реализации собственных (индивидуальных) интересов, а скорее наоборот, видится как условие ограничения персональной свободы и потеря личного времени. Особенно такое видение утверждается, когда люди наблюдают примеры финансового благополучия, среди которых бывают их близкие, и понимают, что успешные потребители достигли социально-экономических высот благодаря личной предприимчивости, а не благодаря коммунизму.

Почти ни одна проблема не представляется как общая, требующая внимания, мобилизации сил каждого и создания крупной активной общности для противодействия. Большинство людей проявляют пассивность перед лицом серьезных угроз и неготовность к каким-либо формам объединения. Причем сами угрозы осознаются, ранжируются по значимости людьми по-разному и потому не создают единой монолитной и непротиворечивой симптоматики тревожности, характерной для каждого; эта «разбросанность» тревоги также влияет на отсутствие социальных интеграции и мобилизации, которые обычно вызываются сильным всеобщим страхом.

Понятия социальной борьбы, патриотизма, предотвращения общественных угроз, социального целеполагания и всеобщего объединения не просто утратили серьезность в глазах людей, а стали подвергаться остракизму. Идею общих интересов и восстановления социальной справедливости замещают индивидуализация и тенденция, выраженная в попытке не коллективного, а индивидуального, атомарного и бесконфликтного проникновения в эшелон более высокого класса, в элитарную прослойку. Победу одержал культурно-исторический тип, называемый мещанством, исключаяющий творчество, прогресс и активность социального порыва. Для него неприемлемы движимые социальными идеалами активные действия.

Если исходить из формулы, согласно которой мотивация равна ожиданию результата, умноженному на его ценность (формула $M=O \times C$), то следует сказать, что при разговорах о консолидации и солидаризации низко проявляют себя как ожидание, так и ценность. Результат или представляется недостижимым и ненужным, или кажется, что при его достижении цель не оправдывает средств, или он видится слишком дорогостоящим, а значит, и не ценным. Соответственно, мотивации к коллективности нет. Публичное пространство заполняется не общественным и политическим дискурсом, а дискурсом интимности личной жизни и мелких бытовых забот. Однако общество и страна жизнеспособны, когда гражданин чувствует себя защитником, строителем целого и связан с другими людьми узами ответственности и горизонтальной солидарности. Зачастую сама власть отказывается поддерживать социальную связность или она стремится это делать, одновременно максимально отдаляясь от общества и подрывая тем самым доверие к себе и к коллективизму.

Для психики потребителя более комфортен следующий принцип: если невозможно влиять на серьезность происходящего, если каждый из нас не защищен общим «мы», то проще отказаться как от понятия «мы» и лежащей в его основе солидарности, так и от осознания серьезности происходящих в стране или в мире тенденций; вместо «мы» и глобальных процессов есть «я» и мои личные интересы. Таким образом, происходит вытеснение общественного из реальности. Сознание становится не реалистическим, а аутистическим, проявляющим эскапизм по отношению к угрожающим сообщениям (вытесняющим их) и предпочитающим скрываться под щитом индивидуализма. Общественное и индивидуальное удаляются друг от друга так, что индивидуальное остается наличествовать в повседневном бытии, а общественное уходит в некую недостижимую область, отдаленность которой обесценивает попытки дотянуться до нее и, соответственно, нивелирует смысл и полезность этой области для реальной жизни с ее прагматизмом. В результате призывы к общественным действиям, например, к отстаиванию своих прав, вызывают недоверие и становятся похожими на глас вопиющего в пустыне.

Сплочение происходит на уровне небольших родственных общностей, в то время как идентификация с большими общностями нестабильна, а политические идентичности вообще отторгаются на периферию потребительского интереса. В целом социальная коммуникабельность утрачивается. Только самые близкие люди вызывают чувство доверия, персональные сети взаимодействия остаются главными ресурсами выживания, а малые группы – структурами обеспечения средств защиты от различных опасностей [2; 3]. Конституируется опора исключительно на себя, семью и некоторых близких. Коллектив сужается до семьи или до индивида. Все это указывает на недостаток общественных качеств, позволяющих организовать действия не на выработку и реализацию какого-то надличностного проекта, а хотя бы на защиту элементарных прав и свобод, которые, впрочем, потребителям не кажутся ущемленными вследствие их деполитизированности и сфокусированности на личном микромире.

Надличностные проекты и причастность к чему-то великому перестали быть смыслом жизни, уступив место миниличностным проектам, причастности к эгоистическому минимализму, кентаврическому слиянию индивида с принадлежащими ему гаджетами, проекту гаджетоантропности. Исчезли глобальные социальные нарративы, притягивающие всеобщее внимание, актуализирующие всеобщую активность и направляющие ее в единое строго определенное русло. В. В. Петухов в 2004 г. писал, основываясь на результатах социологического исследования: «С одной стороны, сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. С другой стороны, происходит индивидуализация массовых установок, в условиях которой говорить о какой бы то ни было солидарности, совместных действиях, осознании общности групповых интересов не приходится. Это, безусловно, находит свое отражение в политической жизни страны, в идеологическом и политическом структурировании современного российского общества» [4, 37-38]. Тенденция десолидаризации в последние годы только усилилась.

Принцип «своя рубашка всегда ближе к телу» переходит разумные и нравственные границы. Человек крайне трагично относится к потере своих гаджетов, но абсолютно индифферентно – например, к расхищению национальных богатств его страны, которое находится за рамками его мышления и ценностного восприятия. Он превращается в ребенка, узкие интересы, ценности и ограниченная масштабность мышления которого не распространяются за пределы его микромира (песочницы и игрушек). Потребителей волнуют не глобальные проблемы, а лишь те проблемы, которые становятся на их личном пути и служат барьером для реализации их личных целей. Они редко задумываются о том, что эти проблемы зачастую имеют глубокие корни, растущие не из местечкового локального аспекта, а из функционирования масштабных систем. Нечувствительность к проблемам общества, страны и мира – одна из метапроблем и социальных метаугроз, характерных для эпохи потребления.

Угрозы, воспринимаемые как барьеры для реализации личных интересов, периодически мотивируют людей на индивидуальные действия, а угрозы социальные обычно не сопряжены с мотивацией к активности. Уместно предположить, что потребительские заботы представляют собой некую форму компенсации за отсутствие властных полномочий и за властное угнетение. Они не приносят свободы в системе властных отношений, но создают удовлетворяющий симулякр свободы и автономии в системе частного выбора продуктов, гаджетов, мест отдыха и т. д. Естественно, что благодаря функционирующей психологической защите потребитель склонен рассматривать это не как симулякр, а как истинную свободу действий.

Хотя существует соотношение между личными и общественными проблемами, в ментальной сфере не остается места для их соотнесения. На территории, где призваны собираться люди для решения важных социальных проблем, теперь господствуют ток-шоу, которые на всю область публично транслируют сведения о личной жизни звезд, разговоры об интимной жизни обычных людей – своих персонажей, обсуждения прочих проблем, не выходящих за рамки быта и частной сферы. Подобная дискурсивная практика тем самым не соединяет частное и общественное, а подает частное под видом общественного, совершает тотальную подмену, а потому только разъединяет эти две сферы, уничтожает общественное и за счет этого отдает максимально широкое пространство на откуп частному, которое не способно осуществлять производство социальных связей. Подмена серьезного «откровениями» частного дискурса одерживает верх и учит людей замыкаться в себе, в своих личных проблемах и их решениях. Она не учит объединяться, смотреть за линию горизонта, мыслить о значительно более глобальном и серьезном, чем правильный выбор стирального порошка в гипермаркете.

Прислушаемся к мнению З. Баумана: «общественное» колонизируется «частным» в виде деградации публичного интереса до любопытства к частной жизни общественных деятелей, искусство жить в обществе сводится к копанию в чужом белье и публичным излипаниям на интимные темы, а общественные проблемы, не поддающиеся подобной редукции, вообще перестают быть понятными. В эпоху глобализации социальные институты теряют силу, что ведет к укреплению общего интереса к частному, а нежелание людей переводить интерес в плоскость общественного облегчает работу тех глобальных сил, которые заинтересованы в бессилии государств и общественных институтов [1].

Поэтому массовый интерес тянется не к сложным и действительно важным общественным проблемам, а к бессодержательным сенсационным «открытиям». В индивидуализированном обществе закономерна тенденция подмены серьезных социальных проблем и задач личными интересами. Дискурсивное поле рассказов, область наррации представляют собой узкое в содержательном и смысловом аспекте явление, которое всячески вытесняет иные нарративы, говорящие об альтернативных вариантах жизни и жизнеустройства. Комплекс артикуляций и нарративов существенно ограничивается.

Засилье развлекательных телевизионных шоу погружает народ в поле развлечений, в матрицу, и люди, находясь внутри нее, перестают задумываться о по-настоящему важных и

серьезных явлениях. Им уже не нужна истина вещей, теперь для них главное – состояние счастья, получаемое от потребления китча, который парализует протестную волю народа. Человеку хочется быть счастливым, и он отвлекается от гнетущей реальности, погружается в мир, созданный СМИ, и обретает счастье. Политическая пассивность масс в делах управления страной выгодна элитарным слоям.

Для этого постмодернистского эдема есть все: IP-технологии, виртуалия, телесные практики и т. д. Нет теперь больших проектов, на которые власть мобилизовала бы массы, единственный большой проект – это сама власть. В современном мире, для которого характерны стремительный прирост знаний и научно-технический прогресс, больше нет места кардинальным изменениям в области политики. Новые гаджеты, стимулирующие все большее потребление, переносят идею перемен с политической арены на арену быта, в лоно повседневности, где последняя модель сотового телефона, самая совершенная и самая модная, важнее всего остального. Эпоха хронических открытий не только обогащает сферу быта, но и засоряет жизнь производством фиктивных потребностей, которые отвлекают внимание от глобальных вещей и уводят в микромир домашних стен.

Попытки преобразования мира сменились стремлением оградиться от него и от его угроз посредством абсолютизации проекта частного мирка. Потребительство предлагает решать проблему контроля над жизнью путем аутореферентности, сводимой к многочисленным покупкам и вовлечению в рынок услуг. Люди все меньше принимают всерьез обещания политических лидеров и активистов общественных движений, ибо горький опыт научил неверию политике. Они обычно объединяются с политическими деятелями не благодаря своей вере в их лозунги и проекты, а благодаря импульсу найти влиятельную поддержку для решения своих индивидуальных проблем. Поэтому люди предпочитают объединяться с сильными политическими акторами, которые путем нарастающей поддержки увеличивают свою силу, а также и отправляемое влияние на общество (в первую очередь в своих интересах, а не в общественных). Если раньше нонконформизм протестовал против доминирования общественного над частным, против государственно санкционированного давления на личность, то сейчас его функцией становится не только сопротивление давлению на личность сильных экономических и политических акторов, но и сопротивление гегемонизму существующего типа культуры, абсолютизирующего индивидуализм, мещанство и обывательство.

Индивидуализм следует понимать не как проявление независимости и самодетерминированности, а скорее как проявление эгоизма и меркантильности в соответствии с изоляционистским принципом «моя хата с краю». Человек есть микрокосм не в качестве индивида, а в качестве субъекта. Индивидуализм – производное от индивида как сугубо биологического существа, не выражающего никаких субъектных и гражданских качеств. Именно индивидуализм, а не субъективизм как проявление осознанной самодетерминации и гражданской позиции является основой потребительской культуры, которая разрушает нормальные человеческие связи, солидарные проявления гражданственности и разделяет людей на «неделимые атомы», проявляющие друг к другу в основном экономический интерес.

Из коммунистического дискурса исходит идея, что частная собственность отдаляет людей, так как осознание своей собственности сопряжено с осознанием ее непринадлежности кому-то другому. Эта мысль особо актуальна для изучения именно потребительского общества, где связь человека с вещами приобрела черты сакральности, а связь с другими людьми понизила свое значение (имеется в виду солидарная связь с другими, а не та, которая, выступая инструментальной ценностью, позволяет воплощать в реальность эгоистические интересы одного человека за счет интересов другого). Сакрализация владения вещами обострила отказ другим в доступе к этим вещам, а вместе с тем и ослабила связующую людей нить. Следует отметить необходимость отказа не от частного, а от его сакрализации, от его абсолютизации, происходящей в ущерб ценности коллективного.

Общество как система взаимосвязей не выдерживает нарастания критического объема социопатического консьюмеризма. Социальное единство, или «собранность», сменяется единством индивида. Пришло время социологам задуматься, не утратила ли их наука в современных условиях объект своего изучения, не исчез ли он с появлением новой формации, которая нивелирует общественное, в которой вместо общества фигурирует население и господствует индивид – «не-общественный человек». Потребительское общество – мир одинокого в своей индивидуальности консьюмера-солипсита. Это «общество», отрицающее свою социальную суть и возможность своего именно социального существования. Оно из-за деконсолидированности представляет собой совокупность индивидов как целое, которое меньше суммы своих частей, в то время как здоровое общество, объединенное национальной идеей, проектом и многочисленными социальными связями, является совокупностью, где целое больше суммы своих частей. Также есть смысл культурологам, вектор исследовательского интереса которых направлен на осмысление современных культурных тенденций, задуматься о прочности позиций рассматриваемого объекта, так как культуру потребления следует считать культурой бескультурия. Культура потребления по характеру своего охвата социальна (как и любая культура), а по своему внутреннему содержанию – антисоциальна. Отказавшись от советской культуры, Россия не обрела иной – высокой, нравственной, эстетически насыщенной и жизнеспособной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Данилова, Е. Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // Социс. – 2004. – № 10. – С. 27-30.
3. Иванова, В. А. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества / В. А. Иванова, В. Н. Шубкин // Социс. – 2005. – № 2. – С. 22-28.
4. Петухов, В.В. Новые поля социальной напряженности / В. В. Петухов // Социс. – 2004. – № 3. – С. 30-40.

Оробий С. П.
S. P. Orobyi

МОЖЕТ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ БЫТЬ ЦЕЛОСТНЫМ?

COULD MODERNITY BE HOLISTIC?

Оробий Сергей Павлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, г. Благовещенск, ул. Василенко 14/1, кв. 43; 8-909-894-59-88. E-mail: S_Orobyi@mail.ru.

Mr. Sergey P. Orobyi – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Philology, City of Blagoveshchensk State Teaching University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Blagoveshchensk, 14/1, Vassilenko Str., apt. 43; + 7 909 8945988. E-mail: S_Orobyi@mail.ru.

Аннотация. Литературная современность – сложное, многомерное понятие, оно находится вне академических интересов. Без её подробного рассмотрения нельзя, однако, составить полное представление о современном русском романе – главном жанре 2000-х гг. Данная статья рассматривает два вопроса, касающихся литературной современности: её противоречивость и её манипулятивные тактики, с помощью которых современность пробивает себе дорогу.

Summary: Literary modernity is a complex, multidimensional concept; unfortunately it is out of academic interest. Without its detailed consideration we cannot, however, form a complete idea of the modern Russian novel - the main genre of the 2000ies. This paper examines two issues related to literary modernity: its contradictory nature and the manipulative tactics modernity uses in order to make its way.

Ключевые слова: современная русская литература, роман, актуальный текст.

Key words: modern Russian literature, novel, topical text.

УДК 82

Что первично для художественного произведения – жанровая установка или сам материал, определяющий форму? Бахтин в одной из своих работ, посвящённых проблеме жанра, отмечал, что для создания произведения искусства необходимо «научиться видеть действительность глазами жанра. <...> ... научиться видеть жизнь так, чтобы она могла стать фабулой романа», для чего «нужно научиться видеть новые, более глубокие и более широкие связи и ходы жизни в большом масштабе» [4, 254]. По Бахтину, «жанр уясняет действительность, действительность проясняет жанр» [4, 257]. Эти отношения диалектичны: художник первоначально видит жизненный материал в формах осознаваемого ими жанра, но затем материал корректирует его, и произведение приобретает контуры нового жанрового явления. Как заметил однажды писатель Дмитрий Быков, Гоголь сошёл с ума не от того, что у него не хватало дарования написать второй том «Мёртвых душ», а потому, что в 1851 году его не о чем было писать.

Свои компетенции по организации бесформенного материала жизни в определённые смысловые порядки искусство может понимать разнообразно, особенно в переломные периоды истории. Одиозный теоретик Лефа Осип Брик так описывал новую ситуацию в искусстве: «...приток нового материала наблюдался всегда, а не только теперь, и сюжетные схемы всегда легко с этим материалом справлялись, а если и не справлялись, то откидывали как непригодный, и никто на это не сетовал, никто на это не негодовал. <...> Современный потребитель рассматривает художественное произведение не как ценность, а как способ, как метод

передачи реального материала. Если прежде на первом плане стояло художественное произведение, а материал был для него только необходимым сырьём, то сейчас отношения радикально изменились. На первом плане стоит материал, а художественное произведение есть только один из возможных способов его конкретизации и, как оказалось, способ далеко не совершенный» [1, 319-320]. Иначе говоря, не искусство организует жизненный материал в определённые формы, а жизнь самоорганизуется через искусство. Недаром Маяковский в предисловии ко второй редакции «Мистерии-буфф» выражал пожелание, чтобы «все играющие, ставящие, читающие, печатающие» это произведение вносили в него изменения, которые сделают его содержание «современным, сегодняшним, сиюминутным».

Итак, хронотоп прецедентного («на злобу дня») текста амбивалентен: современность в своём литературном качестве как нельзя лучше пригодна для эмпирического испытания, но она же и преходяща, ускользающа от субъекта, размывает его идентичность, не оставляя возможности для самоопределения.

Если мы хотим найти «оптику» для литературы сегодняшнего дня, то искать её надо не в сфере академической науки. Там мы сразу столкнёмся с суждениями наподобие того, что принадлежит солидному, заслуженному исследователю классической русской литературы XIX – XX вв. А. К. Жолковскому: «Не люблю рассуждать в масштабах одного-двух лет. Мне претит та нервическая актуальность, которую упорно насаждают газеты, журналы и телевидение. Не думаю, что существует литература 2005 года, принципиально отличная от литературы 2006-го. А если и существует, то это литература очень невысокого уровня. Серьёзные события не совершаются в таком узком временном промежутке» [3].

Предостерегающая позиция Жолковского имеет свои основания. Доверяющий злободневности чаще других рискует промахнуться в своих предсказаниях либо оказаться «чресчур» точным. Известный пример – заявление Вирджинии Вулф, сделанное в 20-х гг. о том, что «приблизительно в декабре 1910 года человеческий характер переменялся». Такая позиция, впрочем, имеет и оборотную сторону. Главное здесь – не впасть в диахронический «склероз»: китайскому премьеру Чжоу Эньлаю вовсе казалось, что рассуждать о значении Великой французской революции пока (в середине 1920-х гг.) всерьёз не пристало, поскольку это событие ещё слишком недавнее.

Как бы то ни было, все более или менее значимые литературные события зарождаются не в космическом пространстве, они когда-нибудь, да случаются, и это неизбежно происходит в один из трёхсот шестидесяти пяти дней, заявленных в календаре. Сошлёмся на понятие лиминальных годов, обоснованное отечественным философом И. П. Смирновым. В русской культуре ими были, к примеру, 1845 – 1846 гг., от которых отсчитывается развитие реализма; 1894 – 1895 гг. – первый выпуск брюсовских «Русских символистов»; 1913 г. – время рождения футуризма. Рассуждение Смирнова о лиминальных годах посвящено работе Ханса Ульриха Гумбрехта «В 1926: на острие времени», в которой предпринята попытка культурного среза одного года европейской истории. В современной отечественной литературе есть аналог такого опыта – ежегодные книги – обзоры Льва Данилкина. Будучи вполне концептуальным исследованием, они в то же время ориентированы на жанр «топ-листа», перечня, более близкий критике.

Не претендуя здесь на полный охват эмпирического материала, сосредоточимся на двух качествах литературной современности: 1) её противоречивости; 2) её манипулятивных тактиках, с помощью которых современность пробивает себе дорогу.

Из чего же строится ангажированный текст? Прежде всего, из подвернувшегося под руку литературного материала. Так, Дмитрий Быков уличил Натана Дубовицкого в том, что писатель в своём нашумевшем романе «Околоноля» эксплуатирует многочисленные сюжетные ходы целого ряда современных художественных произведений, в том числе романов самого Быкова. В данном случае обвинение в плагиате выглядит тем пикантнее, что авторство «Околоноля» приписывалось известному политическому деятелю Суркову. Описанная в пелевинском «Generation P» сцена утопления некоего Бесинского в сельском сортире стала са-

краментальной, и она не исчерпывает набора актуальных намёков в этом романе (один из отрицательных героев, например, носит фамилию Азадовский, совпадающую с фамилией известного литературоведа и по совместительству одного из председателей Букеровского комитета). Ряд примеров можно продолжить.

В этом смысле трудно согласиться с известным социологом Борисом Дубиним, когда он пишет, что «слухи <...> не откристиализовываются в системе текстов письменной культуры <...> не становятся самостоятельной социальной силой и не откладываются в структурах соответствующих институтов» [2, 80]. Коммуникативная мода литературных сплетен, дрызг, слухов и жалоб не должна преуменьшаться. Когда-то именно из такой питательной среды возник Белинский, который начал карьеру в «газете мод и новостей».

В этой ситуации литература способна избежать «информационного шума» лишь путём вытеснения старых текстов новыми. Можно возразить, что у такой художественной эмпирии нет иной силы, кроме сугубо количественной, можно вспомнить, что Михаил Шишкин пишет по одному роману в пять лет, Сергей Гандлевский и вовсе – по два стихотворения в год, и эта скорость нисколько не мешает им оставаться выдающимися современными писателями. Но на фоне этого сокровенного творческого труда необходимо отдать должное и экстенсивному типу словесности, наиболее ярким представителем которой является сегодня, конечно, Дмитрий Быков – поэт и романист, сатирик и фантаст, эссеист и публицист, сценарист и мастер документальной биографии, наконец, журналист и обозреватель, для которого, кажется, нет «неподъёмных» тем.

Современность вообще склонна к тотальной тематизации фактической реальности, пусть и в ущерб точному дискурсивному знанию. Например, в акунинском цикле «Приключения Эраста Фандорина», выпускаемом издательством «Захаров», каждый роман снабжён соответствующим жанроуказующим эпитетом: «Азазель» – «конспирологический детектив», «Турецкий гамбит» – «шпионский детектив», «Левиафан» – «герметичный детектив», «Смерть Ахиллеса» – «детектив о наёмном убийце» и пр. Эти наименования ориентированы скорее на неискущённого читателя, чем на филолога: надо ли объяснять, что тематическая принадлежность характеризует жанровое своеобразие далеко не в первую очередь? Впрочем, имея в виду филологическую компетенцию Григория Чхартишвили, последовательно соблюдающего все жанровые конвенции в фандоринском цикле, можно быть уверенным, что вопиюще неточные жанровые наименования – одна из предусмотренных писательских «загадок», встречающаяся на первых же страницах и, соответственно, лежащая на поверхности.

Случай Акунина тем показательнее, что демонстрирует тонкое взаимодействие внутренней и внешней прагматики предлагаемых текстов: знание о некоторых профессиональных умениях «Бориса Акунина» работает на читателя. Впрочем, это качество не стоит и преувеличивать: неизвестно, в какой мере читающему «Пушкинский Дом» поможет знание о том, что его автор когда-то окончил горный институт. Виктор Шкловский в статье «О писателе и производстве» конца 1920-х гг. советовал писателям приобретать дополнительные профессии, утверждая в соответствии с лефовскими установками, что профессионализм является продуктом «изучения техники производства», а не «литературной учёбы у классиков», хотя в последующие шестьдесят лет самой надёжной профессией для мастеров пера стало всё-таки формальное членство в Союзе писателей.

В новых исторических обстоятельствах вопрос о профессионализме может быть понят предельно широко, включая и откровенно маргинальный опыт. Так, пребывая в следственном изоляторе «Лефортово», Эдуард Лимонов написал одну из самых ярких своих книг 2000-х гг. «Священные монстры», в которой своеобразно понятые герои истории (Пушкин, Достоевский, Сад, Жан Жене, Сервантес, Гагарин, Ницше, Гитлер...) вовсе изображены в перспективе трансгуманного пространства-времени. Ergo: каковы бы ни были топологические координаты события («параша, тюремный ватник, столик размером 30 × 60, два блокнота на нём, три ручки», как подчёркивает Лимонов), оно центрирует на себе социокультурное время, производит его и даже размыкает его рамки.

Что же касается социально-идейной ангажированности литературы «нулевых», партийности в эстетическом дискурсе, без которой, как считал Сартр, тот якобы отрывается от социореальности, то важнейшими механизмами контроля над беспокойным российским обществом в это время, если верить Виктору Пелевину, стали такие категории, как «дискурс» и «гламур», что соответствующим образом определило и специфику «литзаказа». «Гламур и дискурс – это два главных искусства, в которых должен совершенствоваться вампир. Их сущностью являются маскировка, контроль и, как следствие, власть <...> Всё, что ты видишь на фотографиях, – это гламур. А столбики из букв, которые между фотографиями, – это дискурс», – учит один герой другого в романе «EMPIRE V», имеющем многозначительный подзаголовок «Повесть о настоящем сверхчеловеке». В случае Сергея Минаева и Оксаны Робски (а также её многочисленных литературных «клонов») «дискурс» и «гламур», в самом деле, объединились, послужив главным источником вдохновения; собственно художественное качество этих текстов лежит за границами наших интересов.

Если в 1990-е гг., по оценке Бориса Дубина, «сколько-нибудь внятные идейные различия между партиями, ангажированными интеллектуальными группировками, оказались устранены или стёрты» [5, 487], то в 2000-е гг. появляется целый ряд произведений, в которых публицистическая, идейно-социальная составляющая является двигателем сюжета. Таковы, например, романы «Господин Гексоген» Александра Проханова, «Советник президента» Андрея Мальгина, «2008» Сергея Доренко, «Околоноля» Натана Дубовицкого, «Списанные» Дмитрия Быкова, пьесы, собранные в антологии «Путин. doc», рассказы, собранные Захаром Прилепиным в сборник текстов молодых «социальных» писателей «Десятка» (отнесём сюда и публицистические эссе самого Прилепина). В то же время, по наблюдениям Сергея Чуприна, этот оформившийся в 2000-е гг. публицистический импульс «присущ едва ли не исключительно сочинениям наших новых дилетантов, а литература статусная, в том числе и та, что создаётся авторами поколения next, пока отнюдь не торопится ни звучать, как колокол на башне вечевой, ни даже проникаться социальной (гражданственной) озабоченностью, с тем чтобы предъявить *utri et utri* прямую речь, которая могла бы (или, по крайней мере, хотела бы) непосредственно воздействовать на российское общество» [5, 487].

Несмотря на кажущуюся безыдейность современной эпохи, несмотря на снижающийся градус накала общественных дискуссий и исчезновение площадок для них, существует дискурс, который по-прежнему свысока взирает на любую текстовую продукцию, набивает себе цену за счёт нарочитой парадоксальности суждений и в то же время неотделим от сугубой доксы: слухов, сплетен, молвы. Это, конечно, литературная критика, а также прочие формы (около)литературной жизни типа жюри литературных премий. В некоторых случаях значение этого фактора для понимания русского романа 2000-х гг. никак нельзя преуменьшать: вспомним, к примеру, решение жюри Букеровской премии, не обнаружившего в произведении Алексея Иванова «Золото бунта» признаков романа. Это, однако, предмет отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брик, О. Фиксация факта / О. Брик // Киноведческие записки. – 2004. – № 69. – С. 319-320.
2. Дубин, Б. В. Речь, слух, рассказ: трансформация устного в современной культуре / Б. В. Дубин // Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С.70-81.
3. Жолковский, А. К. Портативное небо (интервью) // НГ Ex libris. – 31.08.2006. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/fakty/2006-08-31/2_zholkovski.html.
4. Медведев, П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику / П. Н. Медведев. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 195-348.
5. Чупринин, С. И. Русская литература сегодня: жизнь по понятиям / С. И. Чупринин. – М.: Время, 2007. – 768 с.

Петрухина О. А.
O. A. Petrukhina

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЕМКИ ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS OF OPERATIONS INVOLVING SEIZURE OF DOCUMENTS DURING INVESTIGATIONS OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Петрухина Ольга Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Тульского государственного университета (Россия, Тула); 8-920-751-09-98. E-mail: petrukhina7979@mail.ru

Ms. Olga A. Petrukhina – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Practice, Faculty of Law, Tula State University" (Russia, Tula); 8-920-751-09-98. E-mail: petrukhina7979@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые организационно-тактические особенности проведения выемки документов по делам об экологических преступлениях. Автором выделены виды документов, подлежащих выемке по рассматриваемой категории уголовных дел, наиболее типичные места их изъятия; проанализированы факторы, определяющие специфику применения тактических приемов при производстве данного следственного действия.

Summary. This paper examines some of the organizational and tactical aspects of operations aimed at seizure of documents during investigation of environmental crimes. The author distinguishes several types of documents subject to seizure under this category of criminal cases and the most typical places of seizure; factors are analyzed that determine the specific nature of applying tactical options for carrying out these investigative activities.

Ключевые слова: экологическое преступление, расследование уголовных дел, выемка документов.

Key words: environmental crime, investigation of criminal cases, seizure of documents.

УДК 343.985

Преступные нарушения природоохранных правил относятся к числу преступлений, выявить, раскрыть и расследовать которые невозможно без изъятия и последующего осмотра документов. Изучение практики расследования экологических преступлений показывает, что данная деятельность следователя (дознателя) сопровождается весь процесс расследования. Эта специфическая особенность объясняется тем, что без целенаправленного использования документальных данных не представляется возможным не только получить ценную информацию о соблюдении или нарушении конкретных природоохранных правил, но и выдвинуть обоснованные версии, составить план расследования, успешно подготовить и выполнить многие следственные действия.

В соответствии со ст. 182, 183 УПК РФ имеющие значение для дела документы могут быть получены в результате обыска и выемки.

Изучение и анализ уголовных дел об экологических преступлениях, показали, что по большинству из них (93 %) документы были изъяты в ходе выемки.

В зависимости от характера следственных ситуаций выемка документов может производиться, а иногда это и предпочтительно, на первоначальном этапе расследования, но, как показывает практика, она значительно предметнее применительно к последующему этапу расследования, в тот период, когда следователь располагает значительным объемом сведений [5, 448].

Изучив уголовные дела, возбужденные по признакам экологических преступлений, мы обнаружили некоторую закономерность: если расследование конкретных экологических преступлений является линией деятельности следователя, то его опыт позволяет проводить выемку уже на первоначальном этапе расследования.

Основанием для проведения выемки в ходе расследования экологических преступлений являются установленные следователем (дознавателем) данные о наличии у конкретного лица или организации документов, содержащих признаки экологического преступления, которые могут иметь значение для расследования данного дела. Такими данными могут быть: уголовно-процессуальные доказательства; материалы оперативно-розыскной деятельности; данные, полученные процессуальным путем, но не имеющие юридической силы доказательств; данные, полученные в результате розыскных действий субъекта расследования; сведения, полученные из средств массовой информации [2].

Документы, которые могут иметь значение для дела, бывают как в бумажном виде, так и зафиксированы в носителях электронной информации. Как показало изучение уголовных дел об экологических преступлениях, это в основном фотографии, видеосюжеты. Например, в рамках уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 247 УК РФ в отношении председателя ликвидационной комиссии ООО "ЖилСтройУправление", были изъяты, осмотрены и приобщены в качестве вещественных доказательств к уголовному делу: два CD-R компакт-диска, DVD-R диск, CD-RW диск с фотографиями и видеозаписями, сделанными во время утечки неочищенных и необезвреженных канализационных стоков [1].

Перед производством выемки в рамках расследования экологического преступления, следователь (дознатель) должен определить, какие именно документы, у кого и откуда должны изыматься [4, 213]. Это, во-первых, предполагает четкое представление о круге таких документов и содержащихся в них сведений. Невыполнение указанного требования может привести к изъятию не относящихся к делу документов либо к утрате или уничтожению документов, имеющих доказательственное значение, что окажет негативное влияние на весь ход предварительного следствия и в конечном итоге может привести к прекращению уголовного дела. Тогда как своевременное и полное изъятие документов в ходе выемки лишает преступников возможности уничтожить или скрыть от следствия доказательства их преступной деятельности.

Для того чтобы определиться с кругом подлежащих выемке документов по делам об экологических преступлениях, субъект расследования должен предварительно изучить нормативно-правовые требования по экологической охране той среды, которая была нарушена, с тем, чтобы иметь представление о технологических процессах ее защиты [3, 150]. В этом ему помогут нормативно-правовые и иные акты, регулирующие конкретную сферу природоохранных отношений, консультации со специалистами, а также ознакомление с материалами уголовных дел по аналогичным экологическим преступлениям, расследованным ранее.

Во-вторых, немаловажное значение имеет решение вопроса о том, у кого и где они могут находиться, в каком месте нужно производить выемку. По делам об экологических преступлениях документы могут находиться [6, 129]:

- 1) на самом предприятии, допустившем нарушение природоохранных правил;
- 2) в вышестоящих ведомственных организациях;
- 3) в органах государственного и ведомственного контроля (надзора);
- 4) в правоохранительных органах;
- 5) в жилище у лиц – участников уголовного судопроизводства.

Приняв решение о необходимости проведения выемки, следователь выносит мотивированное постановление, в котором указывается, какие именно документы подлежат выемке, где и у кого они находятся и в связи с чем должны быть изъяты. Если выемка производится из жилища, то в силу п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ требуется получение судебного решения. Затем предъявляет лицу, у которого она производится, требование добровольно выдать документы, подлежащие изъятию. В случае отказа выемка производится принудительно (ч. 5 ст. 183

УПК РФ). Под принудительным производством выемки понимается изъятие интересующих следствие предметов или документов вопреки несогласию лица, имеющего их в своем распоряжении и препятствующего изъятию, путем применения различных мер, связанных с преодолением сопротивления этого лица.

Согласно положениям ст. 170 УПК РФ понятые принимают участие в производстве выемки (за исключением выемки электронных носителей информации) по усмотрению следователя. Если понятые не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия становится обязательным. В том случае, если применение технических средств невозможно, следователь делает в протоколе соответствующую запись.

Как известно, основными тактическими приемами проведения выемки являются внезапность, полнота, активность, при этом недопустимо применять угрозы, насилие и иные незаконные меры, а равно создавать опасность для жизни и здоровья участвующих в ней лиц. Специфика применения тактических приемов зависит от объектов выемки и других факторов.

Анализ уголовных дел об экологических преступлениях показал, что к факторам, определяющим специфику применения тактических приемов при производстве выемки по рассматриваемым преступлениям, относятся:

1) необходимость работы сотрудников правоохранительных органов на значительных площадях. Данный фактор обуславливает привлечение количества сотрудников правоохранительных органов пропорционально помещениям, где производится выемка. При этом независимо от объективных причин, таких как нехватка времени, занятость в проведении иных следственных действий, необходимость одновременного проведения нескольких выемок и др., мы считаем, что субъект расследования не должен перепоручать проведение выемки органам дознания. Это снижает результативность проведения данного следственного действия, особенно, учитывая, что по экологическим преступлениям документы являются важными важнейшими источниками доказательств;

2) целесообразность привлечения к проведению выемки и осмотру специалистов и технических помощников. Чтобы выемка документов была целенаправленной и результативной, перед ее проведением желательно проконсультироваться у специалиста, а иногда и пригласить его для участия в этом следственном действии. Если же производится выемка электронных носителей информации, то в соответствии с прямым указанием в уголовно-процессуальном законе (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ) участие специалиста в сфере обращения с компьютерной техникой становится обязательным.

Специалист, во-первых, поможет определить, какие документы и за какой период времени целесообразно изъять; во-вторых, ориентировочно уточнит места их хранения; а, в-третьих, проведет предварительный осмотр изъятых документов и определит характер мер, направленных на обеспечение их сохранности и неприкосновенности.

Как показывает практика расследования экологических преступлений, участие в производстве выемки и осмотра технических помощников позволяет субъекту расследования за более короткий период времени просмотреть и изъять большое количество документов, т.е. рационально использовать время, необходимое для расследования.

Результат выемки оформляется протоколом, в котором обязательно указывается место нахождения документа, и производится подробная опись каждого изъятых документа вне зависимости от степени его доказательственной важности. Протокол подписывается всеми участниками, лицу, у которого производилась выемка, вручается копия протокола. Опись прикладывается к протоколу, а изъятые документы упаковываются, печатаются и удостоверяются подписями субъекта расследования, лиц, у которых была произведена выемка, и иных участвующих в ней лиц.

Круг документов, имеющих прямое или косвенное отношение к совершенному экологическому преступлению, достаточно обширен, но выемке подлежат только те из них, которые необходимо приобщить к материалам уголовного дела. К их числу могут относиться (в зависимости от конкретного состава конкретного преступления): акт санитарного обследова-

Петрухина О.А.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЕМКИ ДОКУМЕНТОВ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

ния предприятия очистных сооружений и установок; материалы о размере ущерба, причиненного загрязнением; акт технического осмотра отдельных аппаратов механизмов, а также акты выхода из строя очистных сооружений; выписки из приказов о назначении лиц, ответственных за эксплуатацию отдельных сооружений системы канализации; приказы, указания о технических регламентах, о ремонте элементов очистных сооружений; приказы, должностные инструкции, устанавливающие обязанности лиц, ответственных за безопасное для окружающей среды ведение работ; технические регламенты; письма, заявки, исходящие и входящие документы администрации и вышестоящих организаций, относящихся к поставке, приобретению или модернизации оборудования и др. [5, 448].

Таким образом, к организационно-тактическим особенностям производства выемки документов, характеризующих совершение экологического преступления, можно отнести: невозможность расследования преступных нарушений природоохранных правил без изъятия и осмотра документов; необходимость подготовки к производству выемки, с тем, чтобы иметь четкое представление о круге подлежащих изъятию документов и содержащихся в них сведений; важность участия специалистов с целью проведения наиболее эффективного изъятия и осмотра документов; необходимость привлечения технических помощников к просмотру изъятых в ходе выемки документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Калининского районного суда Тверской области за 2011 г.
2. Бакиров, А. А. Уголовно-процессуальные аспекты производства обыска и выемки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Бакиров. – Уфа, 2009.
3. Захарова, В. А. Теория и практика расследования нарушений правил охраны и использования недр: дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Захарова. – Псков, 2011.
4. Муратов, К. Д. Криминалистическое и процессуальное значение современной выемки по уголовным делам / К. Д. Муратов // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, д-р юр. наук, проф. Г. И. Грамовича: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: Акад. МВД, 2012.
5. Шурухнов, Н. Г. Тактика отдельных следственных действий, позволяющих разрешить некоторые следственные ситуации последующего этапа расследования экологических преступлений / Н. Г. Шурухнов // Актуальные проблемы права и правоприменения: сб. материалов седьмой Междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов-Липецк, 2012.
6. Яковлев, М. М. Выявление и расследование преступлений, связанных с профессиональной деятельностью / М. М. Яковлев. – Якутск, 2005.

Тайнов С. В.
S. V. Tainov

СПОСОБ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ КАПИТАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ

MODUS OPERANDI AS THE ELEMENT OF FORENSIC CHARACTERIZATION CONCERNING THE CASES OF EMBEZZLEMENT COMMITTED DURING CAPITAL CONSTRUCTION OF MOTORWAYS

Тайнов Сергей Викторович – адъюнкт Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Россия, Хабаровск); 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15; 89147718011. E-mail: svtainov@mail.ru

Mr. Sergei V. Tainov - Associate Professor, the Far-Eastern Law Institute under the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Khabarovsk); 680020, Khabarovsk 15, Kazarmenny Lane; 89147718011. E-mail: svtainov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности способа преступления как основного элемента криминалистической характеристики хищений, совершаемых при капитальном строительстве автомобильных дорог. В рамках криминалистической характеристики автор на примерах из судебно-следственной практики анализирует типичные способы подготовки, совершения и сокрытия хищений.

Summary. The paper considers the characteristic features of criminal modus operandi as the main element of forensic characterization of embezzlements cases committed during capital construction of motorways. Within the framework of forensic characterization, the author analyzes the typical ways and methods of embezzlement preparation, commitment and subsequent concealment of embezzled valuables, exemplified by cases taken from judicial and investigative practice.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, способ преступления, хищения, строительство, автомобильные дороги.

Key words: forensic analysis, ways of crime, embezzlements, construction, motorways.

УДК 343.985.7

В последние годы политика государства направлена на увеличение объема капитального строительства автомобильных дорог, что, как следствие, является неотъемлемым элементом развития транспортной инфраструктуры страны. Ежегодно на строительство в этой области в стране тратятся миллиарды рублей из государственного бюджета. Наиболее яркими проявлениями возведения такого рода объектов является строительство автодорог в рамках подготовки к проведению саммита АТЭС-2012 в г. Владивостоке и зимних Олимпийских игр в г. Сочи. Отмеченные процессы, безусловно, являются положительными факторами экономического развития Российской Федерации.

Однако наряду с этим сфера капитального строительства автомобильных дорог традиционно связана с большим оборотом материальных ценностей, что является благоприятной почвой для их хищения. Мы разделяем точку зрения С. В. Задерако о том, что «существует опасность массовой растраты предназначенных на вышеуказанные цели значительных финансовых средств. Об этом, в частности, свидетельствует высокий уровень коррумпированности должностных лиц, состоящих в противоправных связях с коммерческими

структурами и организованными преступными группами. Указанные преступные формирования разрабатывают сложные, изощренные комбинации, связанные с незаконным перечислением денежных средств. Характерным примером является организация тендеров на строительство с нарушением установленных правил для допуска к выполнению работ требуемой фирмы (фирм). В свою очередь фирма путем умышленного итогового завышения стоимости выполненных работ по строящимся объектам, возведенным, как правило, с нарушением проектно-сметной документации, необоснованно получает, помимо законной прибыли, ту разницу денежных средств, которая реально была затрачена на строительство при ее надлежащем выполнении. Нередко такие "разницы" гораздо больше фактической стоимости самого строительного объекта». [4, 127]

Сказанное красноречиво подтверждают примеры судебно-следственной практики. Например, Следственным комитетом Российской Федерации совместно со Счетной палатой и другими заинтересованными ведомствами выявлены многочисленные факты хищений, совершенных при капитальном строительстве кольцевой автомобильной дороги в г. Санкт-Петербурге. По предварительным данным было похищено не менее 1 млрд р. Аналогичный случай зафиксирован в Тульской области, где в ходе расследования выявлено хищение на сумму более 200 млн р., выделенных на строительство и ремонт автомобильных дорог (см. прим. 1). Ряд закономерных вопросов вызывает и требует следственной проверки обрушение подпорной стены трассы в г. Владивостоке, проложенной к саммиту АТЭС в 2012 г. К сожалению, приходится констатировать, что приведенные нами примеры не единичны и носят системный характер. Большой общественный резонанс вызвало возбуждение уголовного дела по факту множественных хищений, совершенных при строительстве федеральной автотрассы «Амур» сообщением «Чита – Хабаровск».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что хищения в сфере капитального строительства автомобильных дорог подрывают государственную политику экономического развития страны, негативно влияют на ее дальнейшее развитие. Создавшаяся ситуация, помимо ее констатации и анализа, требует незамедлительных действий по выработке криминалистических алгоритмов противодействия хищениям, воплощенных в методике расследования данного вида преступлений. Думается, что криминалистическая характеристика хищений в сфере капитального строительства автомобильных дорог будет выступать информационным фундаментом такой методики, а способ преступления – ее стержнем.

Приступая к рассмотрению способа преступления как основного элемента, составляющего архитектуру криминалистической характеристики хищений в сфере капитального строительства автомобильных дорог, необходимо кратко остановиться на понятийном аспекте данной криминалистической категории. Позволим себе опустить реферативное изложение встречающегося в специальной литературе многообразия определений криминалистической характеристики преступления. В качестве отправного пункта возьмем следующую дефиницию: «Криминалистическая характеристика преступления – вероятностная модель события и как таковая может быть основанием для вероятностных же умозаключений – следственных версий. Криминалистическая характеристика при этом играет роль своеобразной матрицы: она накладывается на конкретный случай и позволяет построить его вероятностную модель. Именно в этом заключается ее практическое значение, которое не следует преувеличивать, поскольку содержащееся в криминалистической характеристике знание носит не достоверный, а вероятностный характер. Но на начальном этапе расследования всякое истинное знание, даже вероятное, имеет высокую цену, поскольку позволяет следователю снизить информационную напряженность» [1, 657].

По нашему мнению, практическая значимость криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений заключается в наличии устойчивых закономерных взаимосвязей между ее структурными элементами. Анализ указанных корреляций, объективно отражая механизм преступной деятельности, позволяет эффективнее выстраивать алгоритм расследования. В частности, воплощенная в ней информационная модель способа преступ-

ления может быть положена в основу формирования типичных следственных ситуаций, выдвижения общих и частных версий, детерминирующих алгоритмизацию расследования, а также разработку и реализацию оперативно-тактических комбинаций, направленных на противодействие хищениям в сфере капитального строительства автомобильных дорог.

В свете сказанного также следует согласиться с мнением В. Ф. Ермоловича, который полагает, что «в обобщенном виде наиболее полно и точно практическое назначение криминалистической характеристики можно представить в следующей редакции: для повышения эффективности разработки и использования рекомендаций по анализу следственных ситуаций, построению и проверке версий, планированию расследования, организации и тактики проведения отдельных следственных действий, ревизионных и иных мероприятий, тактических операций и комбинаций, взаимодействию следователя с сотрудниками органов дознания, использованию помощи общественности и связанных с этим более частных задач по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений» [3, 15].

По мнению Н. Е. Мерецкого, на протяжении длительного времени способ преступления считался одним из главных элементов, изучаемых в период работы по уголовному делу [5, 132]. Разделяя эту точку зрения, полагаем, что способ преступления играет ключевую роль в системе криминалистической характеристики данного вида преступлений. Заметим, что во избежание терминологической путаницы, мы поддерживаем позицию Р. С. Белкина, предложившего употреблять термин «способ преступления» для интегрального обозначения способов осуществления всех этапов преступной деятельности [2, 765]. Анализ эмпирического материала убедительно свидетельствует о том, что при совершении хищений в области капитального строительства автомобильных дорог используется полноструктурный способ преступления, состоящий из подготовки, непосредственного совершения хищения и его сокрытия, объединенных единым замыслом расхитителя (расхитителей). Рассмотрим эти элементы более подробно.

Основные действия в рамках подготовки к совершению хищений при строительстве автомобильных дорог заключаются в определении объекта и предмета хищения, разработки способа и механизма реализации преступного замысла. Составной частью подготовки будет являться приобретение или изготовление документации, обеспечивающей совершение преступления. Так, по данным Следственного комитета РФ по Хабаровскому краю, в рамках расследования хищений, совершенных при строительстве федеральной трассы «Амур», установлено, что представителем подрядной организации были предъявлены к оплате государственному заказчику два акта выполненных работ, содержащих завышенные фальшивые сведения об истинном объеме выполненных работ (см. прим. 2).

Следует подчеркнуть, что способ хищения в сфере строительства автомобильных дорог имеет свою специфику. Суть ее заключается в крайней затруднительности, а то и вовсе невозможности совершения таких преступлений в одиночку. В связи с этим на первый план выходит задача подбора соучастников. При этом лица, вовлеченные в преступную деятельность, должны отвечать ряду специальных требований, обеспечивающих возможность совершения хищений. В первую очередь таковыми будут являться занимаемая должность расхитителя, предполагающая оперативное управление материальными и финансовыми потоками, выделяемыми для строительства автодороги, свободный доступ и работу с проектно-сметной и финансово-отчетной документацией, отражающей ход строительства, а также наличие необходимых, в том числе коррумпированных, связей. Вместе с этим соучастники преступления должны обладать рядом морально-волевых качеств, таких, например, как наличие специальных познаний в области капитального строительства автомобильных дорог, склонность к совершению хищений, преступный опыт и т.д. Вместе с тем, необходимо отметить, что нередко преступники в рамках подготовки к преступлению разрабатывают комбинации по использованию необходимых им должностных лиц, без доведения до них истинных мотивов и характера действий.

Наряду с вышеизложенным, подготовка может включать в себя действия по созданию и регистрации специальных фирм-однодневок. Их задачи весьма многоплановы, от участия в фиктивных тендерах на производство работ до обналаживания похищенных денежных средств, и зависят от конкретного механизма хищения. К элементам подготовки можно отнести включение условий обязательной предоплаты в договоры подряда, поставки, купли-продажи. Таким образом, можно сделать вывод о том, что подготовка к хищениям в сфере капитального строительства автомобильных дорог носит многокомпонентный характер и требует от преступников выстраивания криминальной модели способа преступления.

Говоря о непосредственных способах совершения хищений, подчеркнем, что такой процесс отличается большим многообразием, крайней изобретательностью и часто имеет длительный временной характер. Выбор способа хищения зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов: правовой защищенности отдельных направлений строительства, состояния охраны, учета и контроля на определенном предприятии, компетентности и добросовестности его руководителей, технической оснащенности и организованности расхитителей, их личных качеств, характера предмета посягательства. Как верно отмечает Е. А. Старцева, классифицировать эти способы преступной деятельности в строительной сфере достаточно проблематично, поскольку процедуры человеческой – будь то противоправной либо не противоправной – деятельности настолько разнообразны, насколько позволяет его изобретательность [6, 254]. Указанное обстоятельство, а также ограниченный объем настоящей статьи, вынуждает нас рассмотреть лишь наиболее распространенные способы совершения хищений при капитальном строительстве автомобильных дорог.

Анализ материалов судебно-следственной практики позволяет выделить следующие способы:

- завышение в финансово-бухгалтерской отчетности масштабов и стоимости якобы произведенного строительства относительно фактически выполненного объема работ. Так, Ефремовский районный суд Тульской области вынес обвинительный приговор в отношении должностных лиц ООО «Автострада». Установлено, что при выполнении работ по капитальному строительству автодороги «Лопатково – Первомайский» должен был быть использован грунт – мелкий песок из карьера «Тюртень», расположенного в 98 км от строительства. Однако подрядчик ООО «Автострада», стал добывать песок из незаконно разработанного карьера в 7 км от возводимой трассы. При этом в отчетную документацию включали ложные сведения о выполненных работах по перевозке песка, якобы из карьера «Тюртень». В результате ущерб, причиненный федеральному и областному бюджетам, составил 11.9 млн р. (см. прим. 3);

- включение в объем финансовых затрат на капитальное строительство автодороги денежных средств по ремонтно-строительным работам на других объектах, возводимых подрядной организацией. Иными словами, «криминальная экономия», заключающаяся в строительстве какого-либо объекта или его части за счет средств, выделяемых государством на капитальное строительство автодороги;

- использование при выполнении объема работ низкокачественных, соответственно более дешевых, строительных материалов. Например, в ходе расследования хищений, совершенных в рамках строительства автодороги «Кисловодск – Эльбрус» при реализации Федеральной целевой программы «Юг России на 2008-2012 гг.», установлены факты применения не установленных стандартом более дешевых материалов. В последующем в акты выполненных работ и справки были внесены заведомо ложные сведения с целью завышения размера оплаты данных работ (см. прим. 4);

- осуществление строительных работ посредством привлечения неофициальной рабочей силы, например, нелегалов-гастарбайтеров, без заключения с ними трудовых соглашений;

- строительство дороги силами подрядной организации с одновременным завышением затрат на строительство автодороги посредством заключения фиктивных договоров с организациями, которые, выступая субподрядчиками, якобы участвовали в возведении объекта;

- хищения выделенных строительных материалов, совершаемые путем необоснованного их списания под различными предлогами (брак, порча, потери при транспортировке и т.д.), занижение количественных и качественных показателей сырья при его получении. Как разновидность данного способа – экономия сырья, не отраженная в документах, заключающаяся в укрытии от учета неизрасходованных материалов с последующей реализацией их третьим лицам;

- хищения самой строительной техники. Например, Следственным комитетом РФ по Новгородской области предъявлено обвинение руководителю ОАО ДЭП № 77, который путем изготовления фиктивного протокола собрания совета директоров похитил асфальтосмесительную установку. Тем самым предприятию причинен ущерб на сумму более 11,5 млн р. (см. прим. 5).

Способы сокрытия хищений, совершаемых при строительстве автомобильных дорог, не менее разнообразны и детерминированы непосредственным способом совершения преступления. В частности к ним можно отнести:

- действия по сокрытию от учета и проведения проверок подлинных документов, отражающих истинный характер и объем выполненных работ. Так, подлежащие хранению бухгалтерские и прочие документы, в которых имеются следы преступной деятельности, расхитители во многих случаях уничтожают, маскируя это утратой, пожаром, затоплением помещений;

- использование подложных документов, камуфлирующих совершенное хищение;

- перевод похищенных средств на банковские счета других юридических и физических лиц, в том числе находящихся за границей;

- осуществление ликвидации дочерних предприятий, созданных для совершения хищений, либо реорганизации их в другие компании, сопряженные со сменой их руководства, частая смена юридического адреса и фактического местонахождения предприятия;

- осуществление комплекса мероприятий по банкротству подрядных организаций, осуществлявших строительство автодороги;

- оказание психологического давления в виде угроз, запугивания на сотрудников, располагающих информацией о фактах и объемах хищения. Практика показывает, что такие случаи встречаются редко и составляют 0,1 % от изученных нами уголовных дел.

В заключение можно сделать вывод о том, что способы хищений в сфере капитального строительства автомобильных дорог представляют собой сложный, многокомпонентный комплекс мероприятий по подготовке, совершению и сокрытию преступления. Сложность раскрытия обозначенных преступлений обусловлена наличием у расхитителей специальных познаний в области строительства, доступа к оперативному управлению материально-финансовыми потоками и наличием коррупционных связей.

Отмеченные нами обстоятельства, на современном этапе, требуют принятия незамедлительных мер по разработке частной криминалистической методики выявления и расследования данного вида преступлений. Информационную основу такой методики, по нашему мнению, должна составлять криминалистическая характеристика, центральное место в которой по праву занимает способ преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 971с.
2. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов / Р. С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.
3. Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.

Тайнов С.В.

СПОСОБ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ КАПИТАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ

4. Задерако, С. В. К вопросу о формировании частной криминалистической методики расследования корыстных преступлений в сфере строительства, связанных с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации / С. В. Задерако // Юрист-Правовед. – 2012. – № 3 (52). – С. 127-128.
5. Мерецкий, Н. Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Мерецкий Николай Евгеньевич. – М., 2001. – 476 с.
6. Старцева, Е. В. Характеристика способов преступной деятельности в сфере строительства / Е. В. Старцева // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – №2 (15). – С. 254-258.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Тульской области житель Москвы признан виновным в хищении бюджетных средств в размере более 191 миллиона рублей. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/news/155037>.
2. В Хабаровском крае расследуется уголовное дело по факту хищения свыше 7 миллионов рублей во время строительства участка федеральной автодороги «Амур» сообщением Чита-Хабаровск. Режим доступа: <http://www.skp27.ru>.
3. Дорожные хищения подняли из карьера. Газета «Коммерсантъ», № 219 (5004), 20.11.2012. – Режим доступа: <http://www.Kommersant.ru/doc/2071035/>.
4. По делу о хищении средств для строительства дорог утверждено обвинительное заключение. – Режим доступа: <http://www.akm.ru/news/2012/october/15/ns>.
5. В Новгородской области завершено расследование уголовного дела в отношении руководителя территориального управления Росимущества, директора дорожно-эксплуатационного предприятия и предпринимателя, обвиняемых в хищении дорожной техники. – Режим доступа: <http://sledcom-lo.ru/news/rus/2357>.

Чурилова Е. В.
E. V. Churilova

ПОДГОТОВКА И МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОИЗВОДСТВОМ ЛИБО СБЫТОМ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ, НЕ ОТВЕЧАЮЩЕЙ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

PREPARATION AND MECHANISM OF CRIMES CONNECTED WITH PRODUCING OR PUSHING OFF FOOD PRODUCTS, WHICH DO NOT MEET SECURITY REQUIREMENTS

Чурилова Елена Викторовна – аспирантка кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: evchurilova@mail.ru.

Ms. E. V. Churilova - Post-graduate student, Department of Criminal Law, the Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: evchurilova@mail.ru

Аннотация. Криминалистическая характеристика имеет большое значение для выработки рекомендаций, реализуемых в практике раскрытия и расследования преступлений. В ее структуру, на наш взгляд, входят следующие данные: о подготовке и механизме преступлений; способах совершения и сокрытия преступления; обстановке (времени и месте) совершения преступления; предмете преступного посягательства; свойствах личности преступника. В статье рассматривается подготовка и механизм преступлений, связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности.

Summary. Forensic characterization is an important scientific and completely independent conceptual category of criminology. It is used for rule-making to be implemented in the practice of solving and investigating crimes. Its structure, as the author believes, includes the following facts about: preparation and mechanism of crimes, modus operandi and the ways of crime concealing, the setting (time and place) of the commitment of a crime, the subject of criminal offence and the personality of a criminal. The paper deals with the preparation and mechanism of crimes connected with producing or distributing food products that do not meet safety requirements.

Ключевые слова: подготовка, механизм, преступление, криминалистическая характеристика, расследование, производство, сбыт, продукция, безопасность.

Key words: preparation, mechanism, crime, forensic, characterization, investigation, production, distribution off, products, safety.

УДК 343.985:343.347

Криминалистическая характеристика преступлений рассматривается в юридической литературе на протяжении многих лет и как ориентир широко используется в практике расследования.

В ее структуру, на наш взгляд, входят следующие данные: о подготовке и механизме преступлений; способах совершения и сокрытия преступления; обстановке (времени и месте) совершения преступления; предмете преступного посягательства; свойствах личности преступника. На первоначальном этапе раскрытия преступления при выборе направления расследования криминалистическая характеристика выступает методическим началом. Любое

преступление является индивидуальным, однако включает в себя и общие черты, которые присущи всем преступлениям. Например, в преступлениях, совершаемых определенной категорией лиц, очевидна повторяемость отдельных признаков и обстоятельств. Общие закономерности чаще всего видны в подготовке, способе совершения преступления и маскировке. Это как раз и позволяет выявлять типичное, которое отражается в криминалистической характеристике. В связи с этим именно криминалистическую характеристику условно можно назвать программой действий следователя по раскрытию преступления [4, 61]. Научное исследование подготовки и механизма преступления позволяет выявить и обобщить специфические особенности преступлений, связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности.

Деятельность субъекта, готовящегося к производству либо сбыту пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, включает подготовку к обозначенному преступлению, изготовление недоброкачественной пищевой продукции или устройство средств, орудий совершения преступления субъектами противоправной деятельности, а также преступный сговор на совершение преступления [2]. Под механизмом совершения преступления следует понимать «систему различных по форме и связям динамичных, последовательно развивающихся в определенных условиях, месте и времени процессов, отношений, действий, приемов, операций, а также их последствий, на всем протяжении преступного события, включая наступление общественно опасного результата, обусловленного деянием» [3, 119].

Истинный характер и содержание механизма преступлений, связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, устанавливаются по средствам совершения противоправного деяния [8, 17], характеру произведенной продукции, использованных упаковочных материалов, способу транспортировки и т.п. уже в процессе расследования. Однако у следователя с самых первых шагов возникает необходимость иметь представление о нем, а если осмотр места происшествия происходит до возбуждения уголовного дела, то до начала расследования. Правильной организации и планированию расследования, установлению конкретных мест совершения противоправного деяния, нахождению средств поиска доказательств содействует знание типичного механизма преступлений. И если это знание сочетается со знанием источников фактической информации, которая необходима для решения поставленной задачи, то получение положительного результата возрастает [5, 140, 41].

Изучение практики показало, что при организации производства фальсифицированных продуктов питания в первую очередь подготавливаются помещения, закупается оборудование для производства продукции, устанавливаются места приобретения сырья и материалов, подбираются специалисты, осуществляется комплекс действий, способных запустить производство.

Подготовку преступлений, связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, облегчают налаженные отношения с представителями предприятий, где осуществляется производство необходимых товаров на законных основаниях (например, с работниками рыбообрабатывающих заводов, мясоперерабатывающих комбинатов и т.д.), приобретение товара по низким ценам (оптом), как правило, низкого качества, с истекающим или истекшим сроком годности, переработка его, реализация и сбыт как высококачественного.

В подготовку обозначенных преступлений входят и действия по переводу недоброкачественной продукции в качественную. Так, в подсобных помещениях магазинов подпорченную колбасу протирают моющим средством, а затем растительным маслом, придавая тем самым ей товарный вид. Засохшую ливерную колбасу отмачивают в воде, вздутые стаканчики с йогуртом прокалывают иголкой, чтобы придать им первоначальный вид. В кафе и ресторанах из просроченных продуктов делают салаты, протухшие тушки курицы «облагораживают», обжаривают и сбывают потребителям.

Механизм производства и сбыта произведенной в кустарных условиях пищевой продукции может состоять в следующем: приобретение (добыча) сырья (это может быть незаконный вылов рыбы; скупка икры у местного населения, имеющего лицензии на отлов рыбы; покупка мяса у граждан, занимающихся животноводством; заключение договоров с индивидуальными предпринимателями, занимающимися поставками нерасфасованного чая и т.п.); транспортировка в подготовленные помещения (в основном используются частные дома, гаражи, старые заводские корпуса, склады приостановленных (разрушенных) предприятий, которых в каждом регионе России значительное количество); переработка сырья; расфасовка в маркированные коробки или банки (закатка продукции); наклейка этикеток (они либо похищаются на предприятиях, покупаются у лиц, которые их похитили, или печатаются на копировальном или полиграфическом оборудовании). Как правило, в процессе производства фальсифицированных товаров не соблюдаются правила пожарной безопасности, условия изготовления продукции не соответствуют санитарным требованиям, отсутствует официальная бухгалтерская документация, а ведутся только черновые записи, недоброкачественную продукцию перевозят нелегально к месту сбыта, сбывают только за наличный расчет. Нередко для организации совершения более тяжких преступлений используются доходы, полученные от такой деятельности.

Например, очень часто встречаются случаи незаконного производства некачественной, опасной для жизни и здоровья потребителей алкогольной продукции. Для этого приобретается оборудование для разлива напитков. Из республик ближнего зарубежья поставляется дешевое суррогатное сырье, из которого в дальнейшем производят алкогольные напитки, которые не соответствуют нормам стандарта [6], а зачастую очень опасные для жизни и здоровья потребителей. В таких случаях используются для сокрытия преступления фальшивые акцизные марки, товар сбывается оптом на продовольственных рынках, в киосках и магазинах, располагающихся в сельской местности.

Зачастую преступники, предполагая, что изготовленная продукция может повлечь массовое отравление, например, фальсифицированными водкой или лекарственными препаратами, готовят помещения и оборудование, которые в случае разоблачения можно было бы бросить, и их причастность к данному производству сложно бы было доказать.

В практике встречаются случаи, когда запрещенное производство сопряжено с разрешенным. Другими словами, открываются реальные фирмы, которые, кроме криминального, занимаются легальным производством. При этом арендуются помещения, устанавливается технологическое оборудование, приказами о приеме на работу оформляются сотрудники. Для такого рода деятельности характерно то, что сырье в большинстве случаев закупается законно, т.е. в торговых организациях составляются соответствующие договоры, накладные и т.д. Например, предприятие, выпускающее мясную продукцию, все ингредиенты, в том числе и мясо, закупает официально, при этом предоставляются необходимые документы и сертификаты соответствия, но, не имея лицензии на изготовление сарделек, такое предприятие занимается нелегальным производством данного продукта и оптовой поставкой его в торговые предприятия. В процессе создания всей продукции соблюдаются необходимые требования, поэтому почти невозможно отличить легальную продукцию от нелегальной. Бухгалтерская же документация при этом в основном всегда искажается, накладные на перевозку и сбыт товара составляются фальшивые.

Преступления, связанные с производством и сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, нередко совершаются также в системе предприятий, обеспечивающих население продуктами питания (кафе, рестораны, магазины).

В значительной степени механизм совершения преступления в таком случае определяется условиями производства и сбыта пищевых продуктов. Также влияет служебное положение работников и особенности той обстановки, в которой осуществляется их деятельность. Большое значение имеет уровень профессиональной подготовки работников, наличие или отсутствие физических контактов с пищевой продукцией, как они относятся к соблюде-

Чурилова Е.В.

ПОДГОТОВКА И МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОИЗВОДСТВОМ ЛИБО СБЫТОМ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ, НЕ ОТВЕЧАЮЩЕЙ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ

нию санитарных правил и др. На механизм совершения данных преступлений оказывают влияние такие взаимосвязанные обстоятельства: недостаточная компетентность в вопросах санитарии, личной гигиены; нарушения санитарно-эпидемиологических и технологических правил в процессе изготовления и сбыта пищевых продуктов; неправильное хранение либо просрочка сроков хранения и, как следствие, приведение в непригодное к употреблению состояние продукции; недоброкачественность пищевых продуктов в силу использования некачественного (дешевого) сырья и сбыт их населению. Сбыт товаров или продукции, не отвечающей требованиям безопасности, подразумевает продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы и т.д., т.е. любые способы их передачи (возмездной или безвозмездной) другим лицам, а также другие способы реализации.

Механизм сбыта пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, в системе предприятий, обеспечивающих население продуктами питания, может складываться из следующих действий: продавец, имеющий доступ к недоброкачественной пищевой продукции (например, просроченной), ответственный за ее утилизацию, имея преступный сговор с человеком, отвечающим за маркировку данной продукции, меняет этикетки со сроком годности и сбывает недоброкачественный продукт чаще всего через другие торговые точки либо через посредников. При этом ответственность за безопасность товара, а также за его качество в результате неоднократной смены их владельца последовательно размывается.

Рассмотрев подготовку и механизм преступлений, связанных с производством либо сбытом пищевой продукции, не отвечающей требованиям безопасности, мы считаем справедливым согласиться с мнением Р. С. Белкина, что механизм преступления охватывает такие элементы, как субъект преступления; отношение этого субъекта к своим действиям и их последствиям; предмет покушения; последствия совершенного деяния; обстановку преступления; поведение лиц, ставших участниками события, и др. [1, 119].

Таким образом, механизм совершения преступления может являться процессом совершения преступления, включая в себя способ совершения противоправного деяния и действия правонарушителя, сопровождающиеся образованием следов материальных и нематериальных, которые могут быть использованными для раскрытия преступления [7, 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Р. С. Криминалистика: краткая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М., 1993. – С. 119.
2. Белкин, Р. С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 140; Кручинина, Н. В. Проблемы теории и практики проверки достоверности уголовно-релевантной информации в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. В. Кручинина. – М., 2003; Образцов, В. А. Криминалистика: курс лекций / В. А. Образцов. – М.: Право и закон, 1996. – С. 41-45.
3. Бертовский, Л. В. Преступления, связанные с запрещенной экономической деятельностью: проблемы теории и методики расследования / Л. В. Бертовский // Черные дыры в российском законодательстве. – 2003. – № 1.
4. Гаврилин, Ю. В. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций / Ю. В. Гаврилин; под ред. проф. Н. Г. Шурухнова. – М.: Книжный мир, 2004. – С. 61.
5. Гасанов, А. М. Расследование преступного нарушения правил обеспечения безопасности пищевых продуктов: дис. ... канд. юрид. наук / А. М. Гасанов. – М., 2004. – С. 39.
6. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. – М., 2001; Стандарты для пищевых продуктов. – М.: ПРИБОР, 1998.
7. Криминалистика: учеб. / под ред. А. Н. Васильева. – М., 1971. – С. 8.
8. Пискунов, С. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых на потребительском рынке в сфере производства, хранения, сбыта товаров и выполнения работ, не отвечающих требованиям безопасности / С. А. Пискунов // Российский следователь. – 2010. – № 20. – С. 17-20.

Ларченко Ю. Г., Кеняйкина М. С., Кирюхина О. В.
J. G. Larchenko, M. S. Kenyaikina, O. V. Kiryukhina

**МЕТОДЫ ПЛАНИРОВАНИЯ ОБЩЕГО ОБЪЁМА ТОВАРООБОРОТА
РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

**METHODS FOR PLANNING THE TOTAL RETAIL TURNOVER
IN THE KHABAROVSK REGION**

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Ms. Julia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Кеняйкина Мария Сергеевна – студентка магистратуры 5-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: mary1992kms@mail.ru.

Ms. Maria S. Kenyaikina – MA student, 5th year, Department of Economics and Management, the "Commercial Business" academic program, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: mary1992kms@mail.ru.

Кирюхина Ольга Вячеславовна – студентка магистратуры 5-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kisune4ka_kvn@mail.ru.

Ms. Olga V. Kiryukhina – MA students, 5th year, Department of Economics and Management, the "Commercial Business" academic program, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kisune4ka_kvn@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются методические подходы к планированию товарооборота розничной торговли Хабаровского края.

Summary. The paper discusses several methodological approaches to planning retail turnover in the Khabarovsk region.

Ключевые слова: процесс планирования, розничный товароборот, товароборот розничной торговли, методы планирования.

Key words: planning process, retail turnover, turnover of retail trade, planning methods.

УДК 658.1(075)

В условиях рыночной экономики розничный товароборот является одним из важнейших показателей социально-экономического уровня развития любого региона страны. В этом аспекте он характеризует уровень благосостояния населения конкретной территории,

так как показывает объём потребительских расходов. С ростом покупательных фондов населения потребительские расходы населения также возрастают. При этом в структуре потребительских расходов наибольший удельный вес приходится на товары конечного потребления и меньшая доля – на сферу общественного питания [1, 106]. Поэтому в процессе анализа и планирования розничного товарооборота региона отдельным этапом выступает выявление тенденций развития товарооборота розничной торговли, под которым понимается объём проданных населению товаров через один канал реализации – розничную торговлю.

Планирование товарооборота розничной торговли региона является необходимым и обязательным этапом составления финансового плана территории, т.е. баланса денежных доходов и расходов. За счёт выручки розничной торговли в совокупности с доходами хозяйствующих субъектов других отраслей экономики формируется поступление в бюджеты всех уровней соответствующих налогов (налог на добавленную стоимость и акцизы). В результате рост товарооборота розничной торговли наравне с другими показателями обеспечивает увеличение доходной части бюджета экономики региона.

При планировании товарооборота розничной торговли как актуальной и практически значимой задачи в процессе управления экономикой территории возникает проблема выбора и обоснования использования соответствующего методического подхода к её решению.

В специальной экономической литературе описывается множество подходов к прогнозированию и планированию экономического поведения региона. Одной из последних моделей является САПСЭР – система анализа и прогнозирования структуры экономики региона, которая позволяет установить фазу экономического развития региона на основе системы социальных и экономических показателей. Однако данная модель носит комплексный характер и не может быть применена для планирования одного экономического показателя – товарооборота розничной торговли. В этой связи для планирования розничного товарооборота региона используем методические приёмы, распространённые на микроуровне, т.е. на уровне отдельных предприятий.

Планирование на предприятии – «процесс прогнозирования, разработки и установления на предприятии системы количественных и качественных показателей его развития, определяющей темпы, пропорции, тенденции развития данного предприятия и содействует выбору наиболее благоприятных путей к достижению целей» [2]. В экономике торговли выделяют следующие наиболее распространённые методы планирования большинства количественных показателей, в т.ч. розничного товарооборота:

- опытно-статистический;
- экономико-статистический;
- экономико-математического моделирования.

Для определения плановой величины товарооборота розничной торговли рассмотрим динамику данного показателя в Российской Федерации и Хабаровском крае за 2008 – 2012 гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Данные об объеме товарооборота розничной торговли

	Сумма, млн р.				
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Российская Федерация [3]	13944183,1	14599153,1	16512047,0	19104336,5	21394526,2
Хабаровский край [4]	110977,3	128533,2	144975,1	167132,3	184692,2

Из данных табл. 1 виден рост товарооборота розничной торговли как в целом по России, так и по Хабаровскому краю. При этом среднегодовой темп прироста оборота в России за последние 5 лет составил 11,37 %, а в Хабаровском крае – 13,6 %.

Опытно-статистический метод планирования товарооборота розничной торговли подразумевает установление тенденции развития показателя путём определения его среднегодового темпа роста (прироста):

$$PT_{пл} = \frac{PT_{ф} * T_{пр}}{100}, \quad (1)$$

где $PT_{пл}$ – плановая величина товарооборота, млн р.; $PT_{ф}$ – фактическая величина товарооборота, млн р.; $T_{пр}$ – среднегодовой темп прироста товарооборота, рассчитанный за последние 3 – 5 лет, %.

Однако стоит отметить, что отчетным в данном случае считается 2013 г., но, ввиду отсутствия статистических данных о фактическом размере объема товарооборота розничной торговли за этот год, принято решение о выборе прогнозного значения величины искомого показателя в качестве отчетного значения. Прогнозная величина товарооборота розничной торговли в 2013 г. составила 203640,0 млн р. [5].

В табл. 2 представлен среднегодовой темп прироста товарооборота розничной торговли в Хабаровском крае за 2008 – 2013 гг.

Таблица 2

Темп прироста товарооборота розничной торговли в Хабаровском крае

Показатель	Значение, %					
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Темп прироста товарооборота	-	15,819	12,792	15,283	10,507	10,259
Среднегодовой темп прироста товарооборота	12,932					

По формуле (1) плановая величина товарооборота розничной торговли Хабаровского края в 2014 г. составит 229974,92 млн р.

При планировании объема товарооборота с помощью экономико-статистического метода предполагается расчет скользящей средней о приросте показателя за ряд лет, предшествующих планируемому периоду. Пошаговый расчет плановой величины товарооборота по данному методу представлен в табл. 3.

Таблица 3

Планирование объема товарооборота розничной торговли Хабаровского края экономико-статистическим методом

Показатель	Год					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Темп прироста товарооборота, %	-	15,819	12,792	15,283	10,507	10,259
Скользящая средняя для ближайшего периода, %	-	-	-	14,632	12,861	12,016
Среднегодовое изменение прироста объема товарооборота, %	-1,308					
Прирост товарооборота на планируемый год, %	7,891					
Планируемый объем товарооборота, млн р.	219710,02					

Для определения плановой величины товарооборота также могут быть использованы методы экономико-математического моделирования. Наиболее распространенным является метод аналитического выравнивания, или трендовый метод, который позволяет выявить основную тенденцию развития какого-либо показателя.

На рис. 1 представлена динамика объема товарооборота розничной торговли Хабаровского края за анализируемый период.

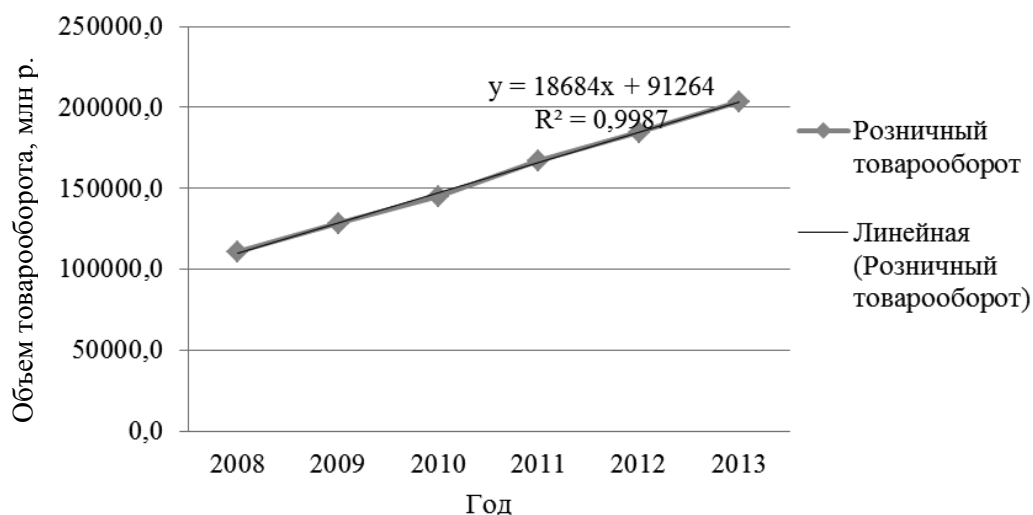

Рис. 1. Динамика изменения оборота розничной торговли Хабаровского края в 2008-2013 гг.

Из рис. 1 видно, что линейное уравнение на 99,87 % отражает фактическую динамику развития товарооборота розничной торговли Хабаровского края. В соответствии с уравнением линейного тренда прогнозный объем товарооборота розничной торговли в Хабаровском крае составит 222052,0 млн р.

Сравнивая результаты планируемого в будущем периоде объема товарооборота розничной торговли Хабаровского края, полученные разными методами, получим ряд выводов. Все рассмотренные методы планирования товарооборота основаны на сохранении сложившейся тенденции развития данного показателя и в будущем периоде. В этом случае главным фактором, влияющим на динамику товарооборота розничной торговли Хабаровского края, является время. Несмотря на общий подход данных методов к планированию результирующего показателя, прогнозные результаты значительно различаются. При этом результаты расчетов экономико-статического метода являются более точными по сравнению с результатами других рассмотренных методов. Метод скользящей средней позволяет учесть и сгладить случайные колебания показателя в плановом периоде. Вследствие этого можно допустить, что оптимальным прогнозным вариантом товарооборота розничной торговли Хабаровского края является значение 219710,02 млн р.

Вместе с тем данные методы не учитывают влияние отдельных конкретных факторов, например, изменения объемов продаж и цены на динамику оборота розничной торговли Хабаровского края. В этом случае метод экономико-математического моделирования позволяет составить уравнение парной или множественной регрессии зависимости результирующего показателя от одного или ряда внутренних и (или) внешних факторов [6].

Кроме этого, корреляционно-регрессионный анализ позволит дополнить и уточнить прогнозный объем товарооборота и, как следствие, принять оптимальное управленческое решение в области управления финансовыми потоками региона. В данной статье корреляционно-регрессионный анализ как способ планирования товарооборота розничной торговли Хабаровского края не рассматривается, т.к. является отдельной самостоятельной задачей исследования.

Однако проведём факторный анализ динамики указанного показателя с целью подтверждения необходимости планирования внутренних и внешних факторов, влияющих на его изменение. Для этого воспользуемся данными, представленными в табл. 1, результатами экономико-статистического метода и индексами роста цен на потребительские товары в Хабаровском крае. Динамика прироста товарооборота розничной торговли за счёт изменения объёмов продаж потребительских товаров и цен представлена в табл. 4.

Факторный анализ динамики оборота розничной торговли Хабаровского края выявил отрицательную тенденцию снижения объёмов продаж потребительских товаров в натуральном выражении. Несмотря на положительное влияние роста цен на увеличение товарооборота, в плановом периоде прогнозируется сохранение тенденции сокращения объёмов продаж потребительских товаров.

Таблица 4

Факторный анализ динамики товарооборота розничной торговли территории

Показатель	Сумма, млн р.					
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г. (прогноз)
Прирост оборота розничной торговли Хабаровского края всего	17555,9	16441,9	22157,2	17559,9	18947,8	16070,0
в т.ч.						
за счёт изменения объёма продаж потребительских товаров	110965,6	128519,8	144959,6	167114,8	184673,0	203619,2
за счёт изменения потребительских цен	128521,5	144961,7	167116,8	184674,7	203620,8	219689,2

Выводы, полученные авторами в ходе изучения методических приёмов к планированию товарооборота розничной торговли Хабаровского края, показали необходимость разработки комплексного подхода к решению данной задачи. Кроме этого, результаты факторного анализа позволили выявить проблему снижения потребления населением товаров конечного пользования, что, в свою очередь, отображает другую задачу территории – это изучение структуры покупательных фондов населения и направлений их расходования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липовка, Н. П. Реализация социального потенциала торговли через призму нововведений / Н. П. Липовка // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № 1-2(14). – С. 106.
2. Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Планирование_на_предприятии (дата обращения: 02.12.2013).
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/rozn/rozn21.xls (дата обращения: 15.09.2012).
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/macroeconomics/ (дата обращения: 25.11.2013).
5. Министерство экономического развития и внешних связей Хабаровского края [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://minec.khabkrai.ru/> (дата обращения: 25.11.2013).
6. Ларченко, Ю. Г. Функционально-стоимостной анализ качества образовательного процесса / Ю. Г. Ларченко, В. В. Литовченко // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2.

Маринченко Т.Н.

ОРДОЛИБЕРАЛИЗМ КАК КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Маринченко Т. Н.

T. N. Marinchenko

ОРДОЛИБЕРАЛИЗМ КАК КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ORDOLIBERALIZM AS THE THEORY OF NEW ECONOMY

Маринченко Тамара Николаевна – доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: marinchenkot@mail.ru.

Mr. Tamara N. Marinchenko – Associate Professor, Department of Economic Theory, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: marinchenkot@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретическая основа становления социального рыночного хозяйства – ордолиберализм, необходимость создания новой экономики, формирование перехода от естественного государства к социальному порядку – обществу открытого доступа, возможность использования опыта государств со сложившимся обществом открытого доступа.

Summary. This paper discusses a theoretical basis for the formation of a social market economy – ordoliberalism: a need to create a new type of economy and make a transition from natural state to social order - a society of open access; an opportunity to use the experience of developed open access societies laying down impersonal rules. Social conventions must be binding upon everybody regardless of the personality of individual society members or of its political leader. Open access societies demonstrate a better resistance to dynamic change.

Ключевые слова: естественное государство, общество открытого доступа, рамочные условия, ордолиберализм, Фрайбургская школа.

Key words: natural state, open access society, framework conditions, ordoliberalism, Freiburg School.

УДК 331

Необходимыми условиями реализации преимуществ новой экономики является создание благоприятной среды. На формирование такой среды направлена концепция инновационного развития, реализуемая странами Европейского сообщества с целью концентрации инвестиций в «экономику, основанную на знаниях» [6, 146].

Д. Норт рассматривает модели общественной организации, называя их социальными порядками. Естественное государство – это социальный порядок, который появился 5 – 10 тыс. лет назад. Естественные государства используют политическую систему для регулирования экономической конкуренции и создают экономические ренты. В начале XIX в. появляется социальный порядок в форме общества открытого доступа. Такой вид социального порядка регулирует экономическую и политическую сферы, используя выход на рынок и конкуренцию для упорядочения общественных отношений [2, 33].

В настоящее время концепция социального рыночного хозяйства сохраняет статус официально признанного ведущего направления экономической политики ФРГ. Изучение особенностей этой немецкой модели рыночной экономики и ее теоретического обоснования представляет актуальный научный и практический интерес для российского государства.

Переход к рынку требует изучения не только общих экономических закономерностей, но и национальных особенностей страны, использующей удачный зарубежный опыт «социального рыночного хозяйства» и «социального государства» в их истинном ордолиберальном значении.

Специфической чертой экономической мысли Германии стало особо заинтересованное, повышенное внимание к социальным, национальным и государственно-регулирующим аспектам хозяйственной жизни страны.

Так возникла новая теоретическая школа, получившая название «Фрайбургская». Главной школы стал Вальтер Ойкен, разработавший свою оригинальную теорию экономических форм, взаимодействия экономического, правового и политического порядков и других аспектов ордолиберализма. Главной спецификой и достижением Фрайбургской школы является теория хозяйственных порядков, в рамках которых протекают конкретные экономические процессы. Количество и многообразие экономических порядков, существовавших в мировой истории, неоспоримо, каждый из них был своеобразным, единственным в своем роде. Однако это своеобразие возникает из «сплава» ограниченного числа «чистых форм», по-разному сочетающихся в тех или иных хозяйственных порядках.

За всю историю человечества можно установить две основные чистые формы – это «централизованно управляемая экономика» и «рыночное хозяйство». Внутри каждого из этих идеальных типов существуют типы реальные, отражающие конкретное сочетание различных структурных экономических форм. Так, в рамках того или иного типа рыночного хозяйства наблюдаются различные варианты взаимосвязей таких форм, как монополия, частичная монополия, олигополия и конкуренция.

Таким образом, «хозяйственный порядок той или иной страны заключается в совокупности тех устойчивых форм, в которых ежедневно протекает экономический процесс» [4, 124]. Другими словами, конкретный хозяйственный порядок – это совокупность всех формальных и неформальных социальных институтов, норм и правил (как закрепленных в законе норм, так и обычаев), определяющих пространство и формы деятельности в данной экономике.

Хозяйственный порядок нельзя отождествлять с правовым порядком, хотя они и взаимодействуют между собой. В первом случае речь идет об относящихся к порядку хозяйственных фактах, а во втором – о правовых нормах.

По своему социальному и теоретическому содержанию наиболее близкой к понятию «хозяйственный порядок» является категория «хозяйственная конституция», которую Ойкен определил как «общее решение о порядке хозяйственной жизни той или иной общности» [4, 201].

Ордолиберальная трактовка конкуренции отличалась значительным своеобразием, присущим именно ей. В отличие от понятий «свободная» или «спонтанная» конкуренция классического либерализма эпохи *laissezfaire* и в отличие от понятия «совершенная конкуренция» неоклассиков, Фрайбургская школа разработала категорию «полная (добросовестная) конкуренция», которая действует в условиях определенного конкурентного порядка. Под конкурентным порядком понималась такая форма рыночного хозяйства, в которой рамочные, то есть институциональные, условия конкуренции активно обеспечиваются государством.

По теории Ойкена, государство лишь устанавливает конституирующие и регулирующие принципы конкурентного порядка. К ним относятся следующие принципы:

- поддержание стабильности денежного обращения с опорой на функционирующую систему центрального эмиссионного и коммерческих банков;
- «открытые рынки», то есть обеспечение гарантий доступа на рынки всем хозяйствующим субъектам как со стороны спроса, так и со стороны предложения;
- свобода договоров между хозяйствующими субъектами, исключая те соглашения, которые ограничивают свободу конкуренции (например, соглашение об организации картеля);
- признание полной хозяйственной и имущественной ответственности всех участников рынка, принимающих решения в домашних хозяйствах и фирмах;
- антимонопольное законодательство и контроль;
- осуществление политики доходов, направленной на их относительное выравнивание, но только там, где это не достигается действием конкурентного механизма;
- возможность регулирования цены труда в условиях аномального предложения рабочей силы;

– содействие конкуренции на основе стабильной экономической политики государства, облегчающей предсказуемость условий частного инвестирования, хозяйственного прогнозирования и планирования на микроуровне [1, 205].

С точки зрения Ойкена, преодоление социальной дисгармонии и конфликтов не есть нечто внешнее по отношению к рынку. Наоборот, национальный хозяйственный порядок – это такой порядок, при котором многие социальные проблемы облегчаются и разрешаются на основе высокоразвитого рыночного функционирования, где государственное воздействие играет лишь корректирующую роль. Основная задача государства – отнюдь не перераспределение необходимых благ всем гражданам, а обеспечение условий для свободной экономической деятельности индивидов, способных самостоятельно и эффективно создавать эти блага, чтобы пользоваться ими в качестве полноправных потребителей – участников рынка.

Обобщенная характеристика потребностей и порядков, нуждающихся в уравнивании между собой, содержалась в работе Мюллера-Армака «Социальное рыночное хозяйство» (1956 г.). Это, во-первых, необходимость сочетания всеобщего социально-экономического прогресса с эффективностью конкурентной рыночной экономики; во-вторых, это потребность в равновесии между правом на свободное заключение контрактов и функционированием антимонопольного законодательства; в-третьих, это равновесие между свободной экономической деятельностью отдельных предприятий и потребностями общерегионального и других видов хозяйственного регулирования. В более общем определении всеобщий экономический порядок страны должен основываться на равновесии между рыночной конкуренцией и техническим и социальным прогрессом.

Социальное «выравнивание» рассматривалось Мюллером-Армаком как ведущая и обобщающая задача социально-экономической политики. Под этим термином он подразумевал, прежде всего, сглаживание чрезмерных различий в доходах различных слоев населения и обеспечение социальной безопасности как участников производства и рыночных отношений, так и их потребителей.

По мнению Мюллера-Армака, важнейшим элементом стиля хозяйствования в социальной рыночной экономике является стремление к эффективной конъюнктурной политике, сочетающееся с тенденциями к росту занятости, доходов и равновесию платежного баланса, стабилизации денежного обращения, торможению инфляции. Высокая функциональность рыночной системы должна поддерживаться индивидуальной мотивацией к накоплению.

Прогнозируется развитие новых форм потребления и стиля жизни, отличительными чертами которых будут становиться человеческая солидарность, совместная защита природы и уменьшение эгоизма [1, 207]. Задача государства в новой экономике – формирование рамочных условий деятельности, общественных благ и услуг, которые дополняют рынок, предоставляющий открытый доступ для всех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маринченко, Т. Н. Становление российского рыночного хозяйства. Зарубежный опыт проведения региональной политики / Т. Н. Маринченко, Л. А. Крамплиц // Инновационное развитие современных социально-экономических систем: материалы международной науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 21 – 22 ноября 2009 г. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2009. – С. 203-208.
2. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст; пер. с англ. Д. Узланера. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 480 с.
3. Ойкен, В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен; пер. с нем.; под общ. ред. Л. И. Цедилина. – М.: Прогресс, 1995. – 230 с.
4. Ойкен, В. Основы национальной экономики / В. Ойкен; пер. с нем.; под общ. ред. В. С. Автономова, В. П. Гутника. – М.: Наука, 1996. – 360 с.
5. Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм: сб. статей германских авторов / под ред. В. Гутника. – М.: Экономика, 2002. – 145 с.
6. Яковлева, Т. А. Человеческий капитал – ресурс для инновационной экономики // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2(2). – С. 144-148.

Плоткина А. Р.
A. R. Plotkina

НОРМАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ КРИТЕРИЕВ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ON THE ISSUE OF NORMALIZING THE SYSTEM OF CRITERIA OF THE EFFECTIVENESS OF MANAGING THE VALUE OF RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES UNDER CURRENT CONDITIONS

Плоткина Анна Рафаиловна – кандидат экономических наук, профессор, заведующая кафедрой антикризисного управления и оценки собственности Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134, ХГАЭП, кафедра АУиОС; 8-(4212)-56-58-63, 8-914-770-95-08. E-mail: auos@mail.ru, annarpl@mail.ru.

Ms. Anna R. Plotkina – PhD in Economics, Professor, Head of the Department of Risk Management and Property Evaluation, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 680042, Khabarovsk, 134, Tikhookeanskaya Str., + 7 4212 565863, + 7 914 7709508. E-mail: auos@mail.ru, annarpl@mail.ru.

Аннотация. В данной статье автор методом сравнительного анализа привел к оптимальному представлению систему критериев результативности и эффективности управления стоимостью российских промышленных предприятий.

Summary. In the paper, the author using the method of comparative analysis tries to make an optimal representation of a system of criteria for effective management concerning the value of Russian industrial enterprises.

Ключевые слова: стоимость предприятия, управление стоимостью, критерий результативности и эффективности управления.

Key words: enterprise value, value management, management efficiency criteria.

УДК 338.45

В данной статье автор ставит цель – рассмотреть и привести к оптимальному представлению систему критериев результативности и эффективности управления стоимостью российских промышленных предприятий. Автор в своей работе исходит из того положения, что при нормализации критериев результативности и эффективности управления стоимостью российских промышленных предприятий стоит учитывать, что стоимость в управлении – это стоимость для конкретного заинтересованного лица или группы лиц, которые не собираются выставлять компанию на продажу. Оптимизация стоимости предприятия, с этой точки зрения, становится ведущей целью всей корпорации, а нормализация критериев результативности и эффективности управления стоимостью – приоритетной задачей.

Обратимся к рассмотрению финансовых показателей, среди которых наиболее универсальным признают добавленную экономическую стоимость (*EVA*). Благодаря этому показателю топ-менеджмент промышленного предприятия понимает, насколько эффективно он управляет стоимостью предприятия и насколько это управление выгодно для акционеров. Многие исследователи признают *EVA* самым точным финансовым критерием оценки эффективности управления стоимостью предприятия, так как его неотъемлемой частью является приведенная стоимость капитала, что позволяет учитывать инвестиции в недвижимое имущество, новые станки, научные разработки, влияние которых на финансовые показатели бу-

дет очевидно спустя продолжительное время. Это огромное преимущество данного метода, ведь нередки случаи, когда прибыль в бухгалтерском балансе вводит руководство предприятия в заблуждение относительно его финансовых успехов. На самом деле такое предприятие может работать себе в убыток, потому что прибыль не является единственным показателем финансового успеха. Это необходимо учитывать, что и позволяет сделать *EVA* [3].

Добавленная экономическая стоимость используется менеджментом предприятия на тактическом уровне, позволяя представить весь процесс создания стоимости и оценить эффективность управления ею. Благодаря использованию *EVA* топ-менеджеры начинают мыслить, как акционеры предприятия, что при привязке их заработной платы к этому финансовому показателю стимулирует к действиям по оптимизации стоимости предприятия, в том числе к тому, чтобы:

- обходиться без дополнительных вложений в операционную деятельность при наращивании операционной прибыли;
- увеличивать заемные средства предприятия до тех пор, пока их инвестирование не будет приносить доход, достаточный для того, чтобы их было выгодно привлекать и обслуживать;
- обеспечивать компенсацию потерь прибыли за счет экономии на плате за капитал, для чего необходимо высвобождение капитала и погашение кредита.

В одной связке с показателем *EVA* зачастую используется разработанный Boston Consulting Group показатель *RCF* (остаточный денежный поток). *RCF* призван отражать финансовую сторону деятельности промышленного предприятия [2]. Показатели *EVA* и *RCF* рассчитываются совместно, схему этой операции можно представить в следующем виде:

$$\begin{cases} EVA = NOPAT - WACC \cdot IC, \\ RCF = AOCF - WACC \cdot IC, \end{cases} \Rightarrow \begin{cases} EVA = (ROIC - WACC) \cdot IC, \\ RCF = (CFIC - WACC) \cdot IC, \end{cases}$$

где *NOPAT* – чистая операционная прибыль за вычетом скорректированных налогов (до выплаты дивидендов); *AOCF* – денежный поток от операционной деятельности; *WACC* – средневзвешенная стоимость капитала; *IC* – инвестиции в операционную деятельность предприятия; *ROIC* – прибыль на инвестированный капитал; *CFIC* – денежный поток для инвестиций в операционную деятельность предприятия.

Значение *ROIC* отражает эффективность использования капитала топ-менеджментом компании для получения прибыли, поэтому из всех перечисленных значений оно является важнейшим для определения экономического состояния промышленного предприятия. Чтобы охарактеризовать финансовое состояние предприятия, используется значение показателя *CFIC*, т. к. он способен показать эффективность использования активов предприятия для генерации денежного потока.

Это наглядный пример того, как показатели *EVA* и *RCF* эффективно дополняют друг друга. Благодаря их совместному использованию топ-менеджмент предприятия получает представление о состоянии двух сторон деятельности компании: экономической (*EVA*) и финансовой (*RCF*). Это позволяет избежать односторонней оценки эффективности управления стоимостью предприятия, что всегда было основным недостатком использования указанных показателей по отдельности.

Так же, как показатели *EVA* и *RCF*, связаны между собой показатели *NOPAT* и *AOCF*: если вся операционная прибыль *NOPAT* переходит в денежный поток *AOCF*, то величины *EVA* и *RCF* будут численно равны. В свою очередь, отношение операционного денежного потока к операционной прибыли $K_{МП}$ отражает объем потока финансов, необходимый для обеспечения операционной прибыли и, следовательно, характеризует финансовый цикл промышленного предприятия:

$$K_{МП} = \frac{RCF}{EVA} = \frac{AOCF}{NOPAT}.$$

Также полезно обратиться к таким показателям, как спрэды, а именно: финансовый спрэд (Se) и экономический спрэд (Sf) предприятия, которые рассчитываются по следующим формулам:

$$Se = ROIC - WACC,$$

$$Sf = CFIC - WACC.$$

Данные показатели позволяют руководству предприятия понять, эффективно ли оно управляет стоимостью предприятия. Если спрэды равны нулю, то это означает застой в работе предприятия; если спрэды отрицательны, то можно констатировать экономический спад; если же спрэды принимают положительные значения, то это говорит о росте стоимости предприятия. Подобная система показателей чрезвычайно удобна тем, что показатели EVA и RCF , $NOPAT$ и $AOCF$, в отличие от прочих показателей стоимости, могут быть рассчитаны на планируемые периоды в условиях формирования финансовой модели предприятия. Данные показатели предоставляют также возможность локальной оценки отдельных филиалов, а не всего предприятия в целом, если эти филиалы обладают относительной независимостью, а менеджеры обладают полномочиями принятия решений.

В свою очередь, необходимость обращения к нефинансовым показателям роста стоимости предприятия обусловлена их серьезным доказанным влиянием на стоимость. К числу нефинансовых показателей относятся такие нематериальные факторы, как связи предприятия с общественностью и его репутация среди деловых партнеров, профессионализм и опыт его персонала, инновационность производственных процессов, система внутренних коммуникаций, степень коммерциализации научных разработок – все то, что не может быть учтено в стоимости чистых активов, но фактически существует и работает на предприятии [1]. Примером показателя, отражающего способность менеджеров предприятия эффективно использовать нематериальные факторы роста стоимости промышленного предприятия, является коэффициент Тобина q , равный отношению рыночной стоимости предприятия к балансовой стоимости.

Как было упомянуто выше, управляющие предприятия не могут влиять на его стоимость непосредственно, а только путем воздействия на стоимостные драйверы. Под стоимостным драйвером мы понимаем любую переменную, которая влияет на стоимость предприятия и имеет количественное выражение. С этой точки зрения управление стоимостью осуществляется посредством управления стоимостными драйверами, а коэффициенты эластичности отражают их влияние на стоимость. Управление нематериальными факторами приводит к изменению значений их показателей и таким образом оказывает влияние на значения драйверов стоимости.

Однако не всегда воздействие на нематериальные факторы роста стоимости обеспечивает непосредственное влияние на стоимостные драйверы. Этот процесс можно проследить через цепочки причинно-следственных связей (ПСС). Для описания таких связей мы предлагаем универсальную логическую схему вида «если ..., то ...», которая может объединить как количественные, так и качественные показатели. ПСС показывает, что если проведение некоторого мероприятия приводит к изменению значения показателя A , то происходит изменение значения показателя B , которое влечет за собой и изменение показателя C . Величина изменения значения показателей B и C заранее не известна. Поэтому для описания ПСС между показателями должна быть выстроена цепочка причинно-следственных связей

$$A \uparrow \xrightarrow{\text{ПСС}} B \uparrow \xrightarrow{\text{ПСС}} C \downarrow.$$

Работа профессиональных сотрудников, обладающих определенной компетенцией, влечет за собой, например, улучшение качества оказания услуг, влияющих, как следствие, на удовлетворенность потребителей, что, в свою очередь, приводит к повышению нормы прибыли. Цепочки связей представляют влияние нематериальных факторов на стоимостные

Плоткина А.Р.

НОРМАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ КРИТЕРИЕВ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

драйверы. Управление нематериальными факторами приводит к изменению значений показателей этих факторов, одновременно меняются значения стоимостных драйверов, что, в свою очередь, отражается на стоимости предприятия. Управление стоимостью основано на вычислении драйверов роста стоимости, и главной его задачей является эффективное воздействие на эти драйверы. Фундаментальными драйверами стоимости являются прибыль, объем продаж, себестоимость продукта. Для более эффективного воздействия на драйверы, а значит, и для более эффективного управления стоимостью эти драйверы детализируются до оптимального для этих задач уровня (степень детализации в каждом случае индивидуальна и определяется рациональностью).

За определением главных нематериальных факторов роста стоимости, на которых будет концентрироваться управление стоимостью предприятия, следует процесс «установления причинно-следственных связей между ключевыми драйверами D_1, D_2, \dots, D_N стоимости и показателями ПНМФ1, ..., ПНМФМ ключевых нематериальных факторов НМФ1, ..., НМФМ роста стоимости предприятия». Данный метод ПСС позволяет проследить зависимость значений стоимостных драйверов от мероприятий, направленных на нематериальные факторы роста стоимости. Обычно об эффективности этих мероприятий судят по тому, как меняются коэффициенты эластичности.

Для оценки эффективности управления нематериальными факторами стоимости предприятия необходимо отслеживать полноту выполнения запланированных мероприятий, ПСС их влияния на ключевые драйверы стоимости, учитывать полученные результаты при принятии решений. Метод ПСС чрезвычайно полезен тем, что позволяет топ-менеджменту предприятия сохранять рентабельность активов и создает возможность использования экономической добавленной стоимости.

Важно отметить, что в процессе разработки показателей необходимо учитывать ПСС между ними. Система сбалансированных показателей предполагает взаимосвязи двух видов. Первый вид взаимосвязей – это связи, в той или иной степени поддающиеся оценке и выявляемые на основе имеющегося опыта или специальных исследований (например, реакция потребителей на изменение ассортимента продукции). Второй вид взаимосвязей представляет собой предполагаемые связи (например, связь увеличения зарплаты менеджерам и изменение объема продаж).

Таким образом, методом сравнительного анализа автором приведена к оптимальному представлению система критериев результативности и эффективности управления стоимостью российских промышленных предприятий, а также представлена авторская систематика результатов нормализации критериев результативности и эффективности управления стоимостью промышленных предприятий в России.

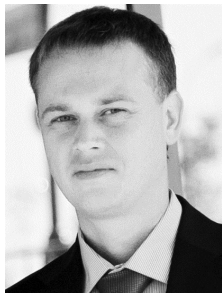
ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, А. Э. Модель управления нематериальными факторами роста стоимости / А. Э. Волков, Г. Л. Волкова, Г. Г. Чараев // Вестник МГТУ «Станкин». – 2012. – № 1 (19). – С. 122-127.
2. Кузнецов, Н. В. Оценка эффективности деятельности открытых акционерных обществ на основе показателей стоимости бизнеса / Н. В. Кузнецов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2011. – № 34. – С. 26.
3. Самбурский, А. М. Метод управления стоимостью компании, основанный на концепции сбалансированной системы показателей / А. М. Самбурский, М. Я. Ходоровский // Журнал экономической теории. – 2006. – № 2. – С. 75-87.
4. Яковлева, Т. А. Человеческий капитал – ресурс для инновационной экономики // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № III-4 (2). – С. 144-148.

Старцев Д. В.
D. V. Startsev

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ

IMPROVING THE EFFICIENCY AND PERFORMANCE OF PROPERTY MANAGEMENT COMPANIES

Старцев Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры «Маркетинг и коммерция» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681024, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, д. 21, кв. 218; 8-(914)-208-89-13. E-mail: star2080@bk.ru.

Mr. Dmitry V. Startsev – PhD Candidate, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681024, Komsomolsk-on-Amur, 21, Pervostroiteley Av., apt. 218; + 7 914 2088913. E-mail: star2080@bk.ru

Аннотация. В статье предложен один из наиболее эффективных, по мнению автора, вариантов воздействия и контроля над управляющими компаниями в сфере управления многоквартирными домами посредством формирования рейтинга на основе результатов оценки эффективности и результативности деятельности управляющих компаний.

Summary. This paper proposes, according to the author, one of the most effective methods to exercise control over property management companies in the area of managing apartment houses by way of forming a rating based on the evaluation of efficiency and performance of such businesses.

Ключевые слова: эффективность, результативность, управление, критерии оценки, рейтинг.

Key words: efficiency, performance, management, evaluation criteria, rating.

УДК 338:64

Вопросы, касающиеся жилищной сферы, всегда имели большую социальную значимость, поскольку они имеют отношение к подавляющему большинству населения. От функционирования и развития жилищной сферы как сектора экономики государства, а также ее частей – жилищного и коммунального хозяйства – зависят не только качество и комфортность существования людей, но и их безопасность.

Тема реформирования жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) широко обсуждается и в обществе, и в органах государственной власти, и в средствах массовой информации. Связано это с кризисным состоянием жилищно-коммунального комплекса, которое, в свою очередь, обусловлено неэффективной системой управления, высокими затратами, отсутствием мотивации к снижению издержек, связанных с оказанием жилищных и коммунальных услуг, неразвитостью конкурентной среды, отсутствием механизма социального контроля.

По данным портала Уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае, на протяжении всего времени существования данного института обращения граждан по вопросам некачественного оказания жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) занимают первое место среди всех обращений. Ежемесячно только в г. Хабаровске городской диспетчерской службой регистрируется более 10 000 жалоб на качество оказания ЖКУ. Наибольшее их количество касается, в частности, качества ремонта и содержания жилья и необоснованно высоких тарифов. Связано это, прежде всего, с отсутствием механизма контроля над деятельностью управляющих компаний (УК).

Сегодня жилищный фонд представляет собой сложные инженерные объекты, наполненные различными видами оснащения, для управления которыми необходимы специальные профессиональные кадры и оборудование. Поэтому закономерно, что с целью управления многоквартирными домами население (собственники) обращается за помощью к УК. Основными преимуществами УК перед другими формами управления являются их техническая оснащенность и наличие необходимого квалифицированного персонала.

Задачи, которые ставит собственник перед УК, – это, прежде всего, нормативное содержание и ремонт жилья, которые, в свою очередь, включают различные виды услуг. Собственник также вправе корректировать перечень предоставляемых услуг.

К сожалению, на практике, ввиду отсутствия системы оценки эффективности и результативности деятельности УК, механизма контроля со стороны общества и органов государственной власти, мы имеем многочисленные злоупотребления, которые заключаются в завышенных тарифах, низком качестве предоставляемых услуг, отсутствии конкуренции на рынке ЖКУ.

В 2012 г. в Жилищный кодекс РФ были внесены поправки, подразумевающие введение института саморегулируемых организаций (СРО) в области управления многоквартирными домами. По мнению законодателя, изменения, предполагающие введение СРО в сфере ЖКХ, должны позволить качественно переломить ситуацию в положительную сторону путем создания механизмов саморегулирования в деле управления многоквартирными домами. Для сохранения возможности работы управляющие компании с 1 сентября 2013 г. должны входить в одну из существующих на рынке СРО ЖКХ.

Внесенные в Жилищный кодекс РФ изменения обязывают компании, желающие работать в сфере ЖКХ, получать необходимую разрешительную документацию. Она может выдаваться государством (ЖКХ-лицензии) или саморегулируемыми организациями (допуски СРО ЖКХ). Государственное регулирование здесь предусмотрено для небольшого процента случаев, большинству управляющих компаний необходимо вступать в СРО ЖКХ.

При этом компании разрешается быть членом только одного профессионального объединения. Слабым местом данной инициативы является отсутствие единой и обязательной системы оценки эффективности и результативности деятельности УК. В настоящее время контрольные функции, осуществляемые СРО, на примере Хабаровского края в большей степени затрагивают узкие аспекты деятельности УК и не отражают полной картины. Примером могут быть проверки договоров, сертификации, наличия технической документации. Также вызывает сомнение открытость итогов той или иной проверки УК со стороны СРО ЖКХ.

Автором предлагается обязательное внедрение комплексной оценки деятельности УК, результатом которой должно стать формирование рейтинга управляющих компаний. Позиция в рейтинге для УК должна стать определяющим фактором при приеме СРО ЖКХ решения о продлении или отзыве допуска к оказанию услуг в сфере ЖКХ.

Деятельность УК регламентирована договорами между управляющей организацией и собственниками, согласно которым стоимость услуг УК включает компенсацию ее расходов на управление и вознаграждение за эффективность работы. Достижение показателей, используемых в расчете вознаграждения по критерию «эффективность управления», отражает интересы собственников. Для собственников, прежде всего, важны сохранность имущества, бесперебойное функционирование инженерных систем, адекватное соотношение стоимости и качества услуг. Сравнение показателей эффективности до и после привлечения управляющей организации позволяет оценить результат от привлечения УК.

Для определения эффективности и результативности деятельности УК должны быть уточнены цели УК в процессе управления объектами недвижимости. Пример уточнения целей УК приведен в табл. 1.

Цели управляющей компании

Первый уровень	Второй уровень
Обеспечение надлежащего технического состояния объекта недвижимости	Своевременное проведение техобслуживания и ремонта, надлежащая эксплуатация объекта
	Своевременное восстановление износа путем капремонта, модернизации, реконструкции
	Поддержание внешнего вида здания на высоком уровне
	Поиск альтернативных подрядчиков
Организация обслуживания клиентов	Заключение и ведение договоров с клиентами
	Организация работы с жалобами клиентов
	Участие в формировании программ социальной защиты клиентов
	Создание сервисных программ для клиентов (программ дополнительных услуг)
Обеспечение стабильного и безопасного функционирования объекта недвижимости	Соблюдение действующего законодательства, технических, санитарных и других норм и правил
	Обеспечение сохранности имущества клиентов и собственника
	Обеспечение экономической безопасности
	Обеспечение безопасности клиентов и персонала
	Страхование имущества
	Обеспечение надежного функционирования инженерно-технических систем
	Создание системы слежения за состоянием объекта и его функционированием
Повышение доходности недвижимости	Разработка программ повышения доходности объекта
	Сбор квартирной, арендной плат и других платежей
	Обеспечение сохранности денег
	Фиксирование задолженностей и организация работы с должниками
Минимизация издержек по эксплуатации и управлению объектом недвижимости	Разработка стратегии минимизации издержек
	Внедрение новых технологий
	Исследование рынка стройматериалов, трудовых ресурсов, услуг, недвижимости
	Оптимизация запасов
Повышение престижа владельца объекта недвижимости (заказчика)	Участие в конкурсах
	Разработка и реализация маркетинговых программ
	Подбор квалифицированного персонала
	Создание сервисных программ (дополнительных услуг) для заказчика

Предлагаются следующие критерии оценки работы УК:

1 *Обеспечение надлежащего технического состояния объекта недвижимости:*

а) наличие и состояние технической документации на находящиеся в управлении здания и объекты инфраструктуры;

б) наличие документации по результатам осмотров объектов жилищного фонда;

в) объем выполненных работ по текущему ремонту;

г) наличие документации по подготовке к сезонной эксплуатации;

д) улучшение показателей технического состояния объекта недвижимости.

2 *Работа с собственниками и арендаторами:*

а) количество жалоб по договорам обслуживания;

б) количество жалоб на санитарное состояние;

в) количество жалоб на благоустройство прилегающей территории;

г) процент сбора платежей;

д) количество жалоб на ресурсобеспечение (электро-, газо-, теплоснабжение);

е) количество жалоб на невыполнение или низкое качество текущего ремонта.

3 *Работа с поставщиками и подрядчиками:*

а) количество заключенных (расторгнутых) договоров;

б) количество претендентов на выполнение подрядных работ;

- в) наличие квалификации у подрядных организаций (лицензии, допуски и пр.);
- г) количество жалоб подрядной организации на УК.

4 Опыт работы, квалификация персонала:

а) опыт работы в сфере ЖКХ;

б) наличие специального и управленческого образования, стаж работы по специальности у руководства УК;

в) наличие специального образования и опыта работы у специалистов УК;

г) соответствие организационной структуры целям компании.

5 Качество управления:

а) количество претензий со стороны жилищной инспекции;

б) средний срок устранения неисправности;

в) процент увеличения (уменьшения) доходности от эксплуатации объекта;

г) показатель текучести кадров;

д) количество отрицательных отзывов о сотрудниках компании со стороны собственников объекта;

е) количество просроченной дебиторской задолженности со стороны жильцов;

ж) процент снижения (увеличения) издержек по управлению объектом недвижимости.

б Финансовое положение. Оценка финансового состояния УК выполняется на основе:

а) бухгалтерского баланса;

б) отчетов о прибылях и убытках;

в) движения денежных средств;

г) данных первичного и аналитического бухгалтерских учетов, которые расшифровывают и детализируют отдельные статьи баланса.

СРО ЖКХ ежегодно необходимо проводить оценку деятельности управляющих компаний, а следствием данной работы должно стать формирование их рейтинга. При определении рейтинга УК должны учитываться опыт работы компании на рынке, уровень квалификации персонала, оценки спектра предоставляемых услуг, клиентской базы, репутации компании и т. д. Для получения определенного рейтинга необходимо будет набрать соответствующее количество баллов. Высокий рейтинг компании будет свидетельствовать о надежности УК и высоком качестве оказываемых ею услуг. Отчеты СРО по оценке деятельности УК и итоговый рейтинг УК должны носить открытый характер. В этом случае потребитель будет иметь возможность выбора той или иной УК, полагаясь на экспертную оценку со стороны СРО ЖКХ. Это также позволит освободить рынок от недобросовестных и неэффективных компаний в сфере ЖКХ. В борьбе за потребителя УК будут вынуждены повышать качество предоставляемых услуг при оптимизации их стоимости. Вместе с этим необходимо ужесточить ответственность СРО ЖКХ за возможную фальсификацию данных.

В настоящее время все больше регионов России проводят самостоятельную работу по разработке и утверждению критериев оценки управляющих компаний. По мнению автора, одними из важнейших условий в данной работе должны стать не только подробный анализ деятельности управляющих компаний, создание рейтинга, но и открытость итоговой информации для населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ольве, Н.-Г. Оценка эффективности деятельности компании. Практическое руководство по использованию сбалансированной системы показателей / Н.-Г. Ольве, Ж. Рой, М. Веттер. – М.: ИД Вильямс, 2004. – 304 с.
2. Меркушева, И. С. Формирование и реализация стратегии организации на основе сценарного подхода: моногр. / И. С. Меркушева, О. В. Несмачных, В. В. Литовченко – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – 211 с.
3. Бурдакова, Г. И. Организационный подход к сущности и управлению развитием муниципальных образований / Г. И. Бурдакова, В. В. Литовченко // *Фундаментальные исследования.* – 2013. – № 9. – С. 1213-1222.

Мерецкая М. Н.
M. N. Meretskaya

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ РЕТРОСПЕКТИВНОГО И ПЕРСПЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА ОСНОВЕ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

THE FEATURES OF THE APPLICATION OF METHODS OF RETROSPECTIVE AND PROSPECTIVE ECONOMIC ANALYSIS BASED ON THE CONTRACT OF SUPPLY

Мерецкая Мария Николаевна – аспирантка кафедры «Экономический анализ» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия, Москва); 8 495 396 64 01; E-mail: againme@ya.ru

Ms. Maria N. Meretskaya – PhD Candidate, Department of Economic Analysis; The Financial University Under The Government Of The Russian Federation (Russia, Moscow); 8 495 396 64 01; E-mail: againme@ya.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается использование перспективных и ретроспективных методов экономического анализа, информационной базой которого выступает договор поставки и сопутствующие ему учетные и внеучетные источники информации для анализа произведенной сделки – сбор и анализ полученной информации, справедливость затрат и степень эффективности сделки, а также выявление дальнейших перспектив поставочной деятельности.

Summary. This article discusses the use of prospective and retrospective methods of economic analysis, information basis which supports the contract of supply and the accompanying its accounts and complementary sources of information for the analysis produced by the transaction - the collection and analysis of information, the validity of the costs and the effectiveness of the transaction, as well as identifying future prospects supply activities.

Ключевые слова: Договор поставки, перспективный экономический анализ, ретроспективный экономический анализ, информационная база, аналитическое обеспечение.

Key words: Contract of supply, prospective economic analysis, retrospective economic analysis, information basis, analytical support.

УДК 657.6:347.751.7

Договор поставки является одним из самых распространенных правовых документов, которые участвуют в бизнес процессах. С одной стороны использование договора поставки является следствием особенностей ведения бизнеса, с другой - источником экономической информации, которая играет важную роль в формировании информационной базы перспективного и ретроспективного экономического анализа.

Важной составляющей рассматриваемой в статье методики является то, что она берет за основу информацию, сформированную по каждому отдельному контрагенту, а ее источниками выступают для ретроспективного анализа договоры (иные документы) поставки совершенных сделок, учетные документы по понесенным затратам и выписки из банка о полученных суммах в хронологическом порядке, а так же аналитическая информация, которая содержит долю прибыли от сделки в общей сумме полученных доходов, долю расходов в общей сумме затрат и иные расчеты с выводами специалистов о проведенной сделке и ее эффективности. Хронологическому порядку формирования информационной базы уделяется особое внимание, потому что для ретроспективного анализа важно восстановить картину

прошлого как можно подробнее, потому что это может повлиять не только на разработку дальнейшей договорной политики предприятия, но и выявить причины дебиторской задолженности в исследуемые сегменты времени. Информационная база может храниться в электронном виде, потому что договорная политика не является законодательно закрепленной обязанностью для предприятий и необходима тем фирмам, которые имеют обширную клиентскую базу и большой поток совершаемых сделок. Так же ведение информационной базы и договорной политики позволяет экономить денежные средства, временные и трудозатраты на поиск информационных источников в общей базе учетных документов, отпадает необходимость в постоянном мониторинге за ходом сделки и позволяет накапливать опыт совершения сделок как, в общем, так и с конкретным контрагентом.

Ретроспективный анализ берет за основу фактические данные прошлых периодов, и его главной задачей является определение резервов для будущей деятельности. Резерв можно рассматривать не только как образовавшийся излишек какого-либо ресурса, но и брать во внимание его другую сторону - упущенную возможность компании повысить эффективность ее деятельности. Так же в случае с анализом поставочных отношений, весьма существенным является зафиксировать данные по резервам для того, чтобы в дальнейшем скорректировать договорную политику.

Не смотря на то, что ретроспективный экономический анализ как таковой ставит несколько целей, где одна вытекает из другой - определение резервов, аналитическое обеспечение управленческих решений и повышение эффективности деятельности компании, его роль в виду этих задач проводит определенные границы, связанные с расчетом показателей прошлых лет.

Целью проведения перспективного анализа является необходимость в определении дальнейших тенденций развития, выявление причин тех или иных явлений, которые лежат за пределами учетно-аналитической информации и др. Как правило, перспективный анализ проводится в виду сложностей сделок повышенной важности и для исследования деятельности компании в целом. В виду целей и задач перспективного анализа, а так же с учетом его затратности, он используется редко. Перспективный анализ проводится на основе эвристических методов (безкритериальные и критериальные методы оценки, оценочно - поисковые методы и пр.) группой специалистов (иногда приглашенных). Группа специалистов определяет требования к анализируемой информации и выявляет направления ее исследования, а в конце методом «паутины», тестирования или вопросов, объединяет результаты исследования и выносит решение на их основе.

Если рассматривать договор поставки как основной источник информационной базы по сделке, в отечественной договорной практике, мы сталкиваемся со следующими подводными камнями, а именно:

- форма и содержание договора поставки выражается предельно кратко, лишая аналитика дополнительной информации по механизму формирования цены у поставщика, а так же не включает информацию по издержкам;

- в отечественной практике слабо развита концепция договорной политики, которая в западных странах существует наравне с учетной политикой и уставом, поэтому отсутствие данного типа формирования информационной базы сильно сужает границы экономического анализа;

- законодательство содержит довольно-таки поверхностную информацию о договорах поставки в практике ведения бизнеса, приравнивая их к договору купли-продажи, что юридически не корректно (предметом договора купли-продажи является товар, когда как в договоре поставке – цена), в силу этого к договору как к необходимому звену деловых отношений довольно-таки посредственное применение.

Договорная политика предприятия должна закреплять основные методы формирования цен на продукцию, описывать систему дисконтирования и иные условия совершения сделки. Данный свод правил должен служить для того, чтобы порядок совершения сделки

имел четкие границы, фиксированное содержание и отражал возможные пути разрешения тех или иных спорных вопросов. Формирование цены должно быть основой, от которой отталкивается поставщик для составления и заключения договора поставки. Зачастую предприятия имеют лишь смутные представления о данной методике, однако ее значение трудно переоценить. К сожалению, поставщик понимает методику формирования цены как себестоимость продукции плюс некоторая надбавка, которая после определенных вычетов будет составлять чистую прибыль организации, однако, подобная система не способна обеспечить предприятие, пусть и не средствами к существованию, но возможностью гармоничного роста в рамках стратегии развития бизнеса и понимания бизнес процессов. Методика ценообразования включает в себя наибольшее количество факторов, влияющих на конечный результат, фиксируемый в договоре, однако, посредственное отношение к подобным вещам влечет зачастую несанкционированные растраты, которые не оправдываются резервом по ним, а значит и упущенными возможностями.

Если предприятие уже имеет сложившуюся модель бизнеса, то подобное нововведение не станет преградой по реализации поставленных задач, таких как увеличение прибыли, повышение эффективности деятельности разных сегментов бизнеса и др. Четкое понимание состава цены дает для поставщика возможность скорректировать ее, а грамотное изложение и пояснение в договоре поставки вместе со стоимостным содержанием факторов, дает покупателю шанс скорректировать ее в зависимости от своих предпочтений и несет в себе глубокое доверие контрагентов.

Ведение информационной базы по каждому отдельно взятому контрагенту в рамках договорной политики предусматривает не только возможность для проведения ретроспективного экономического анализа, но и позволяет рассматривать бизнес с точки зрения договорных отношений и поиска новых возможностей. Перспективный анализ несет в себе задачи по выявлению тенденций как на основе количественных данных ретроспективного анализа, так и с использованием неколичественных методов по исследованию информации. Договор поставки несет в себе куда более широкий смысл и фундаментальное значение для деятельности компании, чем принято считать и повышение его роли в аналитическом направлении способно открыть перспективные направления ведения бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимова О.В. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений / О.В. Ефимова; 3-е изд., испр. и доп. - М.: Омега-Л, 2010. – 351 с.
2. Мельник М.В. Неколичественные методы экономического анализа и их роль в обосновании управленческих решений. / М.В. Мельник // Школа университетской науки: парадигма развития. – Тольятти: ПВГУС, 2010. - С. 18 - 30

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Костюрина Н. Ю.
N. Y. Kostyurina

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. С. МАЛАХОВА «КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ». – М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ; ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН, 2014. – 232 С.

A REVIEW OF THE MONOGRAPH: V. S. MALAKHOV “CULTURAL DIFFERENCES AND POLITICAL BOUNDARIES AT THE TIME OF GLOBAL MIGRATION”. – MOSCOW: NEW LITERARY REVIEW, INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2014. – 232 P.

Владимир Малахов, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, директор Центра изучения проблем гражданства и идентичности Института философии РАН, профессор факультета социологии и политологии Московской высшей школы социальных и экономических наук, опубликовал новую книгу, в которую вошли статьи, частично знакомые читателям по журнальным версиям «Отечественных записок», «Социса» и др.

Объединяет их проблематика, обозначенная автором как природа границ. В трех тематических блоках понятие границы уточняется и конкретизируется; речь идет о так называемых «национальных границах» (границах между обществами, существующими как современные нации-государства), границах внутри национальных сообществ (между группами, которые могут быть выделены по целому ряду критериев). Как частный случай границ внутри национальных сообществ рассматриваются границы между гражданами и не гражданами: ряд статей посвящен политике гражданства.

Основной пафос книги, как представляется, заключается в утверждении: «культурные и политические границы редко совпадают» (с. 10). Проблема культурного (языкового, конфессионального, мировоззренческого, бытового и т.п.) многообразия рассматривается В. Малаховым в соотношении с политическими, экономическими целями разных государств (в том числе и России). В первую очередь автора интересуют концепты «нация» и «этнос», которые представляются как целенаправленно конструируемые способы описания и структурирования социальной реальности.

Если очень утрировать концепцию, то можно получить следующую схему:

1. Конгруэнтность культурных и политических границ – залог суверенитета современного государства, обуславливает его легитимность и осуществляется путем навязывания единого культурного образца всему населению. Забота государства о «сохранении национальной культуры» в действительности оказывается искоренением культурного разнообразия, нивелированием форм народной, региональной, этнической культур и социально-классовых различий. «Современные государства – это устройства по приведению в соответствие друг с другом культурных и политических границ», – утверждает В. Малахов (с. 13), а национальная культура – это «негласный “общественный договор”, [который] выдается за “естественное состояние”» (с. 23).

Задача государства – обеспечить себе возможность формировать идентичность граждан и управлять ею. Для этого государство контролирует процесс производства и распространения смыслов. Для граждан уверенность в культурно-символическом господстве – условие психологического комфорта (с. 77), компенсирующего социальную и материальную несостоятельность.

2. В ситуации глобальной экономической конкуренции защита и продвижение национальной культуры становится частью стратегии государства (с. 27).

Глобализация парадоксальным, на первый взгляд, образом «способствует и культурной стандартизации, и увеличению культурного разнообразия» (с. 28). Мировой рынок нуждается в культурных различиях: это товар, на который есть спрос. Запрос на различие, притя-

зание на самобытность, борьба за идентичность (с. 63) обуславливают «второе рождение» культурных меньшинств (с. 29).

В. Малахов анализирует варианты самоидентификации человека, убедительно показывая, что современный человек все реже соотносит себя с территорией, на которой живет, и со страной, гражданином которой он является; при отсутствии правового равенства и культурного тождества возникает специфическая форма социума – «разделенное общество».

Современная культура (и в глобальном масштабе, и в масштабе конкретных государств) представляется весьма неоднородной, что на официальном уровне государствами признается в разной степени.

3. Одной из форм увеличения неоднородности оказывается миграция. Миграции играли важную роль в истории, однако сегодня память об их значении вытесняется и формируется представление об оседлости как норме, а миграции как аномалии, – утверждает исследователь. Политика государств в отношении мигрантов различна, но в конечном счете вопрос сводится к следующему: готово ли государство ассимилировать мигрантов и взять на себя ответственность за их благосостояние или предпочитает избежать этой ответственности, скрывая истинные цели за риторикой уважения к культурному своеобразию мигрантов.

4. Автор утверждает, что «случай России» затронут в работе «лишь косвенно», однако и аналогии напрашиваются сами собой, и ситуативный анализ российского материала позволяет выводы сделать.

Этничность, по мнению исследователя, была превращена в институт в советское время (с. 58), использовалась как средство структурирования населения и территории, обуславливала доступ сограждан к культурным благам. Советское общество было многообразным на уровне повседневных практик и репрезентативно однородно на уровне официальном, потому «этничность» не имеет смыслового наполнения, оказывается «пустым означающим».

Современная российская культура фактически сверхэтнична. Любые попытки реализовать в сегодняшней России «русский проект» неизбежно придут в противоречие с современной социокультурной ситуацией.

Вполне космополитичные элиты используют «национальную идею» для символической компенсации структурного неравенства и переключения внимания с социальных проблем на этноконфессиональные. В этом контексте осмыслена и «угроза» исламизации России и других стран. Проблема рассматривается в связи с подробным анализом содержания и итогов политики мультикультурализма в 15 государствах ЕС; здесь же обозначены факторы, влияющие на формирование и изменение политик гражданства.

К сожалению, тезисы, к которым в рецензии сведено содержание книги, ни в какой мере не передают обаяния авторского стиля, выразительности фактологического материала, с неизбежностью разрушают логику авторской мысли, следить за развитием которой – большое удовольствие для читателя.

Формулировки В. Малахова настолько хороши (многие просто афоризмы ☺), что провоцируют избыточное цитирование первоисточника, превращая рецензию в конспект. Однако это представляется целесообразным, и вот почему: еще лет десять-пятнадцать назад в статье, посвященной книге В. А. Тишкова «Политическая антропология» В. Малахов писал об опасности этноцентристского мышления, которое «подобно болезни, проникло в сознание россиян». Тогда возможность «лечения» виделась в распространении среди широкой публики представлений о нациях/этнусах как социальном конструкте: «отдельные фрагменты этой книги, распечатав в виде брошюр, впору продавать в аптеках», – отмечал В. Малахов.

Сегодня этноцентрическое мышление стало в России основой государственной политики, а миф о существовании исконных национально-религиозных ценностей используется как пресс для трансформации законодательной базы государства.

В этой ситуации публикация книги оказывается не только итогом научного поиска, но и формой интеллектуального протеста против противоречивой и неэффективной политики государства, обозначением гражданской позиции, что требует немалого мужества, вызывает уважение и восхищение.

Чибисова О. В.

ПЕТРУНИНА Ж.В., КАНАЕВ Е.А., КИБА Д.В. СОВРЕМЕННЫЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЭКОНОМИКАМИ АТЭС: МОНОГРАФИЯ – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – 175 С.

Чибисова О. В.

O. V. Chibisova

ПЕТРУНИНА Ж. В., КАНАЕВ Е. А., КИБА Д. В.

СОВРЕМЕННЫЕ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЭКОНОМИКАМИ АТЭС: МОНОГРАФИЯ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – 175 С.

PETRUNINA ZH.V., KANAEV E.A., KIBA D.V. CURRENT AND PERSPECTIVE AREAS OF RUSSIA'S COOPERATION WITH APEC ECONOMIES. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR, KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2013. – 175 P.

Чибисова Ольга Владимировна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, корп. 4, ауд. 332; 8(4217)27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Ms. Olga V. Chibisova – Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Str., building 4, apt. 332; 8(4217)27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Особенности современного геополитического положения России, так же как и ее историческая роль, предоставляют возможности для усиления экономических позиций нашей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который стал одним из мировых экономических центров к концу XX в. Но реальное достижение Россией высокого статуса в регионе находится в непосредственной зависимости от учета, как национального опыта взаимодействующих стран, так и текущих интересов реальных и потенциальных партнеров в подобном сотрудничестве. Рецензируемая монография «Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономиками АТЭС», выпущенная в 2013 г. редакционно-издательским отделом ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», является результатом специального научного исследования, проведенного ее авторами Ж. В. Петруниной, Е. А. Канаевым, Д. В. Киба в данном направлении.

Работа состоит из двух глав «АТЭС и многостороннее экономическое сотрудничество в АТР» и «Состояние российского Дальнего Востока и предложения по продвижению интересов страны в АТЭС», каждая из которых содержит по три логически связанных между собой подглав. В первой из них раскрываются роль АТЭС и АСЕАН в современных приоритетах стран Северо-Восточной Азии, значительное внимание уделено отношениям ТТП и РВЭП и факторам, способствующим их притягиванию и отталкиванию. В ней обозначены ключевые цели участия экономик СВА в АТЭС и способы их достижения, например задача оказания содействия долгосрочному, ровному и сравнительно быстрому развитию экономики в Азиатско-Тихоокеанском регионе может быть решена, в том числе за счёт ускорения трансформации способов экономического развития и содействия занятости населения. В числе перспективных направлений сотрудничества АСЕАН и АТЭС выделены: облегчение торговых процедур, инвестиционное сотрудничество, ликвидация последствий стихийных бедствий, продовольственная безопасность и ряд других. Авторами названы факторы, сдерживающие динамичное экономическое взаимодействие в регионе, а именно: различия в политических режимах, культуре, уровне экономического развития государств АТР.

Вторая глава освещает такие проблемы, как ресурсная база и инфраструктура российского Дальнего Востока, взаимодействие российского Дальнего Востока с экономиками Северо-Восточной Азии в рамках АТЭС и гуманитарное взаимодействие российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии. Здесь основное место отводится рассмотрению задач, поставленных Россией при вступлении в АТЭС, и современному состоянию эко-

номического сотрудничества России и стран, входящих в АТЭС. Важно, что авторы рецензируемой монографии не обошли своим вниманием и процесс претворения в жизнь первоочередных задач, обозначенных в 2012 г. на саммите АТЭС во Владивостоке. Особо следует отметить, что авторы последовательно и убедительно излагают свою точку зрения на перспективные направления экономического сотрудничества России со странами АТР, которые получили отклик на саммите в Индонезии, проводившемся на о. Бали в 2013 г. Ряд предложений, несомненно, являются инновационными. Не менее ценными являются рекомендации органам государственной власти и местного самоуправления, реализация которых будет способствовать расширению гуманитарного взаимодействия России и экономик АТЭС.

В работе даны сноски на большое количество библиографического материала (207 источников), которое не только показывает значимость и весомость проработанных данных, но и способно удовлетворить запросы заинтересованного и требовательного читателя в необходимой ему дополнительной информации.

В целом представленное исследование является одним из первых, анализирующих предложенную проблематику в подобном ракурсе. Материалы и выводы исследования могут найти свое применение в дальнейших исследованиях взаимодействия России и стран АТР, в деятельности органов государственного управления, а также в процессе преподавания таких дисциплин, как «Регионоведение», «Современные международные отношения», «Всеобщая история». На наш взгляд, данная книга является своевременной, насущной и востребованной для самого широкого круга читателей.

Шунейко А. А.

БЛОК АЛЕКСАНДР. РОЗА И КРЕСТ – М.: ЦЕНТР КНИГИ РУДОМИНО, 2013 – 320 С. С ИЛЛ.

Шунейко А. А.

A. A. Shuneyko

БЛОК АЛЕКСАНДР. РОЗА И КРЕСТ. – М.: ЦЕНТР КНИГИ РУДОМИНО, 2013. – 320 С.

BLOK ALEKSANDR. ROSE AND CROSS – MOSCOW: BOOK CENTRE RUDOMINO, 2013. – 320 P.

Казалось бы, классическая литература внутренне едина, по крайней мере, по признаку постоянного интереса к ней читателей. Он обеспечивает неизменную востребованность, трансляцию идей, приближение к адекватности восприятия, бережное отношение, заинтересованное стремление проникнуть вглубь текста и увидеть его действительную полноту.

В реальности же судьбы произведений классической литературы существенно различны. Особенно хорошо это видно на примере пьес. Одни, подобно «Ревизору» Н. В. Гоголя, сразу и безусловно получают признание в полном соответствии со своей жанровой природой. Другие тоже не сходят со сцены, но вовсе за рамками задуманной автором жанровой природы – так, комедию «Вишневый сад» А. П. Чехова продолжают ставить исключительно как социально-психологическую драму. Третьи вовсе практически не видят света рампы, их появления на сцене крайне редки. Печальный пример тому – драма А. Блока «Роза и Крест».

«Роза и Крест», обладая всеми признаками сценичности, включая в себя напряженное действие со столкновением характеров и судеб, полотно событий от лично-личностного до исторического масштабов, до сих пор остается, по большей части, драмой для чтения. То есть, по сути, сравнима с картиной, которая висит изображением к стене, так что зритель может видеть только проступающие сквозь холст краски. Причин тому множество. Главные из них: власть негативной традиции, короткая зрительская и режиссерская память, семантическая и структурная сложность текста, опасливая осторожность режиссеров про-махнуться в интерпретации, загадочность общего фона, непонимание, как эзотерические линии связаны с собственно бытовыми, незнание контекста. Этот сложный круг вопросов нуждается в доказательном обоснованном разъяснении. Текст требует актуализации. Необходимо вмешательство специалиста, который сумеет объяснить и напомнить действительную природу характера динамического взаимодействия между персонажами, решаемыми ими проблемами и способами их подачи.

Функции преодоления непонимания, отторжения негативной традиции и «восстановления сценической справедливости» выполняет рецензируемое издание. Оно приурочено к 100-летию создания драмы и во многом уникально. Уникальность определяется тем, что драма представлена в максимально широком контекстном окружении, с различных сторон раскрывающем её загадочную природу, позволяющем увидеть за словами персонажей их смысл, за действиями – побудительные мотивы, за событийной канвой – безграничное проблемное поле, где нравственно-этические вопросы переплетаются с вопросами творческого осмысления мира, а те входят во взаимодействие с намеками на глубинные эзотерические прозрения.

Воссоздание этого широкого контекста – задача сложная. Одними традиционными комментариями при её решении не обойтись. Но главный вдохновитель, составитель и организатор издания – доктор филологических наук, профессор И. С. Приходько, решила её успешно, органично собрав под одной обложкой такое окружение драмы, которое позволяет воспринимать её одновременно в приближенном к оригиналу варианте и современным зрением. Возможность верного прочтения драмы обеспечивает контекст, который состоит из пяти типов текстов: блоковские, аналитические, переводной, иллюстративный и библиографический. Все они вместе создают обрамление, позволяющее сиять оградке шедевра в первозданной чистоте. Скажем о каждом из компонентов по отдельности.

Пояснительные тексты Блока представлены комментарием автора и его последующими пояснениями. Этот корпус составляют «Примечания к драме “Роза и Крест”», «Записки Бертраана, написанные им за несколько часов до смерти», «“Роза и Крест” (к постановке в Художественном театре)», «<Объяснительная записка для Художественного театра>». Все эти тексты вошли в шестой том Полного академического собрания сочинений и писем А. А. Блока. Иные (фрагментарные) блоковские оценки драмы (например, из писем) включены также в сопроводительные статьи. Так что можно сказать о том, что в книге собраны практически все высказывания Блока о собственной драме.

Аналитические материалы включают в себя шесть текстов: вступление И. Гениевой, вступление И. Приходько, текстологическую справку и три статьи – И. Приходько «“Роза и Крест” Александра Блока», А. Рычков «Исторический фон и религиозная подоплека драмы “Роза и Крест”», А. Пайман «“Роза и Крест” Александра Блока в серии эстампов Кирилла Соколова». В содержательном отношении эти материалы достаточно различны, как по направленности, так и по глубине проникновения в анализируемый материал. Особенно выделяется статья И. С. Приходько, в которой непосредственная личностная заинтересованность сочетается с пониманием глубинной сути драмы, указанием на необходимость детального истолкования её символики и убедительной трансляцией её текста в контексте мировой культуры. Безусловно верным представляется вывод, к которому приходит И. С. Приходько: «Поэтика драмы “Роза и Крест”, построенная на взаимодействии личного и всечеловеческого, биографического и обобщенно-символического, исторического и мифологического достигает предельной органичности, делает зримыми прорывы из временного в вечное, из земного в запредельное, и наоборот, из сверхчувственного – в мир земных дел и страстей» (с. 287-288).

Перевод драмы на английский язык был сделан современным американским исследователем Лансом Гарави. Первоначально этот перевод уже был опубликован в США. В настоящем издании перевод помещен параллельно оригинальному тексту. Такой подход расширяет количество потенциальных читателей книги и раздвигает языковые барьеры, дает возможность познакомиться с блоковским текстом людям, не владеющим русским языком. В семиотическом отношении наличие перевода – отчетливый знак востребованности драмы в мировой культуре и одновременно напоминание о важной максиме. Момент, когда национальное становится мировым – это не просто момент славы и торжества, но еще и время, когда возникает или возрастает ответственность, потребность в более внимательном, тонком и бережном отношении к тому, что рождено в рамках своей культуры. Начинает работать принцип: если стремятся понимать другие, мы (читатели) должны понимать лучше (или не хуже).

Значимым соединением аналитической и иллюстративной частей книги являются две составленные А. Л. Рычковым и Н. В. Дульневой карты: «Путь Бертраана в Бретань» и «Две встречи Бертраана с “войском Его Святейшества”». Проложенные на этих картах маршруты позволяют говорить о том, что путешествия Бертраана были напрямую связаны с альбигойско-катарской ересью. Духовный путь героя может восприниматься как поиски Святого Грааля и находится в связи с мистериями розенкрейцеров. Вполне можно допустить, что многоплановость драмы посылает сигналы и для подобных прочтений.

Книга иллюстрирована эстампами Кирилла Соколова. Эти символические листы глубинно связаны не столько с событийной канвой драмы, сколько с её многомерным содержанием. Основные персонажи и главные символы драмы сплетаются в визуальный ряд, предполагающий возможность нелинейного прочтения произведения. А поскольку сам текст Блока нелинеен, то такое визуальное проникновение в него важнее простых «сопроводительных картинок», оно становится еще одним комментарием, расставляющим уже не аналитические, а эстетические акценты, намечающим те пункты в полифонии текста, которые оказываются наиболее созвучными эстетическому восприятию в рамках иной знаковой системы.

И это очень интересно, поскольку сами символы Розы и Креста у Соколова в своих фиксациях постоянно балансируют между приземленно вещным (женская грудь, меч) и предельно абстрактным (круг, скрещение линий). Фиксирует Соколов и еще одно принципиальное для художественной вселенной Блока положение. В этом мире человек почти всегда символ, а символ, так или иначе, антропен. Так благодаря эстампам Соколова издание дает возможность не только читать, но и смотреть драму.

По полиграфическому исполнению и дизайну (дизайнер – Т. Н. Костерина) книга в подарочном варианте безусловно соединяет утонченную изысканность и академическую строгость.

Издание завершается библиографией, в которой собрано практически всё, что написано о драме. Это еще одно расширение границ восприятия текста и еще один показатель его укорененности в культурной традиции. Благодаря библиографии аналитическая часть книги многомерно увеличивается.

Организация книги помещает драму в уникальный контекст. Он дает читателю возможность видеть «Розу и Крест» во множестве измерений одновременно или выбрать какое-либо измерение для себя, сконцентрироваться на нем, а потом проверить истинность своего восприятия, обратившись к иному измерению. И так, переходя от одного к другому, всё глубже и глубже погружаться в текст.

Книгу объединяет заинтересованное и удачно реализованное желание воспроизвести (показать, выявить) полноту текста различными средствами. Несомненно, это заслуга И. С. Приходько – современного блоковеда, человека, наделенного удивительно трепетным восприятием прекрасного и действенной силой в его защите.

Слова Бертрана из пятой сцены четвертого акта драмы: «Цвети, о, роза // В саду заветном, // Благоухай, пока над миром // Плывет священная весна!», – с учетом заданной Блоком безграничной многозначности драмы, помимо прочего, можно отнести и к ней самой, и к рецензируемой книге.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

СЕРЕБРЯНАЯ И. Б. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В РУССКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. – КАЗАНЬ: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕЧАТЬ-СЕРВИС XXI ВЕК», 2012. – 140 С. – 500 ЭКЗ.

SEREBRJANAJA I. B. GRAMMATICAL APPRAISALS IN THE RUSSIAN CRITICAL LITERATURE OF THE FIRST HALF OF XIX C. MONOGRAPH. – KAZAN: “PRESS-SERVICE XXI CENTURY” 2012. 140 P. 500 COPIES

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av.; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Сферы и формы оценки языка не менее разнообразны, чем сферы и формы его существования. Язык постоянно оценивают все, кто им пользуется, весь языковой коллектив: от академика до бомжа. Каждый из носителей языка уже самим фактом употребления тех или иных форм осуществляет имплицитную оценку его функциональных свойств. И количество прямо выраженных оценок поражает своим многообразием. Они располагаются на протяженной шкале, где одну из крайних точек занимают академические грамматики и монографии, а другую – спонтанные замечания носителей языка в процессе речи: «не говори так», «это слово мне нравится», «он постоянно лжет» и т.д. Важно, что на этой шкале нет приоритетных с точки зрения познания языка оценок, нет более или менее важных, более или менее значительных и информативных. Все они существенны по-своему, все они характеристичны, все они нуждаются в исследовании и подвергаются ему.

В этой связи и актуален анализ оценок речи (реальных употреблений коммуникативных единиц), к которому обращались многие блестящие лингвисты и, в первую очередь, наиболее продуктивно и последовательно – Б. С. Шварцкопф. Но, несмотря на солидную академическую традицию, в рецензируемой монографии представлен первый удачный опыт целостного анализа оценок речи, характеризующихся единством времени и сферы функционирования – русская критика первой половины XIX века.

Активно и доказательно утверждая пафос единства филологического знания, автор обоснованно заявляет о необходимости вычленения специальной области языкознания – русской лингвистической аксиографии, и, по сути, своей работой доказывает факт её существования и значительной степени зрелости. Это доказательство осуществлено на большом и информативно насыщенном лингвистическом материале, характеризуется структурной четкостью, сопровождается тонкими наблюдениями, верными интерпретациями фактов и содержательными выводами.

Основной объем книги составляют пять глав: «Особенности грамматических оценок в русской критической литературе 1-й половины XIX века», «Оценки морфологической стороны прозаических произведений», «Оценки морфологической стороны стихотворных произведений», «Замечания о морфологической правильности драматургии», «Основные типы аргументации в критических оценках морфологической правильности языка». Отметим, что перед нами не поверхностное и очевидное жанровое распределение, а обоснованная языковыми фактами стратификация. Автор связывает её со спецификой оценок, в частности, с тем, что в оценках драматургии и поэзии преобладали грамматико-стилистические оценки син-

Шунейко А. А.

СЕРЕБРЯНАЯ И. Б. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В РУССКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1-Й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. МОНОГРАФИЯ. – КАЗАНЬ: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЕЧАТЬ-СЕРВИС XXI ВЕК», 2012. – 140 С

тагматического типа, а при оценках прозы господствовали ортологические замечания парадигматического характера. Любопытное само по себе замечание о том, что критик первой половины XIX века речевую единицу в поэзии и драме воспринимает контекстно, а ту же единицу в прозе – внеконтекстно, может послужить базой для серьезных выводов относительно специфики языковых форм, характера их восприятия и особенностей их воздействия на носителей языка в плане актуализации тех или иных прагматических механизмов.

Не менее интересны и другие выводы. Обратимся к наиболее содержательным.

Автор констатирует противоречие между придирчивым вниманием критиков к грамматическим фактам (при довольно широком их понимании) и утверждениями о несущественности правок речевого строя текста. И объясняет это сложностью взаимоотношения формального и идейно-содержательного плана искусств. Думается, что несуществующие границы между формой и содержанием художественного текста действительно могут объяснять это противоречие.

Автор выявляет, что критики первой половины XIX века разграничивали грамматические (нарушение регламентаций, содержащихся в нормативных руководствах) и языковые (отступления от общепринятого употребления и спорные вопросы, еще не получившие регламентации) ошибки. Сам этот факт говорит о том, что носителями языка интуитивно осознавались различия между нормой и узусом.

Автор устанавливает два принципиально разных подхода к фактам языка: парадигматический (факт воспринимается изолированно от контекста) и синтагматический (факт воспринимается как часть контекста). На наш взгляд, это отражает сложное и многообразное взаимодействие конкретных единиц художественного текста с национальным языком и характер степени включенности самого текста в национальный язык, степень его относительной самостоятельности, устойчивости и целостности.

При несомненной ценности этих наблюдений следует помнить о двух фактах:

1) Указанный период является очень сложным в нормативном отношении: норма в современном понимании еще не установилась.

2) Сам инструментарий, которым пользовались критики, неоднозначен и четко не определен.

Кроме оригинальных лингвистических наблюдений и выводов книга дает целостное представление о языковом вкусе эпохи с её стремлением сбросить с себя оковы классицизма и писать так, как того требует довольно зыбкое в аналитическом смысле, но интуитивно понятное большинству носителей языка представление о современности. Стремление видеть в художественном тексте гармоническое соединение традиции и новаторства вместе с чисто вкусовыми приоритетами определяет присутствие многих оценок.

Если Вам интересно, как современники воспринимали ту литературу, которая сейчас является для нас классической, какие проблемы языка и речи их интересовали, как они стремились регулировать живые коммуникативные формы, в каком направлении шла их нормализаторская деятельность, обратитесь к книге И. Б. Серебряной. В этой достойно организованной монографии Вы найдете ответы не только на эти вопросы, но и получите целостное представление о развитии литературного языка и языка художественной литературы, представление, поданное в форме, соединяющей научную глубину и доступность, иллюстративную буквальность и высокий теоретический уровень.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Иващенко Я. С.
Y. S. Ivaschenko

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
В Г. КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ» (КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 12 ДЕКАБРЯ 2013 г.)**

**ROUNDTABLE: « HUMAN RESOURCES CONSERVATION IN THE CITY
OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR» (KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL
UNIVERSITY, DECEMBER 12TH, 2013)**

Иващенко Яна Сергеевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; 8(4217)24-11-57. E-mail: iva_ya@mail.ru
Ms. Yana S. Ivaschenko – Doctor of Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina St.; + 7 4217 241157. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края

Целями научно-практического мероприятия «Сохранение человеческих ресурсов в г. Комсомольск-на-Амуре», проходившего в формате круглого стола, являются привлечение внимания общественности к одной из ключевых проблем Дальневосточного региона, пропаганда еще разрабатываемых или уже реализующихся проектов, призванных приостановить отток населения из города, и, главное, выработка нового видения этой региональной проблемы, формулировка практических рекомендаций для ее решения. В стенах КНАГТУ под руководством одного из участников круглого стола И. И. Докучаева уже проводилось в 2011 г. научное мероприятие, посвященное демографическим и социально-экономическим проблемам всего Дальнего Востока России. Ключевые выводы Международной конференции «Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения» были актуализированы на этом круглом столе.

Круглый стол объединил в оживленной дискуссии представителей различных категорий социального пространства Комсомольска-на-Амуре: руководителей отделов Комсомольского нефтеперерабатывающего завода, занимающихся кадровой политикой (В. В. Комаров, Е. Н. Отрохова); городскую администрацию (И. В. Лаврентьев), администрацию Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета и руководителей его структурных подразделений (А. Р. Куделько, И. И. Докучаев, В. В. Телеш, В. В. Петров, Я. С. Иващенко, Н. Ю. Костюрина), СМИ города (В. Котова).

Были представлены уже действующие проекты по прекращению оттока населения из г. Комсомольск-на-Амуре: социальные проекты «Я остаюсь» и «Не уезжай», образовательные мероприятия, обеспечивающие взаимодействие различных ступеней подготовки квалифицированных кадров (школа – вуз – производство) для одного из престижных предприятий города – нефтеперерабатывающего завода, научно-исследовательский проект «ДВ России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения», научно-исследовательский центр по изучению катализа.

Если роль первых мероприятий в решении демографических проблем города очевидна, то значение последнего, в особенности для непосвященных в проблемы нефтяной отрасли и химических реакций, на наш взгляд, следует вкратце разъяснить. О значимости катализа в нефтеперерабатывающей отрасли можно говорить много и долго. В аспекте же главной проблемы круглого стола считаем достаточным и необходимым сказать об уникальности этой лаборатории и ее роли в подготовке и сохранении в регионе научно-производственных кадров в области нефтехимической отрасли. Научно-исследовательских лабораторий по ка-

Ивашенко Я.С.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В Г. КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ»
(КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 12 ДЕКАБРЯ 2013 Г.)

тализу такого уровня в России всего три: в г. Санкт-Петербург, в г. Новосибирск и в г. Комсомольск-на-Амуре. Разработка подобных технологий, изучение которых было приостановлено в России в 1990-е гг., должна способствовать развитию нефтехимической промышленности на Дальнем Востоке и в России в целом. Хочется надеяться, что в обозримом будущем достижения в этой области позволят существенно сократить использование дорогостоящих зарубежных катализаторов. Кроме того, изучение каталитических реакций – одно из приоритетных мировых научных направлений. Необходимо понимать, что наличие такой лаборатории в городе способно приостановить процессы миграции в центральные регионы страны научных сотрудников, занимающихся этим явлением. Это позволит использовать их научный потенциал в развитии нефтехимической промышленности Дальнего Востока и тем самым поднять научный и научно-производственный престиж этой территории.

Но можно ли изменить демографическую ситуацию, воздействуя лишь на отдельные проблемные зоны, будь то промышленно-экономическая составляющая региональной жизни и, в частности нефтеперерабатывающая отрасль, будь то развитие научных школ или вопросы занятости населения? Как отметил профессор И. И. Докучаев, в данном случае необходимы, как минимум, глобальные инвестиционные проекты вроде сочинской Олимпиады или строительства Байкало-Амурской магистрали, которые бы оживили всю инфраструктуру региона.

Разработка программы сохранения человеческих ресурсов региона должна базироваться на научном понимании проблемы: ее истоков, закономерностей развития и т.п., иначе решение демографических проблем на Дальнем Востоке России, подобно симптоматическому лечению вируса гриппа каплями для носа и леденцами для горла, создаст только временный эффект.

В связи с вышесказанным необходимо подробнее остановиться на уже упомянутом научном проекте. Он начинался в качестве инициативной темы, финансируемой за счет личных средств технического университета, потом получил государственную поддержку. Это исследование представляет собой многопрофильный анализ следующих аспектов общей проблемы сохранения человеческого потенциала и повышения качества жизни населения Дальнего Востока России:

- истории освоения Дальнего Востока и прежнего опыта обогащения этой территории людьми;
- социально-экономических вопросов, вопросов трудовой занятости населения в производстве и других сферах жизни региона;
- идеологической и культурной составляющих жизни региона;
- процессов сотрудничества российского Дальнего Востока со странами АТР; сценариев развития эффективной межкультурной коммуникации с этими странами;
- программ в сфере образования для улучшения демографической ситуации в регионе.

Несмотря на то, что проект является научно-исследовательским, по его итогам (в конце 2014 г.) планируется сформулировать рекомендации, прежде всего, Правительству Хабаровского края. Проведенный в рамках этого исследования социологический анализ выявил парадоксальную закономерность: желание уехать чаще возникает у населения более благоприятных районов Хабаровского края. В данном случае стоит пристальнее взглянуть не столько на очевидные социально-экономические причины, сколько на идеологические и социально-культурные факторы. Требуется, например, обратить внимание на то, что Дальний Восток продолжает позиционироваться в качестве исключительно промышленного центра и депрессивного региона. На настоящем этапе развития необходимо формировать другой имидж, другую мифологию региона. Наиболее целесообразным представляется актуализация или создание мифов, репрезентирующих пространство Дальнего Востока в выгодном для него свете. Развитие культуры, сферы услуг, образования, здравоохранения региона – все то, что может комплексно реализовать потребности человека как личности, но далеко не соответствует мировым стандартам – должно быть таким же приоритетным направлением, как и развитие промышленности.

Наличие всех этих вопросов и противоречий говорит о том, что общая программа развития Дальнего Востока России требует доработки не только в плане дополнения и конкретизации, но и на концептуальном уровне.

Иващенко Я. С.
Y. S. Ivaschenko

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ И АТТЕСТАЦИИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (О НОВЫХ АКТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ, РАССМОТРЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫМ СОВЕТОМ ДМ 212.092.05 ПРИ КОМСОМОЛЬСКОМ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 2013 г.)

A REGIONAL SYSTEM OF TOP-QUALIFICATION PERSONNEL TRAINING AND APPRAISAL FOCUSED ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S FAR EAST (NEW TOPICAL STUDIES REVIEWED BY THE DM 212.092.05 THESIS BOARD AT KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2013)

Иващенко Яна Сергеевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; (4217) 24-11-57. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Ms. Yana S. Ivaschenko – Doctor of Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina St.; + 7 4217 241157. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края.

14 октября 2013 г. возобновил свою работу Объединенный диссертационный совет ДМ 212.092.05, созданный на базе ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет». Совет теперь правомочен рассматривать докторские и кандидатские диссертации по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры по историческим, философским наукам и культурологии. В обновленный состав совета вошли ведущие ученые трех вузов Хабаровского края: ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный институт искусств и культуры» и ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения». Основу составили штатные сотрудники Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Уже в декабре 2013 г., спустя два месяца после открытия совета, состоялись защиты первых диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата наук по всем трем профилям: философские науки (диссертация И. Ю. Кураева «Социальная мобильность в переходные периоды истории культуры»), исторические науки (диссертация Н. Н. Абабковой «Развитие театра на юге Дальнего Востока в условиях радикальной общественной трансформации России (1985-2005 гг.)»), культурология (диссертация А. В. Маликовой «Аксиологические основания культуры старообрядцев часовенного согласия Хабаровского края»). По результатам защит, в ходе которых неоднократно разгорались жаркие дискуссии и разделялись мнения членов совета, авторы этих трех работ были удостоены присуждения им искомых ученых степеней.

Следует также отметить, что половина всех работ, поданных к рассмотрению, была отклонена советом по причине несоответствия содержания диссертаций его профилю или требованиям, предъявляемым к квалификационным работам на соискание ученых степеней. Приводя эти показатели, считаем необходимым подчеркнуть следующий факт: несмотря на наличие спроса на кадры высшей квалификации на Дальнем Востоке России и отсутствие в этом регионе других диссертационных советов по научным направлениям «культурология», «философские науки» и «исторические науки», в совете ДМ 212.092.05 «соблюдаются высо-

кие стандарты российской науки»¹, учитываются общероссийские требования по подготовке и аттестации научных кадров и научная конъюнктура.

Хочется подробнее остановиться на работах, отмеченных советом в качестве достойных. Несмотря на различие научных профилей и тематики этих диссертационных исследований, их объединяет стремление к всестороннему анализу процессов культурных изменений, выявлению закономерностей и механизмов социокультурных трансформаций. Каждая из отмеченных работ представляет собой оригинальную авторскую концепцию изучения этих вопросов. И. Ю. Кураев рассматривает эти проблемы, охватывая всю историю развития человечества и делая акценты на ее переходных периодах, Н. Н. Абабкова – на примере функционирования театра в конкретный проблемный и достаточно противоречивый период в истории Дальневосточного региона и России в целом (с 1985 по 2005 гг.), А. В. Маликова – на материале отдельной конфессиональной группы, проживающей на территории Дальнего Востока – старообрядцев часовенного согласия Хабаровского края. Несмотря на то что соискатель ученой степени кандидата культурологии А. В. Маликова анализирует достаточно консервативную часть населения этого региона России, стремящуюся и сегодня к полной изоляции и ориентированную на максимальное сохранение своих традиций, тем не менее исследование этой диссертантки обнаружило любопытные модификации, происходящие в культуре старообрядцев под влиянием современного социокультурного окружения.

Интенсивные и непрерывные *трансформации* – это *константная* характеристика современных культурных процессов (мы намеренно здесь используем такую стилистическую фигуру, как оксюморон), поэтому нельзя не отметить, во-первых, своевременность и актуальность, во-вторых, практическую значимость рассмотренных работ, в-третьих, их соответствие специальности «Теория и история культуры». Практическое применение защищенных диссертаций не ограничивается использованием полученных результатов в образовательном процессе. В той или иной степени каждое из представленных исследований ориентировано на анализ принципов функционирования исторических и, главное, современных социокультурных систем, выявление особенностей взаимодействия между собой их структурных компонентов, различных социальных и конфессиональных групп. Поэтому выводы этих диссертаций могут быть востребованы в управлении современными социально-культурными процессами, учтены различными правительственными структурами.

К сказанному непременно следует добавить то, что большая часть рассмотренных работ посвящена изучению проблем истории и современности региональной культуры. Источниковую базу этих исследований составляют данные, полученные в ходе личного участия авторов в полевых исследованиях, а также материалы архивов, в том числе находящихся в центральной части России, содержащих сведения по Дальнему Востоку на различных этапах его развития. Из всего этого следует, что молодые научные кадры Дальнего Востока России, претендующие на получение ученой степени по гуманитарным направлениям, а также сама система подготовки и аттестации кадров высшей квалификации ориентированы в значительной степени на изучение и развитие этого региона.

¹ Формулировка заимствована из официального письма И. П. Давыдова (доцента философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; г. Москва), направленного в дидактических целях руководству совета ДМ 212.092.05: доктору культурологии, профессору Т. А. Чебанюк, доктору философских наук, профессору И. И. Докучаеву, доктору культурологии, доценту Я. С. Иващенко.

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

НЕКРОЛОГ. МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ УВАРОВ

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Не стало Михаила Семеновича Уварова. Для российской философии и культурологии это имя никогда не потеряет своего значения. Умный и тонкий ценитель истины, добра и красоты, обладавший уникальным даром философического письма и способностью откликаться на самые существенные вопросы, которые задает человеку мир, вопросы о вечном и временном, о вселенском и родном, Михаил Семенович навсегда останется в памяти всех людей, которым небезразлична русская философия и культура.

Михаил Семенович был одним из самых ярких философов Санкт-Петербурга, выпускник знаменитой литературно-исторической школы № 27, он был человеком, олицетворявшим лучшие традиции философского факультета Санкт-Петербургского университета. Он не просто знал и любил философию, он являлся профессионалом высочайшего класса, способным чувствовать малейшую фальшь и настоящее открытие. Его ум, порядочность, вера всегда вызывали уважение и любовь, желание учиться у мастера и общаться с ним.

Михаил Семенович многое успел сделать – он постоянно и напряженно работал и создал более 400-т научных текстов, он устраивал многочисленные конференции, редактировал альманах «Парадигма», возглавлял научный центр «Софик». География его научных путешествий обширна и свидетельствует о том, что Михаил Семенович умел и любил откликаться на просьбы тех, кто интересовался его работой. Однако боль потери сегодня такая острая, что невозможно не сожалеть об утраченном даре, ведь Михаил Семенович мог бы написать еще больше книг, организовать еще больше конференций, отредактировать еще больше текстов.

В Комсомольске-на-Амуре Михаил Семенович побывал в 2006-м году, с тех пор он навсегда остался другом нашего университета, тепло вспоминал о нем и всегда поддерживал наших коллег.

Для тех, кто знал и помнит Михаила Семеновича, его уход ничем не восполним, но остались его ученики и книги. В последние годы он особенно много работал, стараясь выполнить свой долг перед собственным даром и перед теми, кто ценил этот дар. Эти книги стоят того, чтобы их прочесть, и они останутся тем способом общения с философом, который не в состоянии разрушить смерть. Вечная память Вам, дорогой Михаил Семенович.

Илья Докучаев